

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

**УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВА
В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ
ОТНОШЕНИЯХ
С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ**

Монография

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2017*

УДК 634.1:631.524.82(470.6)

ББК 42.35

Б84

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № от 2017.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова». Протокол № от 2017.

Автор: доцент кафедры истории и теории права юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова **Барышев В.А.**

Р е ц е н з е н т ы :

заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин Института управления и предпринимательства, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси, заслуженный юрист Республики Беларусь *Тихиня В.Г.*; заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, профессор *Шматков И.И.*; доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук *Гурищенков П.В.*

Барышев В.А.

Б84 Участие государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом: монография / В.А. Барышев. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 163 с.
ISBN 978-985-517-630-6

В монографии изложены основные проблемы, связанные с участием государства в гражданско-правовых отношениях. В первую очередь подробно исследуется иммунитет государства, который является давним общим принципом международного частного права. Впервые в белорусском праве подробно изложены формы участия государства в частноправовых отношениях с иностранными юридическими и физическими лицами. Монография будет полезна юристам, работающим в сфере внешнеэкономической деятельности, всем, кто проявляет интерес к самому востребованному и динамично развивающемуся праву нашего времени.

УДК 634.1:631.524.82(470.6)

ББК 42.35

ISBN 978-985-517-630-6

© Барышев В.А., 2017

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА	7
1.1. Государство в гражданских правоотношениях: историко-правовые аспекты	7
1.2. Государство – суверенный субъект гражданско-правовых отношений	13
1.3. Органы, представляющие государство в гражданско-правовых отношениях с иностранными субъектами	19
ГЛАВА 2. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИММУНИТЕТА ГОСУДАРСТВА	26
2.1. Правовая природа иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях	26
2.2. Доктрина акта государства как правовое основание теории абсолютного иммунитета государства	33
2.3. Теория функционального иммунитета государства: состояние, тенденции развития	42
2.4. Международно-правовая кодификация иммунитета государства: состояние и реальные возможности	53
2.5. Иммунитет государств-участников Евразийского экономического союза и возможность его кодификации	63
ГЛАВА 3. ФОРМЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА ...	69
3.1. Республика Беларусь и административно-территориальные единицы в гражданско-правовых отношениях: общие положения	69
3.2. Республика Беларусь и административно-территориальные единицы как субъекты инвестиционных правоотношений	74
3.3. Государство как субъект коммерческих отношений	86
3.4. Ответственность государства за причинение вреда и ответственность за причинение ущерба государству	94
3.5. Государство как участник отношений интеллектуальной собственности	101
3.6. Право, применимое в правоотношениях с участием государства	109
3.7. Иммунитет Республики Беларусь в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом	113
3.8. Регулирование участия иностранного государства в гражданско-правовых отношениях в белорусском законодательстве	122
3.9. Концепция закона об иммунитете государства	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	138
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	142

ВВЕДЕНИЕ

Участие государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом представляют собой одну из наиболее сложных и актуальных проблем в международном частном праве. В правовой доктрине принято считать, что государство участвует в гражданско-правовых отношениях с иностранными юридическими и физическими лицами в виде исключения, в силу чего его не относят к основным субъектам международного частного права. Однако степень вовлеченности государства в частно-правовые отношения с иностранными субъектами зависит от избранной экономической модели развития. Государства с классической капиталистической экономикой, которую в настоящее время принято называть рыночной, практически не участвуют в гражданско-правовых отношениях, ограничиваясь макроэкономическим регулированием производства. В то время, как государства, возникшие на постсоветском пространстве, в силу особенностей экономики переходного периода, который явно затянулся, вынуждены непосредственно заниматься организацией процесса производства: заключать инвестиционные и концессионные договоры с частными иностранными инвесторами, выступать гарантом сделок с зарубежными партнерами национальных юридических лиц, выпускать и размещать на финансовых рынках ценные бумаги, получать кредиты от иностранных частных банков и компаний и т.п.

Наглядный пример активного участия государства в гражданско-правовых отношениях демонстрирует Республика Беларусь, поскольку с 2007 года практикуется заключение инвестиционных договоров от имени Республики Беларусь, количество которых на 01.01.2016 по данным, полученным из Министерства экономики, достигло 493. Как правило, в названных договорах предусмотрена такая мера, как отказ государства от судебного иммунитета, иммунитета от предварительного обеспечения иска и исполнения судебного или арбитражного решения. Очевидно, что отказ от названных трех видов иммунитета государства необходим в связи с тем обстоятельством, что законодательство Республики Беларусь наследовало из советского права теорию абсолютного иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом, которая не допускает предъявления исков к государству со стороны иностранных юридических и физических лиц. Отказ от иммунитета Республики Беларусь в инвестиционных договорах является мерой, призванной повысить доверие иностранных инвесторов в плане возможностей юридической защиты их интересов.

Главная проблема, связанная с участием государства в гражданско-правовых отношениях – теория абсолютного иммунитета, согласно которой к государству не допускается предъявления исков в иностранных судах, невозможно применение обеспечительных мер, а также не допускает-

ся принудительное исполнение судебного решения иностранного суда. Теория абсолютного иммунитета государства возникла в XIX столетии и широко применялась в отношениях между государствами на протяжении примерно столетия. Однако с 50-х годов XX века США и некоторые другие развитые страны начали переходить от теории абсолютного иммунитета государства к теории функционального иммунитета, согласно которой государство не может рассчитывать на иммунитет в случаях участия в гражданско-правовых отношениях с иностранными субъектами, если такие отношения носят коммерческий характер. Характерно, что западные страны, перешедшие на позицию функционального иммунитета, рассчитывают на применение этой теории, прежде всего, в интересах собственных корпораций, но если на основании этой теории претензии предъявляются к ним, то они апеллируют к иммунитету государства. Такой пример продемонстрировала Германия, которая перешла на позицию функционального иммунитета, подписав Европейскую конвенцию об иммунитете государств 1972 года, но когда в отношении ее итальянские суды начали удовлетворять иски лиц, пострадавших от действий немецкого вермахта в годы второй мировой войны, Германия не признала их законность и обратилась в Международный суд ООН с иском к Италии по поводу несоблюдения итальянскими судами ее юрисдикционных иммунитетов [55]. Данный пример свидетельствует о двойных стандартах отдельных западных стран в отношении к теории функционального иммунитета: когда это выгодно – ее применяют, когда нет – заявляют о наличии иммунитета.

Вопрос участия государства в гражданско-правовых отношениях активно исследуется в правовой доктрине ряда государств. В Республике Беларусь данная проблема рассматривалась в работах Т.А. Беловой, С.С. Вабищевича, А.Ю. Корочкина, О.И. Кравченко, Е.Б. Леанович, И.А. Маньковского, О.Н. Романовой, В.Г. Тихини, Я.И. Функа, В.Ф. Чигира и других. В российской правовой науке исследования по данной проблематике можно условно разделить на две группы: работы по проблеме правового статуса государства и работы, касающиеся его иммунитетов. К первой группе исследований следует отнести работы Ю.Н. Андреева, С.Н. Братуся, М.И. Брагинского, П. Витквявичюса, В.Б. Ельяшевича, Д.И. Мейера, И.А. Покровского, П.И. Стучки, В.Е. Чиркина и других. Ко второй группе относятся научные исследования М.М. Богуславского, Г.К. Дмитриевой, В.А. Жукова, И.И. Лукашука, Л.А. Лунца, Г.Н. Нешатаевой, А.Г. Светланава, И.В. Силкиной, Е.Т. Усенко, Н.А. Ушакова, И.О. Хлестовой, В.В. Яркова и других. К наиболее известным зарубежным исследователям проблемы иммунитета государства относятся: Я. Броунли, М. Гордон, Л. Оппенгейм, Дж. Споногл, С. Сучариткул, А. Фердросс, Р. Фолсон, Х. Шак и другие.

Правовые нормы, регулирующие участие государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом, в Республике Беларусь

содержатся в разных нормативных правовых актах, которые характеризуются наличием существенных пробелов и противоречий, что свидетельствует о необходимости совершенствования законодательства в названной сфере. Так, в статье 127 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) предусмотрено принятие законодательных актов, которые должны определить ответственность Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц в гражданско-правовых отношениях с участием иностранных юридических и физических лиц и государств, однако указанные акты не приняты до настоящего времени. Между статьей 553 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) и статьей 239 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) имеется расхождение в подходе к иммунитету иностранного государства: статья 553 ГПК устанавливает абсолютный иммунитет иностранного государства, в то время как статья 239 содержит отход от иммунитета государства. В законах Республики Беларусь «Об инвестициях» и «О концессиях», заменивших Инвестиционный кодекс, имеются отдельные противоречия, которые могут неверно ориентировать потенциальных иностранных инвесторов о позиции белорусского законодателя в вопросе иммунитета Республики Беларусь. Неопределенность правового статуса государства в гражданско-правовых отношениях, наличие правового пробела в ГК Республики Беларусь, противоречия между ГПК и ХПК по вопросу иммунитета иностранного государства, различия по вопросу об отказе от иммунитета государства в инвестиционном законодательстве, а также ряд других вопросов, касающихся участия иностранного государства и Республики Беларусь в частноправовых отношениях с иностранным элементом, требуют теоретического анализа и предложений по практическому разрешению обозначенных проблем.

ГЛАВА 1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА

1.1. Государство в гражданских правоотношениях: историко-правовые аспекты

В литературе по международному частному праву в Беларуси и России констатируется возможность участия государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными субъектами, и перечисляются формы такого участия без определения статуса государства. В авторском учебнике известного российского юриста М.М. Богуславского статус государства определен следующим образом: «В области имущественных отношений государство выступает как *особый субъект права* (выделено мной – В.Б.), поскольку оно не является юридическим лицом. Категория юридического лица – это категория внутреннего права каждого государства. Само государство наделяет какое-либо образование правами юридического лица, то есть само государство устанавливает, что то или иное образование является юридическим лицом. Кто же может наделить государство правами юридического лица? Только какой-либо правопорядок, существующий над государством, или какое-либо всемирное правительство, о создании которого много писали в юридической и общеполитической литературе, но такого надгосударственного органа нет» [17, с. 177].

Таким образом, по мнению одного из ведущих российских специалистов в области международного частного права, государство в гражданских правоотношениях – это особый субъект права, не являющийся юридическим лицом. Такое определение, на наш взгляд, недостаточно конкретно определяет статус государства и не объясняет такой особенности государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными физическими и юридическими лицами, каким является его иммунитет в названных правоотношениях. Для выяснения вопроса о статусе государства в гражданско-правовых отношениях уместно обратиться к истории участия государства в таких отношениях.

Исторические корни участия государства в гражданско-правовых отношениях уходят глубоко в прошлое и могут быть обнаружены еще в Римском государстве. В римском праве не было выработано понятие «юридическое лицо», однако образования, которые обладали признаками юридического лица, в Древнем Риме существовали. К ним в период империи относились муниципии (*municipium*) – городские общины, сохранявшие свою правовую хозяйственную самостоятельность и являвшиеся коллективными собственниками, а также частные корпорации (*collegia*,

universitas) [213, с. 139]. В силу этого обстоятельства исследователи римского права констатировали наличие в Древнем Риме юридических лиц и занимались их изучением.

Наиболее полно вопрос о юридических лицах в римском праве был рассмотрен в диссертации российского юриста В.Б. Ельяшевича «Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве», опубликованной в 1910 году. Давая обзор теорий юридического лица, выдвинутых и обоснованных к тому времени, автор, в частности, отмечает: «Все эти теории, ищущие разрешения проблемы юридического лица в учении о субъекте права, действительно, дают этому последнему учению такую переработку, при которой понятие субъекта права не строится уже на основании одной группы явлений... Но ответа на вопрос, что представляют из себя те явления, которые мы обнимаем именем юридического лица они не дают. Правопорядок может связывать свойство юридической личности с любым явлением или понятием. Он связывает это свойство с союзом или учреждениями, которые называются тогда юридическими лицами» [54, с. 21]. Примечательно, что автор начинает свое исследование с описания имущественно-правового положения римского государства, чему посвящен первый раздел работы [54, с. 31]. Характеризуя участие римского государства в гражданско-правовых отношениях, В.Б. Ельяшевич отмечает: «Еще недалеко то время, когда представлялось само собой понятным, что римское государство испокон веков выступало в области гражданского права в качестве юридического лица. Для Савиньи государство в сфере имущественных отношений всегда являлось значительнейшим и важнейшим юридическим лицом» [54, с. 31]. Участие государства в гражданско-правовых отношениях, автор диссертации рассматривает посредством изучения правового положения римской государственной казны (*aerarium*), являвшейся основным источником финансов в период Республики, и императорской казны (*fisci*), заменившей в этой роли *aerarium* в период Принципата и Империи. В своем исследовании В.Б. Ельяшевич приходит к заключению, что государственная казна (*aerarium*) не участвовала в гражданском обороте, так как отношения с ее участием регулировались иными нормами, чем нормы общественного гражданского права, «устанавливались в иных формах, регулировались иным порядком» [54, с. 60]. Из этого автор делает вывод: «Гражданско-правовой личностью *populus Romanus* (римский народ – В.Б.) не обладал. Все его юридические отношения стояли вне гражданского права. Он принимает участие в обороте, но ... это не есть общегражданский оборот. Он создает для себя особые формы оборота, руководится особыми нормами, в рамки тогдашнего гражданского права не укладывающимися. С *privatae personae* он не уравнен и никогда уравнен не был. Юридическим лицом гражданского права римское республиканское государство не является» [54, с. 65].

С установлением принципата (27 г. до н.э. – 193 г. н.э.) рядом с *aerarium* возникает *fiscus Caesaris*, который очень быстро оттеснил *aerarium* на положение простой городской кассы, а сам занял место государственной казны. По мнению В.Б. Ельяшевича, императорская казна-фиск, возникшая как частное имущество принцепса, постепенно превратилось в государственную казну, сохранив подчинение нормам гражданского права. Для фиска были созданы правовые привилегии, но как отмечает автор «...положение фиска не есть положение вне гражданского оборота, каковым было положение *aerarium*'а, а исключительно положение в пределах этого оборота» [54, с. 92]. Несмотря на участие фиска в гражданском обороте, утверждает Ельяшевич, римские юристы не признали в нем юридическое лицо, поскольку «за фиском для римлян стоит не государство, а живое конкретное лицо – принцепс. Тем самым, несмотря на наличие уже в классическом праве всех нужных к тому элементов, навсегда была устранена возможность формирования в римском правосознании идеи, что государство есть субъект гражданского права, есть гражданско-правовое юридическое лицо» [54, с. 95].

С выводами В.Б. Ельяшевича о разной правовой природе *aerarium*'а и фиска не согласился один из авторитетнейших русских цивилистов начала XX столетия И.А. Покровский, автор литературного обозрения названного исследования. «Имущественно-правовое положение государства в период республики, – утверждал Покровский, – несомненно, отличается от имущественного положения частных лиц, но можно ли на этом основании вывести *aerarium* вовсе за пределы гражданского права, это вопрос, который не может не оставлять сомнений. Отношения и формы переплетаются, эволюционируют, и та форма, которая в одну эпоху выставляется автором, как доказательство того, что данные отношения выходят «принципиально» за пределы гражданского оборота, в другую эпоху, при других условиях, по собственному признанию автора, являются уже особенностями внутри этого оборота» [139, с. 285]. На основании этого автор литературного обозрения приходит к итоговому выводу: «На пространстве длинного исторического периода, и притом периода общего созидания единого римского права из нескольких различных потоков, положение *aerarium*'а не могло оставаться одним и тем же. По мере того как римскому государству приходилось фактически все чаще и чаще спускаться в сферу обычного имущественного оборота, становиться в договорах и спорах на одну доску с *privata personae*, его положение в этой сфере не могло не приближаться постепенно к тому, что мы называем гражданской правоспособностью» [139, с. 263].

Таким образом, уже в римском праве исследователи находят гражданско-правовые отношения с участием государства. Своеобразие этих отношений заключалось в том, что от имени государства в правоотношения с частными лицами вступала казна: в период Республики это был *aerarium*,

за которым стоял *populus Romanus*, а в период Принципата и Империи *fisc*, являвшийся собственностью в начале принцепса, а затем императора.

Дореволюционная правовая доктрина также обращалась к проблеме участия российского государства в гражданско-правовых отношениях. В качестве представителя государства, по мнению российских ученых-цивилистов, в гражданско-правовых отношениях, как и в римском праве, выступала казна. Такой подход был предложен автором первого систематического курса русского гражданского права Д.И. Мейером, отмечавшим: «Между отдельными юридическими лицами в особенности обращает на себя внимание казна-государство – как субъект имущественных прав. Нуждаясь во множестве вещей для удовлетворения своих разнообразных потребностей, государство, совокупность граждан, по необходимости одаряется имущественными правами и таким образом, является в юридическом быту субъектом гражданского права и в этом качестве называется казной» [91, с. 135]. При этом Мейер отмечал, что, как и каждое юридическое лицо, казна-государство действует не непосредственно, а через представителя. «Ближайшим и верховным представителем казны, – по его мнению, – является государь» [91, с. 136]. К другим представителям казны Д.И. Мейер относил присутственные места и должностных лиц, которые «...суть такие же представители казны, так как нет ни одного присутственного места, которые не распоряжались бы каким-либо казенным имуществом» [91, с. 137]. При этом Мейер весьма оригинально объяснял привилегированное положение казны в гражданско-правовых отношениях: «Но не только по необходимости казна должна быть признана субъектом прав наравне с прочими гражданами: она должна быть признана субъектом привилегированным, то есть ей должны быть предоставлены преимущественные права в сравнении с отдельными гражданами, потому что каждый отдельный гражданин должен жертвовать личными интересами для общего блага и только те привилегии несправедливы и ненавистны, которые даются одним гражданином перед другими, а не те, которые установлены для общей пользы» [91, с. 138]. Концепция «казна – есть государство» в гражданско-правовых отношениях получила отражение в Своде законов Российской империи, где в перечне субъектов гражданского права отсутствовало понятие «государство», вместо которого был указан термин «казна» [161, с. 94].

Советские юристы 20–30-х годов прошлого века обходили вопрос о правосубъектности советского государства, ограничиваясь отдельными констатирующими замечаниями о государственной собственности, переходе к государству бесхозяйного и выморочного имущества, об участии государства во внешнеторговых сделках. Это объясняется действием в первые десятилетия советской истории теории двухсекторного права, выдвинутой известным большевиком, первым председателем Верховного Суда РСФСР и известным в то время юристом П.И. Стучкой. Сущность теории, предложенной П.И. Стучкой, заключалась в том, что экономические

отношения в социалистическом секторе регулируются административно-хозяйственным правом, а в частном секторе – гражданским правом. С полной победой социализма и окончательным упразднением частной собственности гражданское право как право частное, по мнению П.И. Стучки, должно было отмереть [192, с. 10]. Эта идеологема вписывалась в общую марксистскую теорию, предполагавшую на высшем этапе развития общества отмену не только частной собственности, но государства и права вообще. Безусловно, что в условиях 20–30-х годов XX столетия было сложно и далеко небезопасно, учитывая реалии того времени, говорить о частной правосубъектности советского социалистического государства.

В более поздних исследованиях советского периода появляются различные взгляды на статус советского государства в гражданских правоотношениях. Одним из наиболее авторитетных ученых-цивилистов советского времени являлся С.Н. Братусь, который первым начал исследовать проблему участия советского государства в гражданско-правовых отношениях. По мнению названного автора: «Советское государство выступает как субъект гражданского права в тех случаях, когда стороной в гражданских правоотношениях является именно государство как таковое, а не та или иная государственная организация. В этих случаях государство действует как равноправная с другими участниками правоотношения сторона, а не как властвующий субъект. Государство добровольно ограничивает свой иммунитет, подчиняясь в ряде случаев судебной юрисдикции при возникновении гражданского спора с другой стороной, допускает принудительное исполнение судебного решения, вынесенного против него как должника» [21, с. 26]. При этом, по мнению С.Н. Братуся, выступая в качестве субъекта гражданского права, государство представляет ту часть всенародного достояния (государственной собственности), которая не распределена между юридическими лицами – государственными организациями – на праве оперативного управления. В таких ситуациях государство действует через учреждения и иные государственные организации, состоящие на государственном бюджете. В то же время, по утверждению С.Н. Братуся: «Выступление государства в качестве субъекта гражданского права не означает, однако, что государство следует признать юридическим лицом. К государству неприменимы нормы, определяющие порядок возникновения и прекращения юридических лиц, содержание их правоспособности и т.д. Государство – политический суверен, оно само создает нормы, применение которых вызывает к жизни юридические лица и их деятельность» [21, с. 26–27].

Другой советский исследователь М.И. Брагинский констатировал: «Советское социалистическое государство является участником различных по характеру гражданских правоотношений, от самых простых и до самых сложных, от общих до специальных» [20, с. 167]. При этом названный автор указывал, что советское государство может выступать в гражданских правоотношениях как суверен и как субъект гражданского права [20, с. 170].

С последним утверждением не соглашался еще один представитель советской юридической школы П. Виткявичюс, который констатировал: «Теория государства – юридического лица, согласно которой государство разделяется на две изолированные друг от друга стороны – публичную и частную, является буржуазно-классовой теорией. Государство во всей своей деятельности остается политической организацией соответствующих классов, которые при его помощи проводят свою политику. Так называемой публично-правовой деятельностью определяется его «частная» деятельность в имущественных отношениях» [29, с. 63]. Основываясь на приведенном утверждении, Виткявичюс приходил к заключению, что «особый или специфический характер гражданской правосубъектности государства ... заключается в единстве политической власти и гражданской правосубъектности Советского государства» [29, с. 71].

В одном из последних учебников по советскому гражданскому праву была отмечена такая важная отличительная черта, связанная с участием государства в гражданских правоотношениях, как универсальный характер его правосубъектности. По мнению авторов учебника, универсальность государственной правосубъектности «обнаруживает себя в ряде моментов, в частности и в том, что государство правосубъектно с точки зрения норм всех отраслей права, и в том, что оно может быть обладателем любого имущественного права, и в том, что пользуется рядом особых преимуществ в защите его прав и т.д.» [42, с. 173].

Таким образом, по мнению авторитетных российских юристов Д.И. Мейера, В.Б. Ельяшевича, И.А. Покровского, с которым нельзя не согласиться, государство участвовало в гражданско-правовых отношениях еще в Древнем мире, о чем свидетельствует история Римского государства. От имени государства в частноправовых отношениях в Древнем Риме, а в XIX веке в Российской империи, по мнению исследователей, выступала казна как главная финансовая структура государства. В советское время участие государства в гражданско-правовых отношениях становится более широким по масштабу и более разнообразным по формам. Соответственно произошло и изменение оценки статуса государства в частноправовых отношениях в исследованиях С.Н. Братуся, М.И. Брагинского, П. Виткявичюса и других советских юристов. По их мнению, статус советского государства в гражданско-правовых отношениях оказывается во многом схожим со статусом юридических лиц. Однако юристы советской юридической науки не ставили знак равенства между государством и юридическими лицами гражданского права, подчеркивая его особый статус, основанный на суверенитете. В советской доктрине за государством был закреплен статус особого субъекта гражданско-правовых отношений, авторство которого принадлежало С.Н. Братусю.

1.2. Государство – суверенный субъект гражданско-правовых отношений

В белорусской и российской литературе по международному частному праву фактически не нашел отражение вопрос о статусе государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными юридическими и физическими лицами. Так, Е.Б. Леанович отмечает: «...важная особенность отношений международного частного права с участием государств и международных межправительственных организаций состоит в том, что стороны в таких отношениях обладают разным правовым статусом. Они заранее не равны. Чрезвычайно осложняет правовую регламентацию этих отношений наличие у государств и международных межправительственных организаций иммунитетов» [79, с. 107].

В российской учебной литературе большинство авторов, как правило, опускают вопрос о статусе государства в гражданско-правовых отношениях с физическими и юридическими лицами. Исключение составляют, как уже отмечалось, М.М. Богуславский, определивший правовой статус государства в названных правоотношениях как особого субъекта права, не являющегося юридическим лицом, и И.О. Хлестова, аналогично характеризовавшая статус государства [215, с. 156]. Представляется, что определение государства как «особого субъекта права», принадлежащее классику советской цивилистики С.Н. Братусю, имеет весьма неопределенный характер и не вносит ясности в вопрос о статусе государства в гражданско-правовых отношениях, поскольку не раскрывает, в чем заключается особенность государства как субъекта указанных правоотношений. В связи с этим определение правового статуса государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом в современных условиях представляется актуальным и значимым.

Исследуя проблему участия государства в гражданско-правовых отношениях, практически все специалисты советского периода обращали особое внимание на такое специфическое свойство государства, как суверенитет. Очевидно, это происходило не случайно, поскольку в этом свойстве государства и содержится ответ на вопрос о статусе государства в гражданско-правовых отношениях. Для уяснения вопроса о суверенитете государства необходимо обратиться к истории возникновения и развития этой дефиниции.

Понятие «суверенитет» происходит от французского *souverainite*, что в буквальном смысле означает – верховная власть, а применительно к употребляемому значению этого слова – независимость и самостоятельность государства в его внутренних и внешних отношениях, не допускающая иностранного вмешательства [165, с. 298].

Впервые термин «суверенитет» ввел в научный оборот французский политический мыслитель и юрист Жан Боден (1530–1596 гг.) в труде

«Шесть книг о республике» («Six livres de la Republique»), вышедшей в 1576 году. Ж. Боден определил это понятие следующим образом: «Суверенитет есть абсолютная и постоянная власть государства, которую римляне называли величием... то есть наивысшей властью распоряжаться» [19, с. 690]. В основе суверенитета, по мнению французского мыслителя, лежат два главных признака: постоянство государственной власти, не ограничиваемое временем, и ее абсолютный характер, не сдерживаемый какими-либо условиями. Примечательно, что основным источником суверенитета Ж. Боден определял народ: «Суверенитет кроется в совокупности свободных и разумных существ, составляющих народ» [19, с. 692]. В то же время концепция суверенитета государства Ж. Бодена не носила антимонархической направленности, поскольку она была неразрывно связана с личностью монарха, который, по мнению мыслителя, только и может реализовывать суверенитет государства. При этом Боден не признавал какое-либо ограничение суверенитета государства со стороны церкви, Генеральных Штатов (парламента), министров или гражданских законов.

Теория государственного суверенитета Ж. Бодена положила начало развития одного из важнейших институтов в учении о государстве и праве в политической и юридической мысли не только Франции, но и всем международном праве. В последующие два столетия во Франции суверенитет государства рассматривался как абсолютная власть монарха, стоящая над церковью, дворянством и народом.

Новое наполнение получило учение о суверенитете в труде Ж.-Ж. Руссо (1712–1778 гг.) «Об общественном договоре, или Принципы политического Права». Исходным тезисом французского просветителя было утверждение, что государство – есть результат общественного договора, который наделяет его властью над всеми членами общества с добровольного согласия всех. Эта власть и представляет собой единый, неделимый и неотчуждаемый суверенитет народа. «Я утверждаю, – заявлял Руссо, – что суверенитет, который есть только осуществление общей воли, не может никогда отчуждаться и что суверен, который есть не что иное, как коллективное существо, может быть представлен только самим собой. Передаваться может власть, но никак не воля» [156, с. 156]. Формой проявления народного суверенитета является плебисцит, в ходе которого принимаются законы, соответствующие интересам всех членов политического организма.

Первым реальным воплощением идеи народного суверенитета стала Декларация независимости от 4 июля 1776 года, в результате принятия которой Североамериканские колонии Великобритании провозгласили свою независимость и образовали новое суверенное государство. В Декларации говорилось: «...все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами... Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых» [44, с. 21].

Великая Французская революция 1789–1794 годов внесла важную корректировку в теорию народного суверенитета Руссо, дополнив ее принципом народного представительства и введя в политический оборот понятие «суверенитет нации», закрепленный в статье 3 Декларации прав человека и гражданина 1789 года [46, с. 32].

Реакцией на революционные события во Франции явилась консервативная теория суверенитета Жозефа де Местра (1753–1821 гг.), который подошел к иммунитету весьма своеобразно. Особенностью взглядов Ж. де Местра было отрицание, как суверенитета народа, так и суверенитета монарха. Исследуя исторический опыт Франции, анализируя труды своих предшественников, философ пришел к выводу, что суверенитет имеет божественное происхождение. Тем самым де Местр отделил суверенитет от реальных носителей и связал его происхождение и существование с божественной волей. В то же время философ не выражает никаких сомнений по поводу реальности и необходимости суверенитета, поскольку: «Это невидимая мощь государства, абсолютная необходимость» [231, р. 151]. Несмотря на консервативную трактовку суверенитета, учение Ж. де Местра внесло определенный вклад в общую теорию суверенитета государства.

Своеобразный взгляд на суверенитет государства обосновал основоположник буржуазного либерализма и индивидуализма Б. Констан (1764–1830 гг.). В противоположность Руссо, выводившего суверенитет из коллективной воли всех членов общества, Констан провозгласил суверенитет отдельной личности перед государством и обществом, требуя ограничения государственного суверенитета правами человека. «До тех пор пока суверенитет не ограничен, – утверждал мыслитель, – нет никакого средства дать индивидам защиту от правления» [70, с. 32]. Рациональное зерно во взгляде Б. Констана на суверенитет государства состояло в том, что власть в государстве должна быть ограничена правами личности.

Новое наполнение и содержание суверенитет государства получил в середине XX столетия в результате того, что весь международный правопорядок, утвердившийся после второй мировой войны, был основан на принципе суверенного равенства государств. В Уставе Организации Объединенных Наций было установлено: «Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее членов» [203]. Это фундаментальное положение изменило всю систему международных отношений, способствовало упрочению международной безопасности и на протяжении уже семидесяти лет позволяет мировому сообществу избегать крупномасштабных военных столкновений. В Декларации о принципах международного права, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 года, была проявлена определенная непоследовательность в порядке расстановки принципов международного права: принцип суверенного равенства государств был смещен на предпоследнее место, что, безусловно, не соответствует его значению и реальной роли для межгосударственных отношений [45]. В ка-

честве составных элементов принципа суверенного равенства государств в названной Декларации определены:

- юридическое равенство государств;
- пользование правами, присущими полному суверенитету;
- уважение правосубъектности других государств;
- неприкосновенность территориальной целостности и политической независимости государств;
- право каждого государства свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы;
- обязанность добросовестного выполнения своих международных обязательств и жить в мире с другими государствами [45].

В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятом 1 августа 1975 года в Хельсинки, принцип суверенного равенства, уважения прав, присущих суверенитету, был возвращен на соответствующее его значимости и важности первое место [57]. В толковании данного принципа подчеркивается юридическое равенство государств, декларируется их неотъемлемое право устанавливать собственные законы и административные правила, право самостоятельно определять быть или не быть участником двусторонних или многосторонних договоров. Таким образом, среди основных принципов международного права, образующих фундаментальную основу современного международного правопорядка, принцип суверенного равенства государств занял главенствующее и ведущее место.

В тоже время в современном международном праве принцип суверенитета государства принято связывать с волей народа. Впервые это было закреплено во Всеобщей Декларации прав человека, где было установлено: «Воля народа должна быть основой власти правительства» (п. 3 ст. 21) [30, с. 40]. Многие государства мира, конституции которых создавались после принятия Всеобщей декларации прав человека, включили это положение в основные законы своих стран. Это нашло подтверждение и в Конституции Республики Беларусь, где в части 1 статьи 3 говорится: «Единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ» [71, с. 5]. В итоге суверенитет государства может быть определен как верховная власть в политически организованном обществе, исходящая от народа и осуществляемая в его интересах уполномоченными лицами в соответствии с международным и национальным правом.

Однако в конце XX столетия появилось многообразие подходов к трактовке суверенитета государства, что явилось предметом исследования во многих странах. Активно обсуждается этот вопрос в последнее время в России. Главная причина пробуждения интереса научного сообщества к проблеме суверенитета государства вызвано явлением глобализации, которую можно определить как процесс всемирной экономической, политической, культурной и научно-технической интеграции национальных госу-

дарств мира. В связи с этим высказываются суждения, что глобализация ведет к размыванию суверенитета государства и предлагается подвергнуть ревизии само понятие «суверенитет национального государства» [164, с. 8]. На практике ограничение суверенитета демонстрирует Европейский Союз, в котором государства пожертвовали определенными атрибутами государственного суверенитета: свободой в области экономической политики, собственной денежной единицей, свободой внешней политики. Такое ограничение носит добровольный характер и компенсируется теми преимуществами и приобретениями, которые дает тесная интеграция в рамках международной организации. Другим примером может служить ограничение суверенитета так называемых «падающих» государств. Такое ограничение суверенитета происходило неоднократно в ходе миротворческих и антитеррористических операций ООН в Либерии, Гаити, Сомали, Анголе, Раунде, Судане, Сьерра-Леоне и других государствах. Следует отметить, что оно носило временный характер и в большинстве случаев, на наш взгляд, приводило к действительному укреплению суверенитета названных государств. Однако ни добровольное, ни временное принудительное ограничение суверенитета государства не может отменить принципа суверенного равенства государств, который обеспечивает важнейшую ценность нашей цивилизации – международный мир и безопасность.

Государство сохраняет свой суверенитет как имманентно присущее ему качество и в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом. Это дает основание определить правовой статус государства в названных правоотношениях как суверенного субъекта. Государство в гражданско-правовых отношениях, осложненных иностранным элементом, не утрачивает своего суверенного статуса, несмотря на действие в гражданско-правовых отношениях принципа равенства сторон. Суверенный статус государства в гражданских правоотношениях не дает государству каких-либо преимуществ. Эти преимущества могут вступить в действие только в случае возникновения споров, когда контрагент государства обратится не в суд государства, с которым он вступил в правоотношения, а в суд своего государства или суд третьей страны. Однако такие преимущества вполне законны с позиции международного права, поскольку государство помимо его воли не может быть подвергнуто юрисдикции иностранного суда в силу действия юридической максимы: *par in parem non habet jurisdictionem*.

Весь сложившийся миропорядок в современном мире основан на принципе суверенитета государств, и утверждение, что в гражданских правоотношениях этот принцип должен раствориться, исчезнуть и уступить место принципу равенства сторон, ставит под сомнение существование основной парадигмы межгосударственных отношений. К тому же, если исходить из гипотезы наличия суверенитета государства в публичном праве и отсутствие его в международном частном праве, то следует признать одновременное наличие как бы двух государств: одного суверенного, высту-

пающего в правоотношениях с иностранными государствами, другого – утратившего суверенитет, и готового, помимо своей воли, подчиняться юрисдикции иностранного государства. Суверенитет государства неделим, и он действует независимо от характера правоотношений, если государство добровольно от него не отказывается, исходя из собственных интересов, поскольку суверенитет не носит абсолютный характер. Как отмечал российский юрист-международник И.И. Лукашук: «...абсолютный суверенитет невозможен. Суверенитет одного государства всегда ограничен суверенитетом других» [80, с. 29]. Такую же позицию занимал другой авторитетный российский специалист в области теории международного права С.В. Черниченко, утверждавший: «Рассуждая логически, приходится признать, что государство, являясь суверенным, вправе решать свою собственную судьбу, в том числе добровольно ограничивая свой суверенитет вплоть до полной его утраты. Неоднократно подчеркивалось, что суверенитет государства не абсолютен, что нельзя говорить о суверенном праве одного государства посягать на суверенитет другого» [218, с. 28].

Однако практика межгосударственных отношений свидетельствует о достаточно частых случаях нарушения суверенитета государства, что способно нанести серьезный ущерб межгосударственным отношениям. В последнее время все чаще причиной нарушения суверенитета государства становится его участие в гражданских правоотношениях с иностранным элементом. Очевидно, что участие государства в частноправовых отношениях не должно становиться причиной нарушения его суверенитета. Позитивную роль в этом в плане может сыграть закрепление за государством статуса суверенного субъекта в гражданско-правовых отношениях. Такой статус, на наш взгляд, создает большую определенность правового положения государства в названных правоотношениях, прямо указывает на наличие у него юрисдикционного иммунитета, поскольку иммунитет государства основан на суверенитете. В то же время статус суверенного субъекта гражданско-правовых отношений не нарушает равенства частных партнеров государства в этих правоотношениях поскольку: во-первых, иммунитет у государства существует только в отношении юрисдикции иностранных судов, а от юрисдикции собственных судов государство не освобождается; во-вторых, иммунитет государства не абсолютен, оно может отказаться от него; в-третьих, положение государства требует от него ответственного отношения к своим обязательствам в гражданско-правовых отношениях.

1.3. Органы, представляющие государство в гражданско-правовых отношениях с иностранными субъектами

На протяжении длительного исторического периода участия государства в гражданских правоотношениях само понятие «государство» не оставалось неизменным. В Древнем Риме и Российской империи, как уже отмечалось, исследователи находили, что от имени государства в частно-правовых отношениях выступает казна как денежная касса государства. Однако уже в советское время происходит постепенный отказ от парадигмы «государство в гражданско-правовых отношениях – это казна». Под государством начинают понимать центральные органы управления, субъекты федерации, административно-территориальные единицы и т.п. Особое значение имеет понятие «государство» в международном частном праве, поскольку оно приобретает реальную практическую значимость в результате применения принципа иммунитета государства при его участии в гражданско-правовых отношениях с иностранными физическими и юридическими лицами. При этом не имеет значение, какая теория применяется по отношению к государству как участнику гражданско-правовых отношений: абсолютного или функционального иммунитета. В любом случае должен быть установлен сам факт: уполномочен ли субъект правоотношений выступать от имени государства.

В настоящее время применительно к понятию «государство» в гражданских правоотношениях нет единого мнения ни в законодательстве отдельных государств, ни в международном праве. В связи с названным обстоятельством вопрос о понятии «государство» в гражданско-правовых отношениях требует отдельного исследования.

Дефиниция «государство» обычно раскрывается в общей теории права, а также в международном публичном праве. Попытки раскрыть понятие «государство» предпринимались с начала XX века. Так известный французский правовед, создатель теории социальной солидарности Л. Дюги считал государство «мнимым коллективным лицом» [51, с. 32]. Немецкий юрист Г. Краббе утверждал, что государство – это фикция [229, s. 275]. Российский юрист С.В. Черниченко указывал: «Государство можно рассматривать как систему отношений между людьми... Но это реальность, а не абстракция. Люди, занимающие высокое положение в государственном механизме (президенты, министры, парламентарии) оказывают на права и обязанности государства несравненно большее влияние... Однако эти права и обязанности принадлежат не президентам, не министрам и т.д., которые могут уйти, а носителю этих прав – государству» [218, с. 14]. По мнению А.Ф. Черданцева «Государство – это территориальная, суверенная организация политической власти в классовом обществе...» [217, с. 90]. Белорусский автор Г.А. Круглова определяет государство как «...основной элемент политической системы общества...» [77, с. 96]. Авторы белорус-

ского учебника по общей теории права и государства не углубляются в «анатомию» государства и ограничиваются такими специфическими характеристиками государства, как социальная общность народа, публичная власть, территория, население [135, с. 58].

В белорусской юридической литературе вопрос о понятии «государство» применительно к гражданско-правовым отношениям с иностранным элементом ранее не рассматривался. В российской правовой доктрине данный термин также в специальных публикациях не исследовался, но отдельные авторы касались некоторых его аспектов [152; 163].

Если обратиться к международным актам, то понятие «государство» по-разному трактуется в международном публичном и международном частном праве. Так, пунктом 1 статьей 4 об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятых Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2 декабря 2001 года, к деяниям государства отнесены: «Поведение любого органа государства рассматривается как деяние данного государства независимо от того, осуществляет ли этот орган законодательные, исполнительные, судебные или какие-либо иные функции, независимо от положения, которое он занимает в системе государства и независимо от того, является ли он органом центральной власти или административно-территориальной единицы государства» [50, с. 95]. В пункте 2 указанной статьи раскрыто понятие «орган», которое включает любое лицо или образование, обладающее таким статусом в соответствии с внутренним правом государства. Согласно статье 5 рассматриваемого акта поведение лиц или образований, осуществляющих элементы государственной власти «должно рассматриваться как деяние данного государства в соответствии с международным правом, при условии, что лицо или образование в данном случае действует в этом качестве». Как следует из содержания приведенных правовых норм, под «государством» в них понимается деяние любого государственного органа, входящего в систему государственной власти, а также поведение лиц или образований, осуществляющих элементы государственной власти. Такая широкая трактовка понятия «государства» может быть мотивирована тем, что государство – это «единая политическая организация общества», осуществляющее высшую форму власти в обществе в соответствии с установленной иерархией государственных органов.

В международном частном праве понятие «государство» содержится в двух международных кодификационных актах: Европейской конвенции об иммунитете государства от 16 мая 1972 года (далее – Европейская конвенция 1972 года) [53] и Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности от 2 декабря 2004 года (далее – Конвенция ООН 2004 года) [122]. В Европейской конвенции 1972 года, принятой в рамках Совета Европы, определение «государство» раскрыто в статье 27, где в пункте 1 говорится: «В целях настоящей Конвенции термин «Договаривающееся государство» не включает самостоятельное подразделение ка-

кого-либо договаривающегося государства, наделенное правоспособностью предъявлять иск в суде даже в том случае, если этому подразделению поручено выполнение функций государственной службы». В пункте 2 этой же статьи указывается, что самостоятельное подразделение может быть привлечено в суды другого договаривающегося государства как частное лицо, но эти же суды не могут разбирать действия, совершенные подразделением государства при осуществлении им своей публичной власти (*acta jure imperii*). В пункте 3 статьи 27 Европейской конвенции договаривающееся государство и его подразделение уравниваются в своем правовом положении при привлечении их к судебному разбирательству [53].

В статье 28 Европейской Конвенции определено правовое положение автономной единицы, входящей в состав федеративного государства. В соответствии с пунктом 1 указанной статьи автономная единица в составе федеративного государства иммунитетом не пользуется. Эта норма соответствует норме международного публичного права, согласно которой субъект федерации не является субъектом международного права. Однако согласно пункту 2 этой же статьи федеративное государство-участник Конвенции «может заявить путем уведомления, адресованного Генеральному Секретарю Совета Европы, о том, что автономные единицы, входящие в его состав, могут ссылаться на положения Конвенции, применимые к Договаривающимся государствам, и имеют те же обязательства, что и последние». Но все заявления, уведомления о решении суда и извещения, направляемые автономной единице, входящей в состав федеративного государства, передаются министерству иностранных дел федеративного государства (п. 3 ст. 28), и только федеративное государство может быть стороной в судебном разбирательстве (п. 4 ст. 28). Таким образом, иммунитет автономной единицы может быть установлен только в результате специального заявления федеративного государства, касающегося применения Конвенции к его автономному субъекту, но и в этом случае все судебные документы субъекту федерации передаются через федеральный центр.

Иной подход в определении государства установлен в Конвенции ООН 2004 года. В пункте 1 (в) статьи 2 названной Конвенции к государству отнесены:

- «i) государство и его различные органы управления;
- ii) составные части федеративного государства или политические подразделения государства, которые правомочны совершать действия в осуществление суверенной власти и действуют в этом качестве;
- iii) учреждения или институты государства либо другие образования в той мере, в какой они правомочны совершать и фактически совершают действия в осуществление суверенной власти государства;
- iv) представители государства, действующие в этом качестве» [122].

Как следует из приведенного определения, в Конвенции 2004 года, по сравнению с Европейской конвенцией, предложен максимально широ-

кий подход в определении органов, учреждений, институций и представителей, действия которых отождествляются с действиями непосредственно самого государства.

В Федеральном Законе Российской Федерации от 3 ноября 2015 года «Об иммунитете иностранного государства и его собственности в Российской Федерации» при определении иностранного государства в точности имплементированы нормы, содержащиеся в Конвенции ООН 2004 года [123, с. 2].

Проблемным является вопрос о том, можно ли относить к государству государственные предприятие и другие образования, учрежденные им. Данная проблема непосредственно связана с участием государства в коммерческих образованиях и исследована отдельно (раздел 4.2 главы 4).

В части 1 статьи 1 Конституции Республики Беларусь содержится следующее основополагающее определение: «Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное государство» [71]. Для международного частного право особое значение имеет определение «унитарное», указывающее на форму государственного устройства как способ территориальной организации государства. В соответствии с формой государственного устройства Республика Беларусь единое государство, состоящее из административно-территориальных единиц. Поскольку в гражданско-правовых отношениях регулируются вопросы собственности, то вопрос о правообладателях государственной собственности приобретает особую значимость. В соответствии с частью 1 статьи 215 ГК Республики Беларусь государственная собственность выступает в виде республиканской собственности (собственности Республики Беларусь) и коммунальной собственности (собственности административно-территориальных единиц). Наличие у Республики Беларусь и административно-территориальных единиц обособленной собственности является важнейшим условием их гражданской правосубъектности, которая закреплена в главе 5 ГК «Участие Республики Беларусь и административно-территориальных единиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством». В соответствии с пунктом 1 статьи 124 ГК Республика Беларусь и административно-территориальные единицы участвуют в гражданско-правовых отношениях на равных с физическими и юридическими лицами. В отношении Республики Беларусь и административно-территориальных единиц применяются нормы, регулирующие участие юридических и физических лиц в гражданско-правовых отношениях, если иное не установлено законодательством и не вытекает из особенностей данных субъектов (п. 2 ст. 124) [34].

Как самостоятельные субъекты Республика Беларусь и административно-территориальные единицы могут вступать в гражданско-правовые отношения с иностранными юридическими и физическими лицами, выступая в таком случае от имени государства. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О концессиях» административно-территориальных

единицы являются полноправными участниками концессионных отношений, им предоставлено право заключать концессионные договоры от имени соответствующей административно-территориальной единицы [104]. В Законе Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве» государственными партнерами определены Республика Беларусь и административно-территориальная единица, от имени которой выступает местный исполнительный и распорядительный орган, заключившие соглашение о государственно-частном партнерстве (ст.1) [102].

Таким образом, от имени государства в гражданско-правовых отношениях участвует Республика Беларусь и административно-территориальные единицы. Безусловно, что непосредственно Республика Беларусь и административно-территориальные единицы в гражданских правоотношениях не участвуют. Согласно пункту 1 статьи 125 ГК от имени Республики Беларусь в гражданско-правовых отношениях могут выступать государственные органы в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими их статус. От имени административно-территориальных единиц в гражданско-правовых отношениях могут участвовать органы местного управления и самоуправления в рамках компетенции, установленной для этих органов (п. 2 ст. 125 ГК) [34].

Возможность расширения субъектов, выступающих в гражданско-правовых отношениях от имени Республики Беларусь и административно-территориальных единиц, предусмотрена в пункте 3 статьи 125 ГК: «В случаях и порядке, предусмотренных законодательством, от имени Республики Беларусь и административно-территориальных единиц по их специальному поручению могут выступать иные государственные органы, а также юридические лица и граждане» [34]. Обращает на себя внимание формулировка: «... от имени Республики Беларусь и административно-территориальных единиц **по их специальному поручению** (выделено мною – *Б.В.*) могут выступать...». Представляется, что ни Республика Беларусь, ни административно-территориальные единицы не могут непосредственно предоставлять кому бы то ни было специальные поручения. Как совершенно правильно указано в пунктах 1 и 2 рассматриваемой статьи, это могут делать государственные органы и органы местного управления и самоуправления в рамках их компетенции. Восстановить корректность формулировки пункта 3 статьи 125, можно опустив слова «по их специальному поручению». Если же отойти от формы изложения рассматриваемого пункта и обратиться к его смысловому значению, то и здесь также имеются определенные вопросы. Исходя из Конституции Республики Беларусь, полномочия представлять Республику Беларусь и, соответственно, наделять этими полномочиями государственные органы имеют Национальное собрание и Президент Республики Беларусь. На наш взгляд, это и следует отразить в пункте 3 статьи 125, в котором говорится только о «случаях и порядке, предусмотренных законодательством Республики

Беларусь» и не отражена роль Президента Республики Беларусь поручать государственным органам и должностным лицам выступать от имени Республики Беларусь, что имеет место быть на практике. С учетом изложенного, предлагается следующая формулировка пункта 3 статьи 125: «В порядке, определенном законом Республики Беларусь, декретом, указом или распоряжением Президента Республики Беларусь от имени Республики Беларусь могут выступать иные государственные органы, не упомянутые в настоящей статье, а также юридические лица и граждане. Органы местного управления и самоуправления могут поручать иным государственным органам, а также юридическим лицам и гражданам выступать от имени административно-территориальных единиц».

В то же время сложившиеся в белорусском праве нормы о государственных органах и организациях, имеющих право выступать от имени Республики Беларусь, не следует механически переносить на иностранное государство в случае его участия в гражданско-правовых отношениях с белорусскими юридическими и физическими лицами. В определении органов и лиц, имеющих право выступать от имени государства, должно применяться право конкретного иностранного государства-участника правоотношения.

Как отмечают Дж. Чешир и П. Норт, вопрос о том, является ли то или иное самостоятельное образование отдельным от иностранного правительства, считается в английском праве, как правило, вопросом факта и решается в соответствии с правом данного иностранного государства [219, с. 113].

Если в процессе рассмотрения гражданско-правового спора с участием иностранного государства у белорусского суда или арбитража возникнет вопрос, представляет ли тот или иной орган или организация непосредственно государство, он может быть разрешен путем обращения в компетентный орган иностранного государства с просьбой дать разъяснение относительно конкретной ситуации.

В отечественной литературе существуют противоречивые мнения по вопросу, каким образом Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы участвуют в гражданско-правовых отношениях с другими субъектами. Так, белорусские авторы учебника гражданского права отмечают: «Названные субъекты (Республика Беларусь и административно-территориальные единицы – *В.Б.*) выступают стороной в сделке всякий раз, когда сделка совершается уполномоченными органами от имени Республики Беларусь или административно-территориальной единицы» [43, с. 361–362]. Иное мнение представлено в монографическом исследовании «Субъекты гражданского права» белорусских авторов И.А. Маньковского и С.С. Вабищевича, которые утверждают: «... от имени государства в любых общественных отношениях, в том числе и в гражданско-правовых, с формальной точки зрения участвуют специально созданные людьми государственные органы, на которые возложено выполнение конкретных функций государственного управления» [85, с. 450]. На основании

этого авторы монографии делают вывод: «... фактическое участие в гражданском обороте принимают должностные лица государства и иные государственные служащие». По мнению И.А. Маньковского и С.С. Вабищевича, в гражданско-правовых отношениях с иностранными субъектами государственные органы действуют в интересах Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц. В связи с чем они предлагают изложить статью 127 ГК в следующей редакции: «Особенности ответственности по обязательствам, возникающим из договоров, заключенных в интересах Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц с иностранными государствами, организациями и гражданами, определяются в законодательных актах» [85, с. 491]. Безусловно, такое мнение имеет право на существование, однако, следует признать, что более правильным будет вывод, сформулированный Я.И. Функом: «... в отечественном праве необходимо сохранить понимание органа как неотъемлемой части юридического лица, когда совершенные этим органом действия во вне от имени юридического лица рассматриваются как совершенные самим юридическим лицом, а не определенным человеком... В этом случае можно вести речь исключительно о действиях юридического лица, а физическое лицо, которое представляет его орган, никак проявляться не будет» [210, с. 87]. Применительно к частноправовым отношениям с иностранным элементом с участием государства, несомненно, приемлем только подход, за который выступает Я.И. Функ, то есть действие государственного органа следует рассматривать как действие непосредственно самого государства, а то обстоятельство, какой орган выступает от имени государства и кто конкретно ставит подпись под договором от имени государства, существенного значения не имеет. Главное, чтобы государственный орган или иное лицо имели необходимые полномочия представлять Республику Беларусь. Важным аргументом в пользу такого подхода является то, что в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом участником является государство, которому и предоставляется иммунитет. Если признать, что государственный орган в частноправовых отношениях с иностранным элементом представляет самого себя, а не государство, то в таком случае иммунитет ему предоставляться не будет даже в случае выполнения им публично-правовых действий.

Таким образом, ни в международных конвенциях по международному частному праву, ни в праве отдельных государств нет единого мнения, что следует понимать под государством, а именно: действия каких органов государства могут рассматриваться как действия самого государства в частноправовых отношениях. В Республике Беларусь понятие «государство» в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом специально не закреплено в правовых актах, но практическая необходимость в этом существует.

ГЛАВА 2. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИММУНИТЕТА ГОСУДАРСТВА

2.1. Правовая природа иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях

При участии государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом главной проблемой является иммунитет государства. Термин «иммунитет» происходит от латинского *immunitas*, что означает освобождение от чего либо [165, с. 242]. В международном частном праве иммунитет обычно понимается как освобождение государства от юрисдикции иностранного суда. Иммунитет государства в гражданско-правовых отношениях – это важнейший институт, по поводу которого ведутся споры уже на протяжении длительного времени. Прежде чем рассматривать теории иммунитета государства, целесообразно выяснить саму правовую природу данного юридического института. Следует отметить, что ясности и тем более единства мнений во взгляде на правовую природу и истоки иммунитета государства нет.

Председатель Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук Я.И. Функ пишет: «Следует отметить, что поскольку власть государства имеет национальный характер, то есть распространяется на его территорию, то за пределами своей территории государство не может рассматриваться в качестве властного субъекта. При этом, однако, по сложившемуся международному обычаю или даже принципу международного права, оно не теряет своего суверенитета, вследствие чего для равноправного участия государства с иными субъектами внешнеэкономической деятельности в международном торговом обороте, необходимо, чтобы государство отказалось от своего иммунитета...» [212]. В приведенном суждении известного белорусского ученого обращают на себя внимание два момента: во-первых, двойственность в определении иммунитета государства (международный обычай или даже принцип международного права); во-вторых, указание на тесную связь между суверенитетом и иммунитетом государства.

Авторитетный российский автор Н.А. Ушаков утверждал, что иммунитет государства «установлен и действует в качестве, прежде всего, обычно-правовой нормы» [204, с. 8]. Аналогичного мнения придерживалась Г.Ю. Федосеева, которая считала: «Иммунитеты государств применяются пока на основе международных обычаев» [205, с. 93]. Противоречиями отличаются взгляды на природу иммунитетов государства И.О. Хлестовой. В своей монографии «Юрисдикционные иммунитеты государства», опубликованной в 2007 году она писала: «...можно утвер-

ждать, что для России принцип иммунитета иностранного государства по-прежнему основывается на обычной норме международного права, так как Конвенция 2004 года кодифицировала обычные нормы международного права» [215, с. 37]. Однако в докторской диссертации, защищенной в 2003 году, в первом положении, вынесенным на защиту указанным автором, говорилось следующее: «На основе анализа отечественного и иностранного законодательства, судебной практики зарубежных стран, многосторонних международных договоров автор приходит к выводу о том, что принцип иммунитета иностранного государства представляет собой общепризнанный принцип современного международного права, который имеет диспозитивный характер... В диссертации доказывается, что принцип иммунитета иностранного государства не относится к общим принципам международного права, так как он не включен в Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, от 24 октября 1970 года и имеет диспозитивный характер. В работе выдвигается тезис о том, что принцип иммунитета иностранного государства является принципом современного международного публичного права, его детализация, конкретное содержание раскрывается нормами международного частного права» [214, с. 7–8].

В преамбуле Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности указано: «что юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности получили общее признание в качестве одного из принципов обычного международного права».

Для разрешения проблемы юридической природы иммунитетов государства следует обратиться к истокам этого юридического феномена. Во втором докладе Комиссии международного права (далее – КМП), представленного Специальным докладчиком С. Сучариткулом, утверждалось: «Рациональные основы иммунитета государства можно было бы изложить с помощью самых различных концепций, причем некоторые из них более убедительны, чем другие» [31, с. 261]. В качестве наиболее убедительных аргументов обоснования принципа иммунитета государства в докладе выдвигаются принципы суверенитета, независимости, равенства и достоинства государств. При этом подчеркивалось: «Все эти понятия, видимо, взаимосвязаны и в целом составляют прочную международно-правовую основу иммунитета суверена. Иммунитет государства происходит от суверенитета. Когда двое находятся в равном положении, один не может осуществлять суверенитет или власть над другим: *par in parem imperium non habet*» [31, с. 261].

Следует отметить, что в советской доктрине еще в 60-ые годы XX столетия существовала во многом схожая точка зрения. По утверждению Е.Т. Усенко: «Советская международно-правовая наука твердо придерживается воззрения на иммунитет как непосредственное следствие суверенитета государства, их независимости и равноправия. Глубокий смысл

иммунитета, его существо заключается в неподчинении одного государства власти другого государства» [202, с. 11]. Аналогичное мнение изложил в своей монографии, посвященной проблеме иммунитета государства, М.М. Богуславский: «Принцип суверенного равенства государств лежит в основе иммунитета государства» [15, с. 11]. Тожественную позицию занимали Л.А. Лунц и Н.И. Марышева: «Основой иммунитета является начало суверенного равенства: равный над равным не имеет власти или юрисдикции (*par in parem non habet imperium seu jurisdictionem*). Здесь юрисдикция означает власть, в частности, судебную власть государства» [82, с. 116–117]. На обусловленность иммунитета государства наличием суверенитета указывает Л.П. Ануфриева: «Поскольку государство является носителем власти и ему имманентно присуще такое свойство, как суверенитет, постольку категория «государство» в МЧП характеризует наличие у него иммунитета» [7, с. 26].

Следующее обоснование, названное в докладе КМП, основано на историческом развитии аналогии с иммунитетами суверена. Исторически сущность иммунитета суверена заключалась в том, что субъект, являвшийся источником права, не мог быть объектом разбирательства в суде. На это обоснование иммунитета государства также указывал М.М. Богуславский: «В период феодализма, когда государство еще не отделилось от личности монарха, являвшегося сувереном, когда совпадала собственность государства и собственность суверена, иммунитет государства совпадал с иммунитетом суверена, причем последний иммунитет в своем развитии предшествовал первому» [15, с. 11].

В качестве обоснования иммунитета государства в докладе КМП приводится также существование дипломатических иммунитетов. В частности, связь дипломатических иммунитетов и иммунитета государства просматривается в том, что, если послы и дипломаты как представители иностранных государств пользуются иммунитетами, то и государства, которые они представляют, должны иметь не менее благосклонное отношение.

Еще одним обоснованием иммунитета государства в докладе КМП названы взаимность, международная вежливость, стремление избежать затруднений политического характера в международных отношениях. Как отмечалось в докладе: «Взаимность в обращении, *comitas gentium* и *courtoisie international* – тесно связанные понятия, некоторым образом укрепляющие и усиливающие основу иммунитета государства» [31, с. 262]. С таким обоснованием иммунитета государства выражает согласие Г.К. Дмитриева, утверждающая: «На первом этапе становления этого института суды обосновывали право иностранного государства международной вежливостью» [89, с. 227]. Как отмечает российский юрист В.А. Жуков: «Согласно этой теории иммунитет не основан на каком-либо принципе международного права, а является следствием или одним из проявлений международной вежливости и добрых отношений между государствами.

Государство суда, стремясь обеспечить дружественные отношения с иностранным государством, отказывается от осуществления своей территориальной юрисдикции в отношении этого государства, рассчитывая, что в случае, если к нему также будет предъявлен иск или будет предпринята попытка ареста его имущества, находящегося на территории иностранного государства, оно, в свою очередь, откажется от осуществления юрисдикции» [56, с. 28–29].

Таким образом, относительно происхождения иммунитетов государства среди юристов нет общего мнения. Можно сказать, что каждая из приведенных концепций возникновения иммунитетов государства имеет право на существование, поскольку все они в итоге способствовали появлению этого важного юридического института. Со своей стороны отметим, что главной причиной появления иммунитетов государства является наличие у него суверенитета, поскольку, как это было установлено, государство является суверенным субъектом гражданско-правовых отношений с иностранным элементом.

Большинство специалистов характеризуют иммунитет государства как принцип права, но при этом они не уточняют, каким именно принципом является иммунитет государства. Так, Н.А.Ушаков утверждал, что международно-правовой принцип иммунитета государств от иностранной юрисдикции не основной и не императивный принцип общего международного права [204, с. 19]. В то же время М.М. Богуславский отмечал: «Одним из элементов нормы об иммунитетах является возможность подчинения государства юрисдикции суда другого государства лишь с его предварительного и явно выраженного согласия. Такое согласие может быть выражено и путем заключения международного договора, что никоим образом не ослабляет действие нормы и не может служить доказательством отсутствия ее императивного характера» [15, с. 128]. Очевидно, что говоря об императивном характере нормы об иммунитете государства, М.М. Богуславский, в данном случае, на наш взгляд, допустил оговорку. Общепринято, что императивная норма в гражданском праве – это норма права, которую участники правоотношения не могут изменить по своему усмотрению. В вопросе иммунитета государство, если оно следует теории абсолютного иммунитета, имеет возможность в каждом конкретном случае свободно определять свою позицию: воспользоваться ему иммунитетом или отказаться от него. В случае использования государством теории функционального иммунитета, диспозитивность рассматриваемой нормы проявляется еще более явно, поскольку суд самостоятельно определяет, обладает ли иностранное государство в конкретном деле иммунитетом или нет. Следовательно, говорить об императивности иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом не приходится.

Во Втором докладе о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности Комиссии международного права содержится следующее утверждение: «Сделанный исторический обзор и разработка правовых аспектов принципа иммунитета государства, по-видимому, содержат достаточно доказательства прочности основ этого принципа как одной из общих норм международного права» [31, с. 261]. При оценке данного утверждения необходимо учитывать содержание пункта 2 статьи 1 Положения о Комиссии международного права, где указывается, что Комиссия занимается преимущественно вопросами международного публичного права, но может рассматривать и вопросы международного частного права [140, с. 58]. В данном случае КМП имеет в виду все международное право в целом: и публичное, и частное. Судьи Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) М. Пеллонпя и Н. Братца определили в особом мнении в деле Аль-Адсани иммунитет государства как «элемент основной структуры международного сотрудничества», тем самым указав на принадлежность иммунитета государства к международному публичному праву [4].

О связи иммунитета государства с международным правом заявляют и авторитетные российские исследователи. Так, Г.К. Дмитриева отмечает: «К концу XIX века иммунитет государства рассматривался в качестве общепризнанной нормы или принципа международного права» [89, с. 224]. Аналогичного мнения придерживается М.М. Богуславский, который утверждает: «Само понятие иммунитета государства сложилось в международном праве и получило отражение сначала в качестве обычной нормы, а затем стало определяться судебной практикой и международными договорами» [15, с. 213]. С этим утверждением следует согласиться, поскольку в период формирования принципа иммунитета государства, а это происходило в XIX столетии, международное частное право еще окончательно не выделилось из международного права как самостоятельная юридическая дисциплина (дело шхуны «Exchange» относится к 1812 году). Таким образом, формирование принципа иммунитета государства произошло в едином международном праве, и этот принцип остается общим для международного публичного и международного частного права. Это можно проиллюстрировать следующим примером: освобождение государства от юрисдикции иностранного суда, обеспечительных мер, исполнения решения иностранного суда находится в сфере действия международного частного права, но все конфликтные ситуации, связанные с нарушением иммунитета государства вопреки его воле, разрешаются на межгосударственном уровне с использованием норм и органов международного права. Примером может служить спор между Германией и Италией по вопросу нарушения итальянскими судами иммунитетов Германии, который рассматривался Международным Судом ООН (более подробно об этом деле ниже в разделе 3.5). Предмет спора в указанном деле состоял в нарушении юрисдикционных иммунитетов Германии, которые относятся к международному

частному праву, поскольку итальянские суды удовлетворяли гражданско-правовые иски, основанные на причинении вреда германской армией физическим лицам, но рассматривался спор Международным Судом ООН – главным органом по разрешению межгосударственных споров.

Для выяснения вопроса: относится ли иммунитет государства к общим принципам права, следует уяснить, что понимается под этой дифиницией в международном праве. Как утверждал советский юрист В.М. Корецкий: «Понятие «общих принципов права» в применении к международному праву появилось впервые в 1920 году в проекте Статута Постоянной палаты международного правосудия, подготовленном Консультативным комитетом юристов» [72, с. 49]. В статье 38 Статута Международного Суда ООН общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, названы источниками права наряду с договорными и обычными нормами, которые Суд обязан применять при разрешении переданных ему споров [191]. Как отмечает А. Фердросс: «... статья 38 ни в коем случае не имеет в виду просто единообразные предписания права различных государств, а лишь принципы права, покоящиеся на общем правовом мышлении и могущие быть использованы в международном обороте» [206, с. 161]. По замечанию белорусского юриста-международника Ю.А. Лепешкова, споры вокруг общих принципов права, названных в пункте 1 статьи 38 «на протяжении 40–60 годов прошлого столетия занимали умы многих выдающихся юристов-международников» [88 с. 153]. Приемлемое решение проблемы было предложено российскими специалистами международного права Р.Л. Бобровым, Г.И. Тункиным и И.И. Лукашук, которые определили «общие принципы права», названные в статье 38 Статута МС следующим образом: «Это общие правовые понятия, логические правила, приемы юридической техники, используемые при толковании и применении права как международного, так и национального, независимо от социальной сущности той или иной системы права» [87, с. 59–60]. Принцип иммунитета государства удовлетворяет ряду характеристик, которые содержатся в приведенном определении общих принципов: во-первых, это общее правовое понятие; во-вторых, оно действует как в международном, так и национальном праве; в-третьих, принцип иммунитета действует в разных правовых системах, независимо от их социальной сущности. Таким образом, иммунитет государства – это общий принцип международного права, непосредственно проявляющийся в международном частном праве в виде юрисдикционных иммунитетов государства, а в международном публичном праве являющийся важным элементом обеспечения межгосударственного сотрудничества.

Иммунитет государства прошел несколько этапов развития. Впервые он был признан в судебных решениях, которые стали прецедентами и в дальнейшем использовались судами разных государств при вынесении решений об иммунитете государства. Постоянно повторяющиеся судебные решения, признававшие иммунитет государства, привели к формированию

международного обычая. На возможность такого пути формирования международного обычая указывал российский юрист-международник И.И. Лукашук: «В современном международном праве существует два вида обычных норм. Первый, традиционный представляет собой сложившееся в практике неписаное правило, за которым признается юридическая сила. Второй – новый вид, к которому относятся нормы, создаваемые не длительной практикой, а признанием в качестве таковых правил, содержащихся в нескольких или даже в одном акте» [80, с. 74]. Такими актами в данном случае явились судебные прецеденты, в которых признавался иммунитет государства при его участии в гражданско-правовых отношениях. В результате возникший из судебных прецедентов обычай иммунитета государства в дальнейшем трансформировался и закрепился в качестве общего принципа международного права. То, что иммунитет государства является общим принципом права, нашло закрепление в докладе КМП, решении Международного Суда ООН, решении Европейского суда по правам человека. Такого же мнения придерживаются известные российские юристы: М.М. Богуславский, Г.К. Дмитриева, И.О. Хлестова.

Таким образом, иммунитет государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными юридическими и физическими лицами является общим принципом международного права, который действует как в международном публичном, так и в международном частном праве. Возникновение принципа произошло в первой половине XIX столетия, когда международное частное право еще не выделилось из международного публичного права в качестве самостоятельной юридической дисциплины. В международном публичном праве иммунитет государства обеспечивает возможность избегать межгосударственных столкновений в результате принятия судебного решения в отношении иностранного государства, которое может быть воспринято им как нарушение его суверенитета. В международном частном праве соблюдение принципа иммунитета обеспечивает государству безопасное участие в гражданско-правовых отношениях с иностранными субъектами. Данный принцип не относится к императивным нормам (*jus cogens*), поскольку обладает диспозитивностью, и государство вправе, руководствуясь собственными интересами, отказываться от него. Важнейшим обоснованием принципа иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом является суверенитет государства. Принцип иммунитета государства прошел несколько этапов в своем развитии: судебные прецеденты стали основой для возникновения международно-правового обычая, который в дальнейшем трансформировался в общий принцип международного права. Названный принцип призван защищать сложившийся международный правопорядок, устранять правовые препятствия в деле развития всестороннего сотрудничества государств, в целях поддержания международного мира и сотрудничества между государствами.

2.2. Доктрина акта государства как правовое основание теории абсолютного иммунитета государства

Первые прецеденты по предоставлению иммунитет государствам в иностранных судах мотивировались действием доктрины акта государства. В соответствии с доктриной акта государства иностранный суверен не может быть привлечен к суду в других государствах, а также в отношении его не могут производиться обеспечительные меры принудительного характера и принудительное исполнение решений иностранных судов и арбитражей в силу его международного суверенитета и вытекающей из него неподчиненности иностранным судам. Как отмечают американские авторы Ф. Фолсон, М. Гордон и Дж. Споногл, в теории иммунитета государства главным является вопрос: «... кто может, а кто не может быть привлечен к суду» [207, с. 402]. Доктрина государственного акта приводит к аналогичному результату по иному основанию: суды иностранного государства не вправе рассматривать акты иностранного государства, совершенные в пределах его внутренней юрисдикции. Здесь юридическим основанием неподсудности иностранного государства также является суверенитет, но уже не международный, а внутренний, который также присущ каждому государству и является в настоящее время общепризнанным.

Доктрина акта государства явилась предшественницей теории абсолютного иммунитета, которая развилась на ее основе, и, как это нередко бывает, потеснив и затмив свою предшественницу. В силу названного обстоятельства доктрине акта государства в белорусской и российской юридической науке уделяется недостаточно внимания. Это подтверждает тот факт, что в белорусской юридической литературе названная доктрина ранее вообще не рассматривалась, а в российской юридической науке доктрина акта государства конспективно рассматривались только Г.К. Дмитриевой и И.В. Гетьман-Павловой. При этом с определением доктрины акта государства, предложенной Гетьман-Павловой, трудно согласиться. В частности, указанный автор заявляет: «Доктрина акта государства состоит в следующем: если государство утверждает, что имущество принадлежит ему, то суд иностранного государства не вправе подвергать это заявление сомнению. Никакие иностранные органы не могут рассматривать вопрос о том, действительно ли собственность принадлежит государству, если оно заявляет, что собственность принадлежит ему» [33, с. 183]. В приведенном суждении явно перепутаны причина и следствие, поскольку за доктрину акта государства в данном случае принимается результат ее действия, а не сам акт государственной власти. Сущность доктрины акта государства заключается в недопустимости оценки иностранным судом действий государства, осуществленных в пределах его внутреннего суверенитета. Безусловно, в большинстве случаев обращение к доктрине акта государства связано с переходом к государству определенной собственности и возникши-

ми в связи с этим претензиями у юридических и физических лиц, которым ранее принадлежала эта собственность.

Как и общая теория иммунитета государства, рассматриваемая доктрина возникла в европейских странах. В США происхождение доктрины акта государства обычно связывается с прецедентом 1812 года *The Schooner Exchange v. Mcfadlon* [207, с. 426]. По данному делу Верховный суд США отказал бывшему собственнику шхуны «Exchange» в иске против Франции, заявив, что суд не вправе оценивать действия французских властей, экспроприировавших судно и включивших его в состав своего морского флота.

При вынесении решения по указанному делу главный судья Маршалл дал классическое обоснование принципа иммунитета государства, основанного на доктрине акта государства: «Юрисдикция судов является отраслью юрисдикции, которой обладает нация в качестве независимой суверенной державы. Юрисдикция нации в рамках ее собственной территории является обязательно исключительной и абсолютной; она не допускает никакого ограничения, не налагаемого ей самой. Любое ограничение ее другим источником означало бы сокращение ее суверенитета до степени ограничения и наделения в той же степени этим суверенитетом державы, которая смогла наложить это ограничение. Поэтому все исключения из полной и неограниченной власти нации в рамках ее собственной территории должны происходить с согласия самой нации. Они не могут происходить ни из какого другого источника» [23, с. 246–247]. Термин «нация» в приведенной формулировке означает государство; его употребление было связано с особенностями политического лексикона, применявшегося в США в начале XIX века.

Прецедентный характер приобрело и решение Верховного суда США по делу *Underhill v. Hernandez* (1897 г.). Судебное дело было возбуждено истцом (*Underhill*) с целью возмещения ущерба вследствие действий командующего венесуэльской революционной армией (*Hernandez*). В отношении дела *Underhill* Верховный суд США заявил: «Все суверенные государства обязаны уважать независимость всех государств, и суды одного государства не должны рассматривать акты правительства другого государства, совершаемые на его собственной территории» [207, с. 404]. Прецедент по делу *Underhill* в дальнейшем сыграл важную роль при вынесении решений американскими и английскими судами в делах, связанных с экспроприациями, произведенными в результате революции в нашей стране.

Первым делом, где была применена доктрина акта государства в отношении Советской России, было дело «Лютера-Сегюра», рассмотренное в судах Англии в 1921 году. Предметом спора была партия фанеры, национализированная декретом советского правительства от 30 июня 1918 года, а затем проданная Наркомвнешторгом 14 августа 1920 года в Англии. Решение суда первой инстанции было в пользу истца – ревельского акционерного общества «А.М. Лютер». Однако к моменту рассмотрения дела в

порядке апелляции в Высшем суде Великобритании в марте 1921 года де-факто признало Советское правительство. Как отметил в своем мнении судья Бэнкс (Bankes): «Это обстоятельство изменяет положение дела ... Раз английское правительство признало Советское правительство, как правительство, действительно обладающее в России суверенной властью, то и акты этого правительства должны признаваться английскими судами с полным уважением, подобающим актам иностранного государства, надлежаще признанного и независимого» [159, с. 8]. Другой участник процесса судья Уоррингтон (Warrington) заявил: «Вполне установлено, что вопрос о действительности актов независимого суверенного правительства в отношении имущества и лиц, находящихся в пределах его юрисдикции, не может подлежать рассмотрению в здешних судах» [159, с. 9]. Третий судья Скреттон (Scrutton) также поддержал своих коллег: «Если Красин привез товары в Англию от имени своего правительства и объявил, что они принадлежат русскому правительству, то ни один английский суд не может проверять такого заявления» [159, с. 11].

В ходе рассмотрения дела «Лютера-Сегюра» английский суд также отверг второй довод истцов о противоречии советской национализации началам справедливости и морали, то есть публичному порядку Англии. Судья Уоррингтон (Warrington) в своем мнении указал: «Заявить, что законодательство государства, признанного нашим государством суверенным, противоречит основным принципам справедливости и морали – это значит серьезно нарушить международную вежливость. И будь такое государство щепетильным, подобное указание могло бы явиться «casus belli». Когда это относится до государства, то выражение подобного мнения есть дело суверена и его министерства, а не судей» [159, с. 12]. Как видно из материалов дела, английский суд в деле «Лютера-Сегюра» проявил полную зависимость от принятого политического решения правительством Великобритании о фактическом признании Советского государства.

Действия Советского правительства по национализации в форме конфискации частной собственности были признаны актами государства и судами Германии. Первым делом было решение Лейпцигского ландсгерихта от 25 марта 1922 года по иску бывшего собственника об истребовании от Советского полпредства национализированных у него Советским государством пушных товаров [63, с. 7–11]. Решение немецкого суда носило юридически обоснованный характер и сопровождалось ссылками на нормативные акты. В частности, в мотивировочной части решения содержалась ссылка на Постановление Высшего Совета Народного Хозяйства РСФСР от 20 января 1919 года, которым все пушные товары, находившиеся на территории Советской России, подлежали принудительному отчуждению и переходили в собственность государства [63, с. 10]. Далее в решении указывалось, что на основании статьи 13 Временного соглашения РСФСР и Германии от 6 мая 1921 года «находящиеся на складе ответчика

пушные товары, как собственность Русского Правительства, не подчинены немецкой подсудности» [63, с. 11]. Аналогичные решения были вынесены Гамбургским ландсгерихтом 13 июня 1924 года и 26 декабря 1924 года по искам бывших собственников национализированных в Советской России товаров, привезенных и проданных в Германии [63, с. 12–22].

Однако применительно к национализации, проведенной в СССР, доктрина акта государства действовала только в отношении имущества, находившегося в момент издания актов о национализации на территории Советского государства, в результате чего зарубежные суды применяли свое право к имуществу, находившемуся в момент национализации на территории иностранных государств. Это подтверждает прецедент с делом о пароходе «Юпитер» [159, с. 13–18]. Фабула дела состояла в следующем: судно «Юпитер» принадлежало до революции Русскому обществу пароходства и торговли «Ропит», портом прописки судна была Одесса. В 1919 году общество перенесло центр своей деятельности в Марсель. В 1924 году во время нахождения «Юпитера» в английском порту Дортмунд капитан передал судовые документы торгпредству СССР в Лондоне, и пароход перешел в собственность СССР. Общество «Аркос», действуя от имени Советского правительства, продало пароход итальянскому акционерному обществу, при этом дав гарантию покупателям от иска в отношении судна со стороны бывших владельцев. Бывший владелец судна общество «Ропит» предъявило виндикационный иск в Высший суд Лондона к итальянскому акционерному обществу, новому владельцу, и выиграло дело, отсудив пароход. Решающую роль в этом деле имело то обстоятельство, что в момент национализации пароход не находился на территории Советской России, в результате чего акт о национализации, по мнению английского суда, на него не распространился.

После второй мировой войны суды западных стран под влиянием политических мотивов начинают отходить от доктрины акта государства. Первым судебным прецедентом, в котором суд США проигнорировал доктрину акта государства, стало дело *Banco National de Cuba v. Sabbatino* [222]. Фабула дела была следующей: американский гражданин П. Саббаттино добился в судах низших инстанций США решения, которое было направлено против кубинского Национального банка, национализированного революционным правительством Кубы в 1961 году. Когда Национальный банк Кубы обратился в Окружной суд Нью-Йорка с иском об отмене решения, ссылаясь на доктрину акта государства, суд отклонил иск на основании того, что «этот принцип (доктрина акта государства – *В.Б.*) не имеет силы, когда действия противоречат международному праву, включенному в систему внутреннего права» [222]. Непризнание законности национализации в деле Саббаттино, осуществленной Республикой Куба, обосновывалось следующими аргументами: ее дискриминационным характером, отсутствием в законе, на основании которого была проведена национализа-

ция банка, положений об адекватной компенсации крупным вкладчикам. В советской и российской правовой доктрине это решение справедливо подверглось резкой критике, поскольку оно имело явно выраженный политический характер: отношения между США и Кубой, если вспомнить историю Карибского кризиса в 1962 году, были крайне напряженными, что и предопределило решение американского суда [14, с. 53–62]. В дальнейшем суды США применяли доктрину государственного акта в судебных делах об экспроприации собственности уже с учетом поправки Саббатино.

С доктриной акта государства непосредственно тесно связана проблема компетенции различных государственных учреждений по вынесению и исполнению решений в области международных отношений. Доктрина исходит из взаимного признания государствами законов друг друга и разделения полномочий между исполнительной и судебной властями в сфере внешней политики. Длительное время американский подход в проблеме применения доктрины государственного акта заключался в предоставлении ведущей роли Государственному департаменту США как внешнеполитическому ведомству, к мнению которого должны были прислушиваться суды. Об этом свидетельствует практика обращения американских судов в Государственный департамент по вопросу о признании иммунитета иностранного государства.

Однако в ряде случаев судебные решения в США опережали внешнеполитические действия исполнительной власти, о чем свидетельствует «дело о советском золоте» [159, с. 57–68]. В этом деле СССР не был ответчиком, поскольку иск был предъявлен Банком Франции к двум американским банкам, принявшим на хранение в 1928 году от Государственного банка СССР золото в слитках для дальнейших расчетов по сделкам, заключенным советской страной в США. Окружной судья Ф. Каффи (Coffey) в речи при вынесении решения заявил: «Хотя не состоялось признания правительством Соединенных Штатов того, что было названо советским режимом, ни как правительства де-юре, ни как правительства де-факто, этот режим в действительности все-таки представляет собой правительство де-факто» [159, с. 64].

Как видно, в данном случае американский суд в вопросе о признании Советского государства значительно опередил исполнительную власть, признавшую СССР только в декабре 1933 года. Однако Государственный департамент на это не отреагировал, то есть он не заявил о своей прерогативе в вопросе признания СССР в связи с «делом о советском золоте», поскольку в приведенном случае решение суда было вынесено в пользу американских банков и это в целом соответствовало интересам США.

Следует отметить, что суды США в применении доктрины государственного акта после принятия в 1976 году Закона об иммунитете государств перестали обращать внимание на мнение Госдепартамента в данном вопросе. Об этом свидетельствует и последнее решение американского су-

да по уже упоминавшемуся делу о праве собственности на библиотеку Шнеерсона, принятое судом округа Колумбия в январе 2013 года. Суд вынес решение, отклонив возражение Министерства юстиции США об отсутствии у суда полномочий на введение санкций в виде ежедневного взыскания 50 тысяч долларов в отношении Российской Федерации. При этом судья заявил: «Суд введет санкции против ответчиков за отказ подчиниться решению суда... Санкции являются необходимым и приемлемым способом заставить сторону выполнить решение суда» [194]. Решение американского суда вызвало резкую реакцию Министерства иностранных дел России, позицию которого выразил лично министр С. Лавров, назвавший решение американского суда «возмутительным и не имеющим ничего общего с правосудием» [78]. Однако Россия нашла достойный выход из сложившейся ситуации, передав библиотеку Шнеерсона Еврейскому музею и Центру толерантности в Москве. При передаче части документов, составляющих фонд библиотеки, проходившей в Москве 13 июня 2013 года, Президент Российской Федерации В. Путин заявил буквально следующее: «...решение о национализации библиотеки было принято первым советским правительством, и членами его примерно на 80–85% являлись евреи» [166]. Тем самым Президент России указал на легитимность проведенной национализации библиотеки Шнеерсона, поскольку она была осуществлена на основе акта государства.

Однако спор по поводу принадлежности библиотеки на этом не прекратился, поскольку американскую сторону не устроило такое компромиссное решение. В результате Арбитражный суд Москвы в мае 2014 года удовлетворил иск Министерства культуры Российской Федерации и Российской государственной библиотеки (РГБ) к США и Библиотеке американского конгресса и обязал ответчиков вернуть в Россию семь книг из собрания Шнеерсона [10]. Эти книги были переданы в 1994 году во временное пользование по системе Международного библиотечного абонемена Библиотеке конгресса США. В марте 2013 года, после вынесения решения американским судом в отношении библиотеки Шнеерсона, РГБ обратилась к американской стороне с требованием о возврате книг, но получила отказ. Решение Арбитражного суда Москвы предусматривает, что в случае задержки его исполнения, правительство США будет обязано выплачивать 50 тысяч долларов в день в виде штрафных санкций до тех пор, пока книги не будут возвращены в РГБ. Как видно, решение российского арбитражного суда носит характер риторический по отношению к американской стороне. В правовом смысле возникла ситуация юридического тупика: в США и России в силе находятся судебные решения с аналогичными штрафными санкциями, возрастающими ежедневно, но государства не намерены менять свои позиции и не ищут выхода из сложившейся ситуации. Следствием этого явилось полное прекращение культурных отношений между двумя государствами. Это наглядно демонстрирует актуальность и значимость для межгосударственных отношений соблюдение доктрины акта государства.

В итоге можно констатировать, что доктрина акта государства фактически положила основание теории абсолютного иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях, в силу чего их следует рассматривать в единстве. Соотношение доктрины акта государства следует рассматривать как взаимодействие части и целого, где частью является доктрина акта государства, а целым – теория абсолютного иммунитета. Согласно доктрине акта государства в международном частном праве было закреплено, что действия государства по реализации властных полномочий в пределах собственной территории носят характер *jure imperii*, являясь результатом реализации функций внутреннего суверенитета. В то же время признание иммунитета государства иностранными судами основано и на применении внешнего суверенитета государства, что дает основание утверждать о слиянии двух видов суверенитетов в случае действия доктрины акта государства.

В настоящее время, когда особую актуальность приобрела проблема безопасности государства, получившая многоплановое толкование, теория абсолютного иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными юридическими и физическими лицами может быть напрямую увязана с его юридической безопасностью. Это относительно новое понятие, которое разрабатывается в правовой науке России немногим более десяти лет [208; 209]. Очевидно, что понятие юридической безопасности в российской правовой доктрине появилось неслучайно, поскольку России приходится оплачивать значительные материальные компенсации по решениям Европейского суда по правам человека, куда от российских граждан поступают многочисленные жалобы на нарушение их прав государством. После длительной тяжбы России пришлось выкупить через третье лицо долговые обязательства, определенные Арбитражным судом Торговой палаты Стокгольма по иску швейцарской компанией «Noga». Беспрецедентным по объему возмещения оказалось решение Гаагского арбитражного суда по иску трех компаний эксакционеров ЮКОСа к Российской Федерации, вынесенное 18 июля 2014 года [150]. По этому решению Россия обязана выплатить бывшим акционером ЮКОСа более 50 миллиардов долларов США, что составляет девятую часть годового государственного бюджета страны. Имеет ли дело ЮКОСа отношение к доктрине акта государства? Безусловно, имеет, поскольку ликвидация компании произошла по причине правомерно принятых государством решений, в том числе и судебных. Российская Федерация согласилась на рассмотрение спора в арбитражном суде *ad hoc*, уверенная в прочности своей позиции в названном деле. Однако процесс, начатый в 2005 году, завершился решением, которое мало кто ожидал. Помимо беспрецедентной по размеру суммы взыскания, в этом арбитражном разбирательстве удивляет также то, что от России в качестве одного из трех арбитров был назначен арбитр из США Стивен Швеле, а защита интересов России была доверена американской адвокатской компании. В связи с этим несколько странным вы-

глядит заявление Президента В. Путина, что: «Россия не признает компетенцию Гаагского суда» [147]. О компетенции Гаагского арбитража следовало думать раньше, когда давалось согласие на арбитражное рассмотрение спора и назначались американские представители для защиты интересов России. В результате, как указывают западные аналитики, арбитражное решение было вполне ожидаемым и его не следует связывать с резким ухудшением отношений между Россией и Западом, произошедшее в последнее время в связи с введением санкций, последовавших в связи с событиями в Украине. Вслед за решением Гаагского арбитража последовало решение Европейского суда по правам человека, которое присудило бывшим миноритарным владельцам акций ЮКОСа 1,86 млрд евро в качестве компенсации по жалобе против России [142]. В итоге пренебрежение Правительством России юридической безопасностью нанесло удар по престижу страны, а в дальнейшем может привести к огромным финансовым потерям.

В Республике Беларусь специальных исследований в сфере юридической безопасности не проводилось. В то же время Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 года № 575 утверждена Концепция Национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция) [129]. Однако среди перечисленных в документе восьми видов безопасности нет юридической безопасности. Представляется, что юридическая безопасность должна быть включена наряду с другими видами безопасности в Концепцию.

Юридическую безопасность можно определить как состояние неуязвимости интересов государства в правовой сфере от возможных имущественных санкций со стороны судов и иных органов иностранных государств к Республике Беларусь в связи с ее участием в гражданско-правовых отношениях с иностранными юридическими и физическими лицами. Предъявление государству гражданско-правового иска, принятие обеспечительных мер в отношении государственной собственности или финансовых средств, принудительное исполнение решения иностранного суда или арбитража – все это представляет собой реальные угрозы юридической безопасности государства. Возникновение таких ситуаций возможно в результате неосторожного поведения государственных органов и должностных лиц в отношениях с физическими и юридическими лицами иностранных государств, перешедших на позицию функционального иммунитета государства.

Основными национальными интересами в сфере юридической безопасности, на наш взгляд, следует определить: осторожное обращение с иммунитетом Республики Беларусь в сфере гражданско-правовых отношений, соблюдение юрисдикционных иммунитетов иностранных государств, строгое выполнение обязательств государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными физическими и юридическими лицами, предпочтительное дружеских способов урегулирования споров экономического характера с иностранными юридическими и физическими лицами.

В итоге, если оценивать доктрину акта государства и основанную на ней теорию абсолютного иммунитета государства с позиции не только международного частного, но и международного публичного права, следует признать их позитивное воздействие на межгосударственные отношения. Применение доктрины акта государства и теории абсолютного иммунитета в практике межгосударственных отношений не допускало возникновения столкновений между государствами в результате их участия в гражданско-правовых отношениях с иностранными субъектами. Особо следует подчеркнуть прогрессивную роль доктрины акта государства и теории абсолютного иммунитета для СССР в 20–30-е годы прошлого столетия в деле его международно-правового признания и упрочения позиций на мировой арене. В результате применения доктрины акта государства иностранными судами в отношении Советского государства, оно избежало в ряде случаев исков гражданско-правового характера по делам, связанным с национализацией частной собственности.

На основании вышеизложенного следует признать, что доктрина акта государства и теория абсолютного иммунитета с момента их возникновения выполняли в международном праве роль своеобразной «подушки безопасности», не допускавшей перерастание частноправовых споров в межгосударственные конфликты. Представляется, что и в современных условиях доктрина акта государства и теория абсолютного иммунитета государства не исчерпали заложенного в них позитивного потенциала и востребованы в межгосударственных отношениях. Как показывает практика, в любом государстве может возникнуть ситуация, когда правительство вынуждено предпринимать меры, нарушающие частные интересы иностранных юридических и физических лиц. В такой ситуации доктрина акта государства оказывается незаменимой. Наглядным примером этому стали действия правительства Кипра в 2012 году по выходу из финансового кризиса, когда оно вынуждено было провести частичную конфискацию крупных вкладов в банках страны, в основном принадлежащих иностранцам. В этом случае имело место проведение ограниченной безвозмездной национализации вкладов, и осуществить эту меру, не обращаясь к доктрине акта государства, невозможно, поскольку каждый вкладчик, интересы которого нарушены, посчитает необходимостью обратиться за защитой своих прав в суд. В таких экстраординарных случаях доктрина акта государства оказывается тем юридическим щитом, который позволяет государству осуществлять непопулярные меры, не нарушая международный правопорядок и избегая судебных разбирательств.

2.3. Теория функционального иммунитета: состояние, тенденции развития

С теорией абсолютного иммунитета государства теснейшим образом связана ее прямая противоположность – теория функционального иммунитета. Сущность этой теории заключается в том, что государство в частно-правовых отношениях не может претендовать на иммунитет, если оно ведет обычную коммерческую деятельность, не связанную с выполнением суверенных функций. В основу функциональной теории была положена частноправовая функция государства, что дало название и всей новой доктрине. В возникновении теории функционального иммунитета ведущая роль также принадлежала судам. Как отмечал А. Фердросс: «...согласно прежней судебной практике, иностранные государства освобождались от иностранной юрисдикции и как субъекты частного права (*fisci*), если они только сами не подчинялись ей по доброй воле. Но в период 1886–1993 гг. итальянская и бельгийская судебная практика выражают точку зрения, согласно которой иностранное государство в качестве носителя частных прав может наравне с другими частными лицами быть подсудно суду местного судьи. Постепенно к данному воззрению примкнули и другие державы европейского континента, так как они изымают из судопроизводства лишь те действия, которые государства проводят «*jure imperii*», но оставляют, однако, те, которые предпринимаются «*jure gestionis*» причем вопрос о принадлежности данных действий к «*jure gestionis*» следует решать согласно *lex fori*» [206, с. 210–211]. В 1891 году ведущие юристы мира, входившие в неправительственную организацию Институт международного права, предприняли попытку создания неофициальной кодификации теории функционального иммунитета государства. В проекте регламента «О компетенции судов в делах против иностранных государств и государей» была признана возможность предъявления исков к иностранным государствам, если они являются владельцами промышленных или торговых предприятий [62, с. 597].

Сторонником теории функционального иммунитета государства был и известный российский юрист-международник Ф.Ф. Мартенс, который писал: «... в лице государя различается двойной характер: суверена и частного лица. Как суверен иностранный государь свободен от гражданской подсудности; как частное лицо – не свободен, например, когда иск возникает из владения им недвижимой собственностью, из совершенных им торговых сделок и т.п.» [86, с. 216]. Как следует из приведенного высказывания, Ф.Ф. Мартенс не проводил различия между иммунитетом иностранного суверена и собственно иммунитетом государства, но при этом он имел в виду функциональный иммунитет государства.

В 20-е годы XX столетия в европейских странах теория функционального иммунитета уже получила широкое распространение и применение. Примером могут служить решения французских судов по искам,

предъявленным к СССР и советскому торговому представительству во Франции. Так, в деле «Шаляпин против СССР», рассмотренном коммерческим Трибуналом департамента Сены в 1931 году, суд констатировал: «На коммерческие сделки по экспорту принцип суверенитета государства не распространяется. Не может быть и речи о приравнивании этих коммерческих операций к актам государства, как такового, действующего в пределах осуществления своих правительственных прерогатив» [159, с. 82]. В деле «Франс – Экспорт» против Госторга и Торгпредства СССР Парижский апелляционный суд в своем решении записал: «...результаты проявления торговой деятельности, которая осуществляется во всех областях, не могут рассматриваться иначе, как торговые действия, по отношению к которым принцип суверенитета государства представляется совершенно чуждым» [159, с. 70].

В 40–50-е годы XX столетия теория функционального иммунитета получила теоретическое обоснование в работах ряда известных американских и европейских юристов: А. Куна, В. Бишопа, Б. Фестивальда, С. Сучариткула, Х. Шака и др.

В 1954 году Институт международного права вновь обратился к проблеме иммунитета государства, приняв на конгрессе резолюцию «Иммунитет иностранных государств от юрисдикции и мер исполнения» [230]. В соответствии со статьей 1 Резолюции суды не вправе осуществлять юрисдикцию в отношении исков, касающихся актов публичной власти (*acte de puissance publique*) иностранного государства или его органов. В случаях частноправовой деятельности государства суды могут согласно статье 3 Резолюции принимать иски, предъявляемые к иностранным государствам и их собственности. В Резолюции была предпринята попытка провести разграничение публично-правовой и частноправовой деятельности государства. В статье 5 определено регулирование обеспечительных и принудительных мер: «В отношении собственности иностранного государства не может быть принято принудительного исполнения или предварительного ареста, если эта собственность используется для правительственной деятельности, не связанной с каким бы то ни было видом экономического предпринимательства». В целом, по своему содержанию резолюция 1954 года повторяла основные положения проекта регламента 1891 года.

Переход ведущих стран Запада к теории функционального иммунитета неверно рассматривать только как эволюцию теоретических взглядов юристов в подходе к сложной правовой проблеме. Решающую роль, на наш взгляд, здесь сыграл политический фактор. Как отмечал еще в начале 60-х годов М.М. Богуславский: «Теория «функционального иммунитета» появилась в конце XIX века, однако «второе рождение» этой теории произошло после возникновения Советского государства. Она применялась буржуазными судами против Советского государства как государства нового типа. Острие этой теории была направлено также против государств,

освобождающихся от колониальной зависимости и создающих государственный сектор экономики» [15, с. 33–34]. Сторонники теории функционального иммунитета со своей стороны подтверждают приведенную политическую причину ее появления. Американский юрист Л. Саммерс, обосновывая необходимость теории функционального иммунитета, писал следующее: «Эта норма (теория абсолютного иммунитета – В.Б.) действовала довольно неплохо в прошлом, когда действия правительства были ограничены. Но когда правительства, особенно коммунистические, стали контролировать все аспекты государственной жизни и заниматься различными видами торговой деятельности, старая норма стала неоправданно благоприятствовать иностранным государствам в ущерб их частным конкурентам» [233, р.61].

Первым государством, принявшим специальный закон, основанный на теории функционального иммунитета, стали США. В статье 1605 Закона США «Об иммунитете иностранных государств» были перечислены исключения из иммунитета иностранного государства. К таким исключениям были отнесены:

1) отказ государства от своего иммунитета явно выраженным или подразумеваемым способом;

2) коммерческая деятельность, осуществляемая в Соединенных Штатах Америки иностранным государством или вне их территории, если деятельность влечет прямые последствия в Соединенных Штатах Америки;

3) нарушение иностранным государством права собственности согласно международному праву, если эта собственность находится в Соединенных Штатах Америки;

4) рассмотрение дела о праве собственности в Соединенных Штатах Америки, если это право приобретено путем правопреемства или дарения, или предметом разбирательства является право собственности на недвижимое имущество, находящееся в Соединенных Штатах Америки;

5) предъявление иска к иностранному государству о возмещении денежной компенсации за причинение телесного вреда или смерти, или имущественного вреда или убытков, причиненных в Соединенных Штатах Америки [234, р. 55].

Безусловно, наиболее важным является второй пункт статьи 1605, согласно которому не предоставляется иммунитет иностранному государству в случае его коммерческой деятельности.

Интересен тот факт, что сами США путем заключения межправительственных соглашений стремятся обеспечить собственный иммунитет в других государствах. Примером может служить Соглашение между Правительством РФ и Правительством США о содействии капиталовложениям от 3 апреля 1992 года, где содержится положение о том, что от имени Соединенных Штатов будет действовать специальный уполномоченный государственный орган, именуемый «эмитентом» – Корпорация зарубежных

частных инвестиций (ОПИК – Overseas Private Investments Corporation). При этом названный эмитент «как некоммерческое агентство Правительства Соединенных Штатов Америки не будет подпадать под действие законодательства Российской Федерации, применяемого в отношении коммерческих организаций, занимающихся страховой или финансовой деятельностью» (п. (с) ст. 2) [187]. Из этого следует, что государственный орган США, занимающийся капиталовложениями в России, получил статус некоммерческой организации, к которой нельзя предъявлять иски, а тем более иски невозможны к самому американскому государству.

Вслед за США в 1978 году Закон «О государственном иммунитете» был принят в Великобритании [237]. В дальнейшем законы об иммунитете, основанные на теории функционального иммунитета, были приняты в Сингапуре [238], ЮАР [239], Канаде [236], Австралии [235] и некоторых других государствах. В большинстве европейских стран специальные законы, регулирующие иммунитет государства, отсутствуют, но сложилась и действует судебная практика, основанная на теории функционального иммунитета.

Однако проблема иммунитета иностранного государства не может считаться окончательно решенной в результате перехода западных стран к теории функционального иммунитета. В мире еще остается значительное количество государств, остающихся на позиции абсолютного иммунитета. В том числе среди этих государств находятся Республика Беларусь и другие государства СНГ. В научном сообществе также нет единства среди юристов-международников по данной проблеме. В тоже время аргументы, которые выдвигались оппонентами теории функционального иммунитета, заслуживают внимательного рассмотрения и оценки в свете новых фактов, которые имели место в последнее время в межгосударственных отношениях.

Обратимся вначале к главной идее, положенной в основу теории функционального иммунитета – разделению действий государства на публично-правовые (*jure imperii*) и частноправовые (*jure gestionis*). Сторонники теории абсолютного иммунитета как главные оппоненты теории функционального иммунитета уже давно выдвинули следующий контраргумент: четких критериев, на основе которых можно разделить действия государства на *jure imperii* и *jure gestionis*, не существует. Чаще всего приверженцы теории функционального иммунитета в качестве таких критериев пытаются использовать характер действия государства или его цель. В частности, применительно к определению характера действия предлагается использовать следующий простой прием: если правоотношение с участием государства может совершаться и частным лицом – оно для государства является действием *jure gestionis*. Однако, как указывает английский юрист Я. Броунли: «... этот критерий оказывается несостоятельным и приводит к странным результатам, как это будет, например, в случае, если мы решим утверждать, что приобретение провианта для вооруженных сил является действием *jure gestionis*» [23, с. 471]. Еще более категорична в дан-

ном вопросе известный российский юрист Г.К. Дмитриева, которая утверждает: «Если опираться на характер отношения, то любая сделка, операция, регулируемая частным правом, а не международным, является частноправовой и ничем не отличается от подобных операций, совершаемых частными лицами. С точки зрения природы акта аренда государством здания является частноправовой сделкой независимо от того, арендуется ли здание для расположения посольства или для устройства гостиницы для проживания приезжающих своих граждан» [89, с. 235].

Использование цели в качестве критерия частноправового характера деятельности государства оказывается столь же неэффективно, поскольку государство всегда должно действовать, исходя из общественных интересов. Это признают и сторонники теории функционального иммунитета. Так, немецкий юрист Х. Шак пишет: «Распространение иммунитета государства лишь на государственные действия делает необходимым проведение их отграничения от негосударственной деятельности. При этом нельзя отталкиваться от целей государственной деятельности, поскольку они в конечном итоге всегда носят государственный характер» [220, с. 70].

Генеральная Ассамблея ООН специально поручала Комиссии международного права разработать критерии для оценки характера контракта или сделки с участием государства. Комиссия, изучив все используемые в практике критерии: характер сделки, ее цели, мотивы совершения, не нашла возможным рекомендовать какой-либо из них в качестве основного и предложила Генеральной Ассамблее использовать термин «коммерческие контракты или сделки» без какого-либо разъяснения [50, с. 60]. Однако в процессе дальнейшей работы прогресс в этом направлении был достигнут и в Конвенции ООН 2004 года в статье 2 указано, что под коммерческой сделкой следует понимать:

«i) любой коммерческий контракт или сделку о купле-продаже товаров или предоставлении услуг;

ii) любой контракт о займе или иную сделку финансового характера, включая любое обязательство по гарантии или компенсацию в отношении любого такого займа или сделки;

iii) любой иной контракт или сделку коммерческого, промышленного, торгового или профессионального характера, за исключением трудовых договоров (п. 1с) [122].

При определении того, является ли контракт или сделка «коммерческой сделкой» в соответствии с пунктом 1с, следует, прежде всего, исходить из природы этого контракта или сделки, однако следует также учитывать их цель, если стороны контракта или сделки договорились об этом или, если, согласно практике государства суда, эта цель имеет отношение к определению некоммерческого характера этого контракта или сделки.

Но и предложенное определение, на наш взгляд, не дает достаточного основания утверждать, что суды получили четкие критерии для опреде-

ления случаев коммерческого участия государства в гражданско-правовых отношениях. Современная судебная практика России свидетельствует о том, что суды испытывают сложности при определении характера деятельности иностранного государства. Примером может служить иск в арбитражный суд российского юридического лица к посольству иностранного государства, строившего небольшую гостиницу для приема своих гостей [95, с. 58]. Посольство заявило о наличии у него иммунитета от юрисдикции, но суд посчитал, что строительство гостиницы является коммерческой деятельностью, поскольку она может приносить прибыль. Арбитражный суд кассационной инстанции, куда обратилось посольство, удовлетворил иск, решив, что гостиница строится для выполнения суверенной функции – приема делегаций во время политических переговоров на территории Российской Федерации.

Можно привести аналогичный пример из судебной практики Германии, когда Конституционный суд не принял во внимание мнение федерального министра юстиции, посчитавшего, что ремонт отопительной системы в посольстве Ирана является действием *jure imperii*, и вынес решение о взыскании оплаты за произведенные работы [220, с. 70].

В итоге, можно с полным основанием констатировать: четких критериев, на основании которых возможно было бы разграничить публично-правовые и частноправовые действия государства, не существует ни в международном, ни в национальном праве. Это ставит большой знак вопроса в правомерности существования всей теории функционального иммунитета государства вообще.

Одним из главных аргументов сторонников теории функционального иммунитета является утверждение, что суверен, занимающийся обычной коммерцией, оказывается в привилегированном положении по сравнению со своими контрагентами – физическими и юридическими лицами. Возражая по поводу такого утверждения, английский юрист Я. Броунли отмечал: «Многие экономисты считают, что создание обширного государственного сектора как фактора, связанного с осуществлением минимального необходимого планирования, является неременным условием развития слаборазвитых стран, перед которыми стоят проблемы нищеты, болезней, недоедания, неграмотности в таких масштабах, что их можно сравнить лишь с состоянием чрезвычайного положения, возникающего в некоторых западных странах в связи с войной или угрозой войны» [23, с. 470–471]. На основании приведенного суждения английский юрист приходит к следующему выводу: «Именно этот политический аспект и делает затруднительным нахождение логического обоснования для применения ограничительного принципа: как подчеркивается в литературе, экономическая деятельность государства остается государственной деятельностью» [23, с. 473].

Российский юрист М.М. Богуславский, давая ответ сторонникам теории функционального иммунитета по вопросу о необходимости соблю-

дения принципа равноправия сторон в договоре с участием государства, утверждал: «Равноправие сторон состоит в свободе выбора права. Эта свобода волеизъявления сохраняется и при заключении договора с государством. Заключая такой договор, другая сторона должна учитывать, что государство – это особый субъект гражданско-правовых отношений, который без своего согласия не подпадает под действие иностранных законов и иностранного суда» [15, с. 37].

Еще одним существенным изъяном теории функционального иммунитета является компетенция иностранного суда давать оценку действиям государства. По утверждению Г.К. Дмитриевой, в каждом таком случае «государство а priori подчиняется юрисдикции иностранного государства. Даже если суд признает некоммерческий характер деятельности государства и соответственно его иммунитет, то юрисдикция иностранного суда уже состоялась, решение, обязательное для государства, уже вынесено, и тем самым нарушен иммунитет государства» [89, с.234-238].

В данной проблеме есть еще одна сторона, на которую ранее не обращали внимания исследователи, но имеющая, на наш взгляд, немаловажное значение. Речь идет о том, что иностранный суд, выносящий решение об отсутствии у государства иммунитета по конкретному делу, может не выражать или даже прямо противоречить позиции исполнительной власти государства, непосредственно отвечающей за развитие межгосударственного сотрудничества. Выше уже приводились многочисленные факты несовпадения позиций американских судов и исполнительной власти по вопросу предоставления иммунитетов иностранному государству. Последнее подтверждение этому – решение американского судьи Р. Ламберта по делу о принадлежности библиотеки Шнеерсона, которое было вынесено вопреки мнению Государственного департамента США, рекомендовавшего признать иммунитет Российской Федерации. Возникает вопрос: почему мнение одного судьи оказывается важнее, чем мнение специализированного внешнеполитического органа государства, в результате чего межгосударственные отношения оказываются зависимыми от весьма сомнительных судебных решений? В этом усматривается, по нашему мнению, еще один существенный изъян теории функционального иммунитета государства.

Однако главным пороком теории функционального иммунитета является ее противоречие суверенитету государства. Известный английский юрист Дж. Чешир отмечал: «Принцип равенства и независимости суверенных государств приводит к выводу, что ни одно суверенное независимое государство не имеет права осуществлять юрисдикцию в отношении личности или имущества какого-либо другого суверенного государства» [219, с. 90]. Один из наиболее известных представителей немецкой науки международного права XX столетия Л. Оппенгейм указывал: «Согласно принципу *par in parem non habet imperium* ни одно государство не может претендовать на осуществление своей власти над другим» [136, с. 245]. С этих

же позиций критиковала теорию функционального иммунитета советская юридическая наука. Эта критика остается актуальной и в настоящее время. И сегодня современно звучит оценка М.М. Богуславского, данная названной теории более полувека назад: «Теория функционального иммунитета несовместима с международным правом, которое ныне призвано организовывать сотрудничество на началах сосуществования, равенства и невмешательства государств. Основной ее порок состоит в том, что она в корне противоречит принципу государственного суверенитета» [15, с. 36]. Российский юрист Г.К. Дмитриева, являющаяся в российской юридической науке последовательным сторонником абсолютного иммунитета, утверждает: «Государство и суверенитет неотделимы друг от друга так же, как неделим государственный суверенитет. Какую бы деятельность не осуществляло государство, оно всегда выступает как носитель государственной власти, то есть как *jure imperii*. Участвуя в частноправовых отношениях, государство не теряет присущее ему качество властности и суверенности» [89, с. 238]. Такую же позицию занимает Л.П. Ануфриева, утверждающая, что «...государство ни при каких обстоятельствах не утрачивает своей суверенности» [6, с. 109].

Полностью солидаризируясь с приведенными оценками, считаем необходимым отметить следующее. Теория функционального иммунитета – это часть общего наступления западной юридической науки на суверенитет государства. Эта теория в значительной степени является продуктом своего времени. На наш взгляд, переход к теории функционального иммунитета судебных систем развитых стран мира имел в своей основе сугубо политические причины и был направлен против социалистических и развивающихся государств и их экономической модели развития. Эта теория появилась в то время, когда завершался процесс крушения колониальной системы, и США и их европейские союзники искали пути сохранения своего влияния в бывших колониях. Политика неокOLONиализма была определена США и их западными союзниками в своих главных чертах достаточно быстро. Как она осуществлялась, убедительно показано в книге Д. Перкинса «Исповедь экономического убийцы», ставшей бестселлером в США [137]. В книге раскрывается деятельность США и финансовых учреждений, находящихся под их контролем – Международного валютного фонда, Всемирного банка по экономическому закабалению развивающихся государств. Автор на фактах убедительно доказывает, что государственная политика США по отношению к развивающимся государствам формируется и осуществляется в интересах транснациональных корпораций. Джон Перкинс вводит специальный термин «корпоратократия», понимая под ним власть крупнейших корпораций, интересы которых выражают официальные американские власти, теснейшим образом связанные с ними. Теория функционального иммунитета была призвана дополнить эту политику экономического закабаления развивающихся государств, лишив их возможно-

сти защищаться от судебных и арбитражных исков, предъявляемых им иностранными корпорациями, обращаясь к иммунитету государства.

Следует отметить, что нарушают иммунитет государства судебные учреждения, позиция которых, как уже отмечалось, может противоречить позиции органов непосредственно отвечающих за межгосударственное сотрудничество, но в итоге нарушение иммунитета государства негативно влияет на весь спектр международных отношений. Как правомерно отмечал в свое время классик советского частного права Л.А. Лунц: «Деятельность американских судов была непосредственно направлена на срыв нормальных отношений между Америкой и СССР» [83, с. 35].

Можно привести в качестве примера дело швейцарской фирмы «Нога», попытки которой использовать правовые системы Франции, Швейцарии и других государств, чтобы добиться удовлетворения своих финансовых претензий к России, деструктивно воздействовали на межгосударственные отношения названных государств и Российской Федерации. Такое же негативное воздействие оказало дело Ф. Зендельмайера на российско-германские отношения. О последствиях спора между США и Россией по поводу принадлежности библиотеки Шнеерсона на культурные отношения этих стран уже говорилось выше.

Проблемы с иммунитетом государства возникают не только у России. Большой резонанс во всем мире вызвало решение Верховного суда США, принятое 16 июня 2014 года, оставившее в силе ранее вынесенный вердикт апелляционного суда Нью-Йорка, обязавшего Аргентину незамедлительно оплатить хедж-фондам Elliott и Aurelio облигации государственного долга. Как эмоционально, но справедливо отмечал по поводу этого решения российский финансовый обозреватель Е. Ефремов: «Орудие мировой гегемонии США – это не только ракеты и авианосцы, но и американские суды, которые распространили свою юрисдикцию на весь Земной шар» [197]. В ответ на решение американского суда Президент Аргентины Кристина Киршнер заявила: «Правительство Аргентины продолжит защиту национального суверенитета и требует от правительства Соединенных Штатов принять юрисдикцию Международного Суда, чтобы прекратить эту полемику между обеими странами» [11]. Однако в ответ на предложение Аргентины передать спор в Международный суд ООН, официальный представитель Госдепа заявил: «Мы не считаем Международный суд организацией, подходящей для того, чтобы рассматривать вопросы аргентинского долга» [11]. Очевидно, что отказ американской стороны был вызван позицией Международного Суда, который не поддерживает ограничение иммунитета государства. Эту позицию Международный Суд выразил при рассмотрении иска Германии к Италии по вопросу нарушения ее иммунитета итальянскими судами. В решении, вынесенном 3 февраля 2012 года Международный Суд ООН признал, что Италия нарушила юрисдикционный иммунитет Германии, допустив выдвижение против нее гражданских

исков, связанных с нарушениями международного гуманитарного права германским рейхом во время Второй мировой войны в период с сентября 1943 года по май 1945 года, и обязал Италию устранить все нарушения иммунитета Германии [227]. Следует обратить внимание на тот факт, что нарушения иммунитета Германии произошли в результате присуждения итальянскими судами компенсации лицам и их родственникам, пострадавшим от жестоких действий германской армии. В то же время в принятых национальных законах об иммунитете государства, нарушение фундаментальных прав человека признается как безусловное основание ограничения иммунитета государства. В этом плане решение Международного Суда явилось определенной неожиданностью для всех сторонников ограниченного иммунитета государства.

Однако не только Международный Суд ООН продемонстрировал твердость позиции в вопросе сохранения иммунитета государства. В 2001 году Европейский суд по правам человека в деле Аль-Адсани против Соединенного королевства также признал наличие иммунитета государства от исков, предъявляемых в связи с нарушением фундаментальных прав человека [4]. Как отмечает В.В. Старженецкий: «На международном уровне, в особенности в международной судебной практике (МС ООН, ЕСПЧ), отношение к данному институту остается сдержанным и осторожным: юрисдикционный иммунитет государства и его собственности остается предварительным процессуальным вопросом, который препятствует в подавляющем большинстве случаев рассмотрению споров против иностранных суверенов в национальных судах, и ограничение прав частных лиц на суд по этому основанию вполне допустимо, так как преследует весьма значимую публичную цель – поддержание стабильных и доверительных отношений между государствами» [189].

В вопросе иммунитета государства особого внимания заслуживают аргументы, выдвинутые Китаем в обоснование теории абсолютного иммунитета государства, изложенные в деле *Jackson v. People Republic of China*, рассмотренном апелляционным судом США в 1986 году [226]. Иск был заявлен американским владельцем облигаций, выпущенных в Китае в 1911 году. Китайская сторона обосновала свою позицию в вопросе иммунитета государства следующим образом: «Китай стоит на принципе абсолютного суверенного иммунитета как основополагающего аспекта своего суверенитета. Он исходит из позиции, что в соответствии с принципами международного права государство обладает иммунитетом от любого иска в национальном суде в любой другой стране, если оно не отказалось от иммунитета путем специального заявления. Соблюдение Китаем этого принципа основано, в частности, на его негативном опыте экстерриториальности законов и юрисдикции западных держав (на территории Китая) в XIX – начале XX века. Китай утверждает, что ограничение суверенного иммунитета не стало нормой международного права, несмотря на то, что в

последние годы некоторые страны начали следовать этой теории, но это небольшое число стран не включает развивающиеся страны, которые находят, что ограничение суверенного иммунитета противоречит их интересам. Китай утверждает, что США не могут путем изменения своего внутреннего законодательства отменить давно действующий принцип абсолютного иммунитета. Таким образом, по мнению Китая, ограниченный иммунитет применяется только между странами, которые приняли эту теорию и не применим к Китаю, который продолжает придерживаться принципа абсолютного суверенного иммунитета государства» [226].

Следует отметить, что за истекший период позиция Китая в вопросе иммунитета государства не претерпела изменений. Китай не соглашается на рассмотрение инвестиционных споров в иностранных судах ни при каких обстоятельствах. Примером может служить история заключения договора инвестиционного сотрудничества (ДИС) между Китаем и Германией, когда спор продолжался в течение трех лет, но китайская сторона настояла на своей позиции [18, с. 105].

Таким образом, теория функционального иммунитета, выдвинутая как новый и прогрессивный подход в сфере регулирования гражданско-правовых отношений с участием государства, в действительности отвечает интересам богатейших стран, а точнее их крупным корпорациям, использующим ее как инструмент взыскания долгов с развивающихся государств. Основным пороком этой теории является возникновение серьезных проблем в межгосударственных отношениях, поскольку ее применение вызывает резко отрицательную реакцию государств, иммунитет которых нарушается вопреки их воле. В итоге теория функционального иммунитета стала еще одним камнем преткновения в отношениях между немногими богатыми странами и большинством государств мир.

В связи с этим автор считает необходимым объяснить свою позицию относительно необходимости перехода к теории функционального иммунитета государства, принятой в западных странах. Проведенное исследование объективно доказывает, что такой целесообразности и практической необходимости для Республики Беларусь нет. Это может быть аргументировано двумя важнейшими обстоятельствами: во-первых, экономическая модель, которая принята в Беларуси – это государственная рыночная экономика. (Определять белорусскую экономическую модель как государственный капитализм, как это делают отдельные экономисты, считаю неправильным, поскольку этот этап был пройден нашей страной в 20-ые годы XX столетия в составе единого государства – СССР). Однако дело не в дефинициях, а в факте принадлежности большинства предприятий, действующих на внешнем рынке, государству, а согласно теории функционального иммунитета к государству может предъявляться иск по обязательствам его юридических лиц. Само государство также активно вовлечено в гражданско-правовые отношения, о чем свидетельствует количество под-

писанных договоров от имени Республики Беларусь (493 на 01.01.2016 – более подробно в разд. 4.2). В этом плане западные страны находятся совершенно в ином положении. В США в 2007 году был принят «Закон об иностранных инвестициях и национальной безопасности 2007» (Foreign Investment and National Security Act 2007), основная цель которого не предоставление преференций иностранным инвесторам, а ограничение их проникновения в отрасли и сферы, обеспечивающие национальную безопасность государства [225]. В этом плане мы еще не готовы в силу объективных причин «играть» по тем правилам, которые предлагают западные страны в вопросе участия государства в гражданско-правовых отношениях.

Во-вторых, время слепого заимствования западного права, как нам представляется, уже прошло. От того, что мы будем заимствовать западное право, больше любить нас там не станут. Сохраняя собственный подход в вопросе иммунитета государства, Беларусь занимает более предпочтительную позицию в глазах мирового сообщества, нежели при слепом заимствовании чужого права. Здесь уместно напомнить слова автора Статута Великого княжества Литовского Льва Сапеги: «...люди благочестивые не только имущества, но и жизни своей не щадят, лишь бы только не попасть под жестокое владычество неприятеля, не утратить свободу и не жить рабски, подчиняясь чужой воли и мысли» [190, с. 16].

2.4. Международно-правовая кодификация иммунитета государства: состояние и реальные возможности

Для решения проблемы иммунитета государств и их собственности неоднократно предпринимались попытки международно-правовой кодификации. Первым межгосударственным соглашением такого рода стала Брюссельская конвенция для унификации некоторых правил относительно иммунитета государственных судов, подписанная 10 апреля 1926 года (далее – Брюссельская конвенция) [24]. В соответствии со статьей 1 Брюссельской конвенции: «Принадлежащие государству или эксплуатируемые им суда, принадлежащие государству грузы, и пассажиры, перевозимые государственными торговыми судами, а также государства, которые являются собственниками этих судов или эксплуатируют их, подчиняются в отношении исков, связанных с эксплуатацией судов, или относительно перевозки таких грузов, тем же правилам об ответственности и исполнении обязательств, которые применяются к частным судам или грузам» [24, р. 173].

Исключение в Конвенции сделано только в отношении судов, используемых на государственной некоммерческой службе, что должно подтверждаться сертификатом, наличие которого требуется в соответствии со статьей 5 Конвенции.

Определенные вопросы вызывает статья 6 Брюссельской конвенции, которой установлено, что применение ее положений не должно ставить государства, в ней не участвующие, или их граждан в положение более благоприятное, чем то, в котором находятся участвующие в названной Конвенции государства и их граждане, а также не должно нарушать принципа взаимности. Фактически приведенная статья распространяет действие Брюссельской конвенции на третьи государства, не участвующие в Конвенции. Появление данной нормы можно объяснить тем, что в момент принятия Брюссельской конвенции еще не была проведена кодификация права международных договоров. Ныне действующая Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года в статье 34 установила: «Договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия». Учитывая содержание приведенной статьи Венской конвенции, распространение норм международного договора на третьи государства является недопустимым. Поскольку Венская конвенция 1969 года является специальной относительно действия договорных норм, постольку норма статьи 34 названной Конвенции должна обладать приоритетом по отношению к статье 6 Брюссельской конвенции в данной правовой коллизии.

В мае 1934 года Брюссельская конвенция была дополнена Протоколом, который внес некоторые новые нормы и уточнил действующие [146]. Статья 1 Протокола распространила действие Брюссельской конвенции на зафрахтованные государством суда на определенное время или на один рейс, которые используются исключительно на правительственной некоммерческой службе. В отношении таких судов не применяются меры по аресту, задержанию или конфискации. Статья 3 Протокола установила, что представитель заинтересованного государства вправе явиться в суд, где ведется судебное разбирательство, для представления сертификата, предусмотренного статьей 5 Брюссельской конвенции.

Таким образом, Брюссельская конвенция и Протокол к ней впервые ввели ограничение на применение иммунитетов в отношении морских судов, принадлежащих государствам или эксплуатируемым ими в целях, не связанных с правительственной некоммерческой службой. Однако Конвенция не получила широкого международного признания и распространения: до Второй мировой войны ее участниками стали только десять государств, в настоящее время в Конвенции участвуют немногим более двадцати стран.

Вопрос иммунитета государств получил отражение в статье 236 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года (далее – Конвенция ООН по морскому праву, Конвенция), озаглавленной «Суверенный иммунитет». В указанной статье было установлено, что положения Конвенции, «касающиеся защиты и сохранения морской среды, не применяются к любым военным кораблям, военновспомогательным судам, к другим судам или летательным аппаратам,

принадлежащим государству или эксплуатируемым им и используемым в данное время только для правительственной некоммерческой службы» [65]. В результате статья 236 Конвенции предоставила морским некоммерческим судам, принадлежащим государству, иммунитет в вопросах защиты и сохранения морской среды. Учитывая то обстоятельство, что государства редко сами владеют торговыми и иными коммерческими морскими судами, вряд ли можно говорить о том, что названная статья существенно ограничила иммунитет государственных морских судов.

В связи с названием статьи 236 Конвенции ООН по морскому праву в литературе появился новый термин – суверенный иммунитет. Однако, по мнению российского юриста Л.П. Ануфриевой, это явилось результатом неточного перевода на русский язык английского словосочетания «*sovereign immunity*», что в действительности означает «иммунитет государства» [6, с. 112]. Конвенция ООН по морскому праву является хрестоматийным примером успешной кодификации международного права, что подтверждает и массовость участия в ней государств: на 1 февраля 2015 года в ней участвуют 167 стран мира [65]. Следует отметить участие в данной Конвенции Республики Беларусь, которая ратифицировала ее в 2006 году.

Первой региональной кодификацией иммунитета государства явилось подписание 16 мая 1972 года в рамках Совета Европы Европейской Конвенции об иммунитете государства [53]. В главе I Конвенции «Иммунитет от юрисдикции» были перечислены условия, при которых договаривающееся государство не будет пользоваться иммунитетом в судах другого договаривающегося государства. К таким условиям отнесены:

- предъявление встречного иска к договаривающемуся государству, выступающему в качестве истца или третьего лица в судебном разбирательстве в суде другого договаривающегося лица (ст. 1);
- наличие международного соглашения, ясно выраженного положения, содержащегося в договоренности, составленной в письменной форме, или ясно выраженного согласия, данного после возникновения спора (ст. 2);
- договаривающееся государство не пользуется иммунитетом в суде другого договаривающегося государства, если оно ссылается на иммунитет от юрисдикции после принятия решения по существу вопроса (ст. 3);
- если судебное разбирательство связано с обязательством государства, которое в силу имеющегося соглашения должно быть осуществлено на территории государства, где происходит судебное разбирательство (ст. 4);
- когда судебное разбирательство связано с трудовым соглашением, заключенным между государством и физическим лицом, и работа подлежит исполнению на территории государства, где происходит судебное разбирательство (ст. 5);
- если договаривающееся государство участвует с одним или несколькими частными лицами в обществе, ассоциации или юридическом лице, имеющем свое реальное или официальное место нахождения или

свое главное учреждение на территории государства, где происходит разбирательство (ст. 6);

– если договаривающееся государство имеет на территории государства, где происходит судебное разбирательство, бюро, агентство либо другое учреждение, через которые оно осуществляет тем же образом, что и частное лицо, промышленную, коммерческую или финансовую деятельность и если судебное разбирательство касается этой деятельности (ст. 7);

– если судебное разбирательство касается:

а) патента на изобретение, чертежа или промышленной модели, производственного или товарного знака, фирменного наименования или другого аналогичного права;

б) несоблюдения государством в государстве, где происходит судебное разбирательство, упомянутого права, которое в нем охраняется и принадлежит третьему лицу;

с) несоблюдения государством в государстве, где происходит судебное разбирательство, авторского права, которое в нем охраняется и принадлежит третьему лицу;

д) права использования названия фирмы в государстве, где происходит судебное разбирательство (ст. 8);

– если судебное разбирательство касается:

а) права государства на недвижимость, на владение или на пользование такой недвижимостью государством; или

б) возлагаемого на него обязательства, либо как владельца права на недвижимость, либо как на владельца или пользователя этой недвижимостью, и если недвижимость находится на территории государства, где происходит судебное разбирательство (ст. 9);

– если судебное разбирательство касается права на имущество движимое или недвижимое, зависящее от права наследования или дарения, либо на бесхозное имущество (ст. 10);

– если судебное разбирательство касается возмещения за телесное повреждение или материальный ущерб, вызванные фактом, имевшим место на территории государства, где происходит судебное разбирательство, и если лицо, причинившее ущерб, находилось там в тот момент, когда этот факт имел место (ст. 11);

– если договаривающееся государство согласилось в письменной форме вынести на арбитраж уже возникшие споры или те, которые могут возникнуть по гражданским или коммерческим вопросам (ст. 12) [53].

Повышению действенности Европейской конвенции служит подробно прописанный в ней механизм приведения в исполнение судебных решений, включающий как добровольное, так и принудительное исполнение. В соответствии со статьей 20 Конвенции договаривающееся государство должно привести в исполнение судебное решение, вынесенное в отношении него судом другого договаривающегося государства. В пункте 2 этой

статьи указаны следующие случаи, когда государство не обязано приводить в исполнение иностранное судебное решение:

1) если исполнение решения вступило бы в явное противоречие с публичным порядком этого государства;

2) если разбирательство между теми же сторонами, основанное на тех же фактах:

а) не завершено в суде этого государства, первым начавшим судебное разбирательство;

б) не завершено в суде другого государства-участника Европейской конвенции, первым начавшим судебное разбирательство;

3) если не были соблюдены требования, предусмотренные статьей 16 о вручении судебных повесток, вследствие чего государство не явилось в суд или не прибегло к обжалованию судебного решения, вынесенного заочно [53].

Договаривающееся государство также не обязано приводить в исполнение решение иностранного суда в случаях:

1) если суды государства оказываются некомпетентными проводить судебное разбирательство вследствие нарушения правил компетенции, предусмотренными в Приложении к Конвенции;

2) если применен не надлежащий закон, что привело к результату, отличающемуся от того, который был бы получен при применении закона в соответствии с нормами международного частного права (п. 3 ст. 20).

Согласно статье 21 Конвенции, если договаривающееся государство не производит исполнение решения суда, то другая сторона может обратиться в компетентный суд данного государства с просьбой вынести решение о том, следует ли привести в исполнение судебное решение. В суд может обратиться также и государство, против которого вынесено судебное решение, если это допускает его законодательство. С этой целью каждое Договаривающееся государство назначает специальный суд или судью и информирует об этом Генерального секретаря Совета Европы при сдаче на хранение ратификационной грамоты или документа о присоединении.

Одновременно с Конвенцией был подписан Протокол, который предусматривает создание механизма по принудительному исполнению решения иностранного суда. В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Протокола, если государство не приводит в исполнение решение иностранного суда, сторона, в пользу которой вынесено судебное решение, вправе обратиться в компетентный суд этого государства, как это предусмотрено в статье 21 Конвенции, либо в Европейский суд, учреждаемый по специальной процедуре. В состав Европейского суда по вопросам иммунитета государства входят члены Европейского суда по правам человека. Возглавляет его Председатель Европейского суда (ст. 4). Для рассмотрения дел образуется Палата из 7 членов. Постановления Европейского суда являются окончательными и обязательными. Как отмечает Г.К. Дмитриева: «Конвенция приняла компромиссное решение: сохранив общее правило о невозможности

сти принудительного исполнения иностранного судебного решения, вынесенного против государства, она возложила международно-правовую обязанность на государство исполнить такое решение. В результате национально-правовой механизм исполнения решений иностранного суда был дополнен международно-правовым» [89, с. 242–243].

Глава IV Европейской конвенции имеет название «Факультативный режим» и содержит три статьи, которые в значительной степени расширяют сферу ее действия. В статье 24 содержится норма, позволяющая любому государству в момент подписания Конвенции или сдачи на хранение ратификационной грамоты или в любое дальнейшее время путем уведомления Генерального секретаря Совета Европы, объявить о том, что за исключением случаев, указанных в статьях с 1 по 13, его суды могут быть также компетентны в отношении иных судебных расследований, предпринятых против другого Договаривающегося государства. Однако такое заявление не может относиться к случаям, когда иностранное государство осуществляло публичную власть (*acta jure imperii*).

Немецкий юрист Х. Шак указывает, что Германия, воспользовавшись возможностью внесения оговорки на основании статьи 24, «оттеснила» иммунитет государства за пределы перечня, установленного статьями 1–13 Европейской конвенции [220, с. 70].

В статье 25 указано, что договаривающееся государство, сделавшее заявление, предусмотренное в статье 24, должно, за исключением случаев, предусмотренных в статьях с 1 по 13, привести в исполнение решение, вынесенное судом другого договаривающегося государства, сделавшего такое же заявление. В данном случае речь идет о том, что расширение пределов действия Европейской конвенции за рамки правоотношений, определенных в статьях с первой по тринадцатую, допустимо только на условиях взаимности.

Европейская конвенция 1972 года вступила в силу 11 июня 1976 года. В Конвенции в настоящее время участвуют Австрия, Бельгия, Великобритания, Кипр, Люксембург, Нидерланды, ФРГ, Швейцария [52]. Возникает вопрос, почему в Конвенции участвуют всего восемь государств из входящих 47 в Совет Европы, в рамках которого она разрабатывалась и принималась? На наш взгляд здесь играют роль два фактора: во-первых, европейские государства не желают брать на себя конкретные обязательства в вопросе иммунитета государства, поскольку любое из них может оказаться в роли ответчика в иностранном суде; во-вторых, после принятия Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года, участие в Европейской конвенции для ряда государств стало уже не актуальным.

Подводя итог, можно констатировать, что Европейская конвенция 1972 года значительно ограничивает иммунитет государства в гражданско-правовых отношениях. Об этом свидетельствуют статьи 1–13, где конкретно указаны правоотношения с участием государства, в которых ему не может быть предоставлен иммунитет. Помимо этого, каждое государство-

участник может расширить действие функционального иммунитета в отношении иностранных государств для своих судебных учреждений, сделав оговорку в соответствии со статьей 24 Конвенции.

Исходя из договорного характера Конвенции, в ней предусмотрено, прежде всего, добровольное исполнение решения иностранного суда государством, как это указано в статье 20. Однако если государство не пожелает добровольно исполнять решение, вынесенное в отношении его иностранным судом, в дело могут быть приведены юридические механизмы, роль которых выполняют компетентный суд самого государства либо Европейский суд, специально созданный в соответствии с Протоколом к Конвенции для приведения в исполнение решений иностранных судов в отношении государств.

Важность проблемы государственного иммунитета подтолкнула Генеральную ассамблею ООН принять 19 декабря 1977 года специальную резолюцию, которая рекомендовала Комиссии международного права ООН (КМП) включить в программу своей работы проблему иммунитетов государств и их собственности [148]. В течение длительного времени специальная рабочая группа комиссии вела работу по этой проблеме, обобщая опыт законодательной, судебной и международно-правовой практики в сфере иммунитетов государств. Работа комиссии проходила в сложных условиях, поскольку отчетливо выявились два противоположных подхода к данной проблеме: представители социалистических и некоторых развивающихся государств отстаивали позицию абсолютного иммунитета государства, в то время как большинство членов комиссии высказались за функциональный иммунитет государства. О сложности работы над Конвенцией свидетельствует тот факт, что в период с 1977 года по 2004 год Генеральная Ассамблея приняла восемь промежуточных резолюций, касающихся работы над проектом документа. Комиссия международного права представила первый проект Конвенции в декабре 1994 года, но он не удовлетворил Генеральную Ассамблею, которая в декабре 2000 учредила Специальный комитет для продолжения работы над проектом [149]. На основе доклада Специального комитета по юрисдикционным иммунитетам государств и их собственности, представленного на 59-й сессии Генеральной ассамблеи ООН 2 декабря 2004 года, была принята резолюция, которая предложила государствам стать участниками Конвенции Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности [122].

В соответствии со статьей 1 сферой применения Конвенции ООН 2004 года является иммунитет государства и его собственности от юрисдикции судов другого государства. Под судом понимается любой орган государства, независимо от названия, правомочный осуществлять функции правосудия. Конвенция не затрагивает привилегий и иммунитетов дипломатических представительств, консульских учреждений, специальных миссий, представительств при международных организациях, а также относящихся к ним лиц (п. 1 ст. 3).

В статье 5 определен главный базовый принцип Конвенции ООН 2004 года в сфере иммунитета государства: «Государство пользуется иммунитетом, в отношении себя и своей собственности, от юрисдикции судов другого государства с учетом положений настоящей Конвенции». Государство должно обеспечивать иммунитет государств, предусмотренный статьей 5, воздерживаясь от осуществления юрисдикции при разбирательстве в своих судах дел, возбужденных против другого государства, и с этой целью обеспечивает, чтобы его суды по своей собственной инициативе выносили решение о соблюдении иммунитета другого государства (п. 1 ст. 6).

Государство не может ссылаться на иммунитет, если оно явно выразило согласие на осуществление иностранным судом юрисдикции в силу:

- a) международного соглашения;
- b) письменного контракта;
- c) заявления в суде или письменного сообщения в рамках конкретного разбирательства (п. 1 ст. 7).

Государство также не может ссылаться на иммунитет, если оно:

- a) само возбудило разбирательство; или
- b) приняло участие в разбирательстве существа дела или предприняло иные действия по существу дела (п. 1 ст. 8).

Государство не рассматривается как согласившееся на осуществление юрисдикции судом другого государства, если оно вступает в разбирательство с единственной целью:

- a) сослаться на иммунитет; или
- b) привести доказательства своего права или интереса в отношении собственности, которой касается разбирательство (п. 2 ст. 8).

Явка представителя государства в суд другого государства для дачи свидетельских показаний, как и неучастие государства в разбирательстве, не должна рассматриваться как согласие на осуществление юрисдикции этим судом (п. 3, 4 ст. 8).

Государство, возбуждающее разбирательство в суде другого государства, не может ссылаться на иммунитет при предъявлении к нему встречного иска (п. 1 ст. 9) [122].

В целом, правовые ситуации, в которых иностранное государство не пользуется иммунитетом на основании Конвенции ООН, повторяют ситуации, перечисленные в Европейской конвенции. Особо следует выделить статью 10 Конвенции «Коммерческие сделки». В соответствии с пунктом 1 этой статьи: «Если государство заключает коммерческую сделку с иностранным физическим или юридическим лицом и, в силу применимых норм международного частного права, разногласия относительно этой коммерческой сделки подлежат юрисдикции суда другого государства, это государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции при разбирательстве дела, возникшего из этой коммерческой сделки». Как уже отмечалось, коммерческий характер сделки определяется на основании пунк-

та 2 статьи 2 Конвенции. Помимо этого в пункте 3 статьи 10 разрешен вопрос о разграничении иммунитета самого государства и государственного предприятия или другого образования, учрежденного государством и обладающего независимой правосубъектностью. В таком случае государственное предприятие или другое образование, участвующее в разбирательстве, которое связано с коммерческой сделкой, заключенной с его участием, иммунитетом государства не пользуется.

Конвенция ООН 2004 года исходит из принципа самостоятельности каждого из юрисдикционных иммунитетов государства, что вытекает из содержания статей 18 и 19, которые не допускают осуществления принудительных мер обеспечительного характера (ст. 18), а также принудительных мер после вынесения судебного решения (ст. 19). Обеспечительные меры принудительного характера в форме обращения взыскания или арест в отношении собственности государства могут быть приняты только в случае, если:

- 1) государство прямо согласилось на принятие таких мер:
 - а) в международном соглашении;
 - б) в арбитражном соглашении или письменном контракте;
 - в) в заявлении перед судом или в письменном сообщении после возникновения спора между сторонами;
- 2) государство зарезервировало или обозначило собственность для удовлетворения иска, являющегося объектом этого разбирательства (ст. 18).

Принудительные меры в форме обращения взыскания, арест либо исполнение решения в отношении собственности государства после вынесения судебного решения могут быть приняты в тех же случаях, что и при осуществлении обеспечительных мер (п. «а» и «б» ст. 19).

В статье 21 определены особые категории собственности государства, которые не рассматриваются как собственность, непосредственно используемая или предназначенная для использования государством в иных целях, чем государственные некоммерческие цели, в частности, это:

- «а) собственность, включая любой банковский счет, используемая или предназначенная для использования при исполнении функций дипломатического представительства государства или его консульских учреждений, специальных миссий, представительств при международных организациях или делегаций в органах международных организаций или на международных конференциях;
- б) собственность военного характера или используемая или предназначенная для использования при исполнении военных функций;
- с) собственность центрального банка или иного финансового органа государства;
- д) собственность, составляющая часть культурного наследия государства или часть архивов, не выставленная и не предназначенная для выставления на продажу;

е) собственность, составляющая часть экспозиции объектов, которые представляют научный, культурный или исторический интерес, и не выставленная или не предназначенная для выставления на продажу».

Для вступления в силу Конвенции ООН необходимо тридцать ратификационных грамот. В настоящее время сдали на хранение Генеральному секретарю свои ратификационные грамоты 16 государств, в числе которых: Австрия (2006), Португалия (2006), Румыния (2007), Иран (2008), Ливан (2008), Норвегия (2008), Швеция (2009), Швейцария (2010), Саудовская Аравия (2010), Япония (2010), Казахстан (2010), Франция (2011), Испания (2011), Италия (2013), Финляндия (2014), Латвия (2014) [122].

Логичным выглядит присоединение к Конвенции ООН в 2013 году Италии, поскольку в споре в Международном суде ООН с Германией она отстаивала необходимость ограничения иммунитета государства в случае предъявления к нему гражданского иска.

Представляется, что пассивность государств в вопросе ратификации Конвенции имеет вполне объяснимые причины. Конвенция ООН носит явно выраженный компромиссный характер по отношению к позициям сторонников и противников теории функционального иммунитета государств. Очевидно, что такой подход в итоге не устроил ни сторонников сохранения абсолютного иммунитета государств, ни приверженцев теории функционального иммунитета. Противники ограниченного иммунитета не согласны с тем, что государство вообще может подлежать юрисдикции иностранного суда. Сторонники функционального иммунитета в свою очередь недовольны тем, что Конвенция ООН сохраняет иммунитет государства от принудительных мер до вынесения судебного решения и после его вынесения, что превращает вынесенное судебное решение в формальность. Такая постановка вопроса не может удовлетворить государства, уже принявшие теорию ограниченного иммунитета или готовящиеся ее принять, поскольку их национальное законодательство, допуская юрисдикцию судов в отношении иностранного государства, предусматривает в этих случаях применение обеспечительных мер до вынесения судебного решения, а также принудительное исполнение судебного решения. Как отмечают отдельные российские авторы: «...несмотря на титанические и заслуживающие всяческого уважения усилия разработчиков Конвенции ООН, она не оставляет впечатление завершенности и, следует признать, не создает всеобъемлющего универсального регулирования. Многие ее положения могут по-разному трактоваться и пониматься государствами (на уровне законов) и их судами (на уровне судебной практики)» [189].

Основное различие между рассматриваемыми конвенциями проявляется в разных подходах к реализации обеспечительных мер в отношении государства и исполнению самого судебного решения. Несмотря на то, что Европейская конвенция была принята более чем на тридцать лет ранее Конвенции

ООН, она более последовательна в этом плане, поскольку содержит нормы по реализации обеспечительных мер и вынесенного судебного решения.

Таким образом, попытки проведения кодификации иммунитетов государства на европейском и мировом уровне пока не принесли желаемого результата – формированию единой позиции государств по вопросу иммунитета государства и его собственности. Очевидно, что в обозримой перспективе достичь всеобщего или хотя бы регионального единства по данной проблеме не представляется возможным. Однако, на наш взгляд, это не означает, что не следует предпринимать усилий по выходу на договорное регулирование иммунитета государства. Особенно важна единая позиция в данном вопросе для государств, находящихся в тесно интегрированных экономических образованиях.

2.5. Иммунитет государств-участников Евразийского экономического союза и возможность его кодификации

Относительная неудача кодификации иммунитета государства на мировом и европейском уровне не означает, что не следует предпринимать усилий по выходу на договорное регулирование иммунитета государства. Особенно важна единая позиция в данном вопросе для государств, находящихся в тесно интегрированных экономических образованиях. На постсоветском пространстве наиболее тесно интегрированным экономическим образованием является Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) в составе пяти государств: России, Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана. ЕАЭС вырос из Евразийского экономического сообщества, в рамках которого в ноябре 2003 года Бюро Межпарламентской Ассамблеи приняло постановление №13 «Об имплементации международных норм и принципов в сфере обеспечения иммунитета государства и его собственности в законодательстве государств-членов ЕврАзЭС». В постановлении Бюро Межпарламентской Ассамблеи были рекомендованы основные направления международного и национального нормативно-правового обеспечения согласованной межгосударственной политики, где под номером один было определено: разработать конвенцию об иммунитете государств-членов ЕврАзЭС [124].

За время существования ЕврАзЭС конвенция об иммунитете государства не была принята, а в октябре 2014 года организация прекратила существование. Сменивший ее Евразийский экономический союз, судя по учредительным документам, должен быть более тесным в экономическом плане интеграционным образованием. Представляется, что для государств-участников ЕАЭС было бы полезным иметь единую правовую позицию по вопросу иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом. Это может быть аргументировано тем обстоятельством, что по указанному вопросу национальное законодательство го-

сударств-участников различается, в чем некоторые специалисты видят непреодолимое препятствие в выработке единых подходов к иммунитету государства, а другие, к которым относится автор, основную причину необходимости поиска единого подхода в важном правовом вопросе. Цель принятия унифицированного договора – не допустить трений и столкновений государств в связи с нарушением их иммунитета. Для оценки перспектив принятия договора по вопросу регулирования иммунитета государств-участников ЕАЭС следует обратиться к их внутреннему законодательству.

В Гражданском кодексе Российской Федерации содержится статья 127 следующего содержания: «Особенности ответственности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, с участием иностранных юридических лиц, граждан и государств определяются законом об иммунитете государства и его собственности» [37, с. 5]. Для выполнения анонсированного в статье 127 ГК закона в Российской Федерации еще в 2004 году был разработан проект Федерального Закона «Об иммунитете иностранного государства и его собственности», который в марте того же года был внесен Правительством Российской Федерации на рассмотрение Государственной Думы.

Проект закона прошел первое чтение в Государственной Думе 11 марта 2004 года, но затем его дальнейшее рассмотрение было отложено, а 8 апреля 2011 года проект закона был отклонен и снят с дальнейшего рассмотрения. Однако после того как в Австрии и Франции по обращению бывших акционеров ЮКОСа была арестована собственность Российской Федерации [2], вопрос о принятии закона об иммунитете иностранного государства был поставлен вновь. О настоящей цели законопроекта вполне ясно высказался премьер-министр России Дмитрий Медведев на заседании Правительства РФ 23 июля 2015 года. По заявлению премьер-министра, принятие закона будет иметь следующие последствия: «Этот законопроект впервые предусматривает возможность ограничения судом Российской Федерации иммунитета иностранного государства на основе принципа взаимности, что особенно актуально на фоне тех, как правило, неправомерных действий, которые предпринимаются в отношении нашего государства и нашего государственного имущества в ряде других стран. Эти действия упомянутых государств, конечно, продиктованы не правом, а политическими соображениями. И наше государство должно иметь право вводить ответные ограничения, включая отказ от предоставления такому государству иммунитета от наших судебных решений, в том числе тех решений, которые связаны с обращением взыскания на имущество такого государства по решению суда в нашей стране» [32]. Обращает на себя внимание в заявлении премьер-министра мысль, что «действия упомянутых государств, продиктованы не правом, а политическими соображениями» и являются неправомерными. В комментарии, сопровождавшем официальную публикацию указанного Федерального закона в «Российской газете»,

утверждалось: «Новый закон даст нашему суду право ограничивать юрисдикционный иммунитет иностранного государства и его собственности на территории нашей страны «на принципах взаимности» [28]. Исходя из смысла заявления Д.А. Медведева и официального комментария Федеральному Закону, отрицать наличие политической составляющей в действиях российского законодателя невозможно.

Федеральное собрание России приняло Федеральный Закон «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» в конце октября 2015 года, Президент России подписал Закон 3 ноября 2015 года [123, с. 2].

В 18 статьях Федерального Закона почти полностью имплементирована Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года. Однако, на наш взгляд, практические возможности ограничения иммунитета иностранных государств российским правосудием представляются как маловероятные: государства, наложившие арест на российскую собственность (Бельгия, Франция), собственности (кроме предназначенной для внешних сношений, которая защищена дипломатическим иммунитетом) на территории России не имеют, в результате чего российским судам арестовывать просто нечего. Какие-либо ограничительные меры в России в отношении частных иностранных инвесторов, имеющих национальность государств, наложивших арест на российскую собственность, будет иметь совершенно нелегитимный характер и приведет к массовому бегству иностранных капиталов из страны. В то же время российскому государству принадлежат контрольные пакеты в компаниях «Роснефть», «Газпром», «Росатом», «Ростех» и др., зарубежные активы которых оказываются под угрозой, поскольку они рассматриваются западными судами как государственная собственность, и, следовательно, на них можно обращать взыскание по обязательствам государства.

Следует отметить, что над Россией по-прежнему висит угроза взыскания 50 млрд. долларов в пользу бывших акционеров ЮКОСа, присужденных решением Постоянной палаты третейского суда в июле 2014 года. В апреле 2016 года Окружной суд Гааги отменил названное решение [195], но спор между Россией и бывшими акционерами ЮКОСа еще далек от завершения: вердикт Окружного суда оспорен адвокатами акционеров в Апелляционном суде Гааги. Окончательную точку в этом деле, вероятно, поставит Верховный суд Голландии, куда обратится сторона, проигравшая в Апелляционном суде.

Не менее важное значение будет иметь решение суда округа Колумбия, где находится обращение бывших акционеров ЮКОСа об исполнении решения Гаагского арбитража на территории США (в настоящее время по просьбе заявителей рассмотрение обращения приостановлено). Российский МИД в связи с названным делом предупредил американскую сторону: «Любые попытки применения обеспечительных и исполнительных мер в отношении

находящегося на американской территории российского имущества будут рассматриваться РФ как основание принятия в отношении США, их граждан и юридических лиц адекватных и соразмерных действий» [3].

Непоследовательность позиции России в вопросе иммунитета государства проявилась в реакции российского МИДа, сделавшего следующее заявление по поводу преодоления Конгрессом США вето президента Б. Обамы на закон «Justice Against Sponsors of Terrorism Act»: «В Вашингтоне вновь продемонстрировали полное пренебрежение международным правом, узаконив возможность подачи исков в американские суды против государств, подозреваемых в поддержке терроризма. США, где многие политики слишком уверовали в собственную «исключительность», настойчиво продолжают линию на распространение своей юрисдикции на весь мир, не считаясь с понятием государственного суверенитета и обычным здравым смыслом» [26]. Однако в Конвенции ООН 2004 года (ст. 12) и в Федеральном Законе Российской Федерации от 3 ноября 2015 года (ст. 11) установлено, что иностранное государство не пользуется иммунитетом в случае причинения вреда. Так в чем же обвиняет внешнеполитическое ведомство России американскую сторону, если российский законодатель решил действовать в отношении иностранных государств точно таким же образом!?

Из всех участников ЕАЭС Конвенцию ООН 2004 года ратифицировал и передал ее на хранение депозитарию только Казахстан [60]. Однако позиция этой страны в вопросе иммунитета государства весьма своеобразна. В ранее действовавшем Гражданском процессуальном кодексе Казахстана, принятом в 1999 году, иммунитет иностранного государства регулировала норма, основанная на теории абсолютного иммунитета. Однако в результате подписания Республикой Казахстан Конвенции ООН в 2010 году была принята новая редакция ГПК, в которой в статье 428 установлено, что иностранное государство не пользуется в Республике Казахстан судебным иммунитетом, если оно осуществило деятельность иную, чем осуществление суверенной власти государства [41]. По смыслу приведенная статья соответствует теории функционального иммунитета. Но одновременно с изменениями в ГПК были внесены изменения и в Гражданский кодекс Республики Казахстан, где в статье 1102 был включен пункт 2 следующего содержания: «В гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом Республика Казахстан пользуется юрисдикционным иммунитетом в отношении себя и своей собственности от юрисдикции судов другого государства, включая судебный иммунитет, иммунитет от принятия обеспечительных мер и иммунитет от исполнения судебного решения, если иное не установлено:

- в международном договоре Республики Казахстан;
- в письменном соглашении, не являющемся международным договором Республики Казахстан;
- путем заявления в суде или письменного уведомления в рамках конкретного разбирательства» [36].

Из приведенного примера следует, что в отношении Республики Казахстан в гражданско-правовых отношениях будет действовать теория абсолютного иммунитета. Совершенно нелогичной и противоречащей законодательству и здравому смыслу назвал приведенную выше норму известный казахский юрист М. Сулейменов [198, с. 12].

В Республике Армения в статье 131 Гражданского кодекса установлено: «Особенности ответственности Республики Армения в отношениях, регулируемых гражданским законодательством и иными правовыми актами, с участием иностранных юридических лиц, граждан и государств, устанавливаются законом». Однако специального закона, регулирующего ответственность государства в гражданско-правовых отношениях, нет. В Гражданском процессуальном кодексе Республики Армения в пункте 1 статьи 245 положение иностранного государства определено следующим образом: «Предъявление в суд иска к иностранному государству, привлечение его в качестве третьего лица к участию в деле, наложение ареста на имущество, принадлежащее иностранному государству и находящееся на территории Республики Армения, и принятие по отношению к нему других мер по обеспечению иска, обращение взыскания на это имущество в порядке принудительного исполнения решения суда допускается лишь с согласия компетентных органов соответствующего государства, если иное не предусмотрено международными договорами Республики Армения» [40]. Как видно из формулировки приведенной статьи, армянский законодатель исходит из теории абсолютного иммунитета в отношении иностранного государства, но допускает возможность отступления от указанного принципа в международном договоре.

Аналогичное регулирование иммунитета иностранного государства содержится в законодательстве Республики Кыргызстан, где в статье 377 Гражданского процессуального кодекса предусмотрено предоставление иностранному государству абсолютного иммунитета, «если иное не предусмотрено законами или вступившими в установленном законом порядке в силу международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика».

Анализ законодательства Республики Беларусь по иммунитету государства в гражданско-правовых отношениях дан в разделе 4.7 главы 4.

Приведенное исследование иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях государств-участников ЕАЭС свидетельствует, что три государства (Республика Беларусь, Республика Армения и Республика Кыргызстан) в этом вопросе занимают позицию абсолютного иммунитета. Российская Федерация вынуждена была перейти к теории функционального иммунитета как средства принятия ответных мер на ограничение иммунитета России в западных странах. Казахстан занял двойственную позицию в вопросе иммунитета государства: ратифицировал Конвенцию 2004 года, но не допускает предъявления иска к себе, если это не предусмотрено международным договором или специальным заявлением в рамках конкретного

разбирательства. Оценивая ситуацию с иммунитетом государства в гражданско-правовых отношениях в государствах-участниках ЕАЭС, следует признать отсутствие единого подхода в этом важном для межгосударственных отношений вопросе. Для выработки единой позиции государствами-членами Евразийского экономического союза в связи с их участием в гражданско-правовых отношениях с иностранными субъектами целесообразно принять специальный договор об иммунитете государств и их собственности. Возражения такого порядка, что заключение договора невозможно, поскольку «Российская Федерация оформила участие в Конвенции ООН 1 декабря 2006 года, а Республика Казахстан – с 17 февраля 2010 года» неосновательны на следующим основаниям. Во-первых, Россия только подписала, но не ратифицировала Конвенцию ООН 2004 года, и вряд ли намерена это делать, поскольку главный «спасительный» аргумент для России в споре с акционерами ЮКОСа заключается в отсутствии ратификации Энергетической хартии (с чем согласился Окружной суд Гааги, отменив решение Постоянной палаты третейского суда в отношении России).

Во-вторых, Россия и Казахстан готовы предъявлять иски к иностранным государствам, но не допускают предъявления их в отношении себя, что закреплено казахским законодателем в Гражданском кодексе (ст. 1102) и вытекает из практики поведения и заявления МИД России в связи с принятием в США Закона JASTA.

В-третьих, согласно статье 26 Конвенции ООН 2004 года «Ничто в настоящей Конвенции не затрагивает прав и обязательств государств-участников по действующим международным соглашениям, которые связаны с вопросами, рассматриваемыми в настоящей Конвенции, в качестве сторон этих соглашений». Это означает, что участие в универсальной Конвенции по вопросу иммунитетов не препятствует членству государств в других международных соглашениях. В Европейской конвенции об иммунитете государств 1972 года содержится аналогичная по содержанию статьи 33: «Никакие положения настоящей Конвенции не наносят ущерба другим заключенным или подлежащим заключению международным соглашениям, в которых в конкретных областях рассматриваются вопросы, являющиеся предметом настоящей Конвенции».

В-четвертых, в соответствии с пунктом 3 статьи 1 Закона Российской Федерации от 3 ноября 2015 года его положения «подлежат применению, если Российская Федерация и иностранное государство не договорились об ином», то есть Закон не препятствует заключению иных соглашений с государствами по вопросам иммунитета.

Поэтому дискутировать о возможности или невозможности заключения договора можно очень долго, но предложение, что-то сделать или попытаться сделать для выработки единой позиции по сложному вопросу, выглядит более позитивным, чем заявлять: ничего не надо, все и так хорошо.

ГЛАВА 3. ФОРМЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА

3.1. Республика Беларусь и административно-территориальные единицы в гражданско-правовых отношениях: общие положения

В Гражданском кодексе БССР 1964 года вопрос участия государства в гражданско-правовых отношениях не регулировался [35]. БССР и ее административно-территориальные единицы, а также иностранное государство не указывались среди субъектов гражданских правоотношений. Уже в период суверенной истории Законом Республики Беларусь от 3 марта 1994 года из Гражданского кодекса была исключена глава 7 «Государственная собственность» [98]. Лишь на основании статьи 34 ГК БССР можно было сделать вывод о возможности участия государства в гражданско-правовых отношениях, поскольку в статье устанавливалось разграничение ответственности государства и государственных организаций по гражданско-правовым обязательствам.

В действующем Гражданском кодексе в первом абзаце пункта 3 статьи 1 участниками гражданских правоотношений определены: граждане Республики Беларусь, юридические лица Республики Беларусь, Республика Беларусь, административно-территориальные единицы Республики Беларусь. Во втором абзаце пункта 3 статьи 1 указано, что гражданское законодательство применяется к отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных и международных юридических лиц (организаций, не являющихся юридическими лицами), иностранных государств, их административно-территориальных (государственно-территориальных) образований, если иное не определено Конституцией Республики Беларусь, иными законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь [34].

В главе 5 Гражданского кодекса содержатся специальные нормы, касающиеся участия Республики Беларусь и административно-территориальных единиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством.

Из содержания данной статьи можно сделать три вывода:

- 1) государство и административно-территориальные единицы могут быть участниками гражданско-правовых отношений;
- 2) они не пользуются какими-либо преимуществами в названных правоотношениях;

3) в отношении Республики Беларусь и административно-территориальных единиц применяются те же нормы, что и в отношении юридических лиц.

В статье 125 ГК, имеющей название «Порядок участия Республики Беларусь и административно-территориальных единиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством», фактически разрешается только один вопрос – кто может представлять Республику Беларусь и административно-территориальные единицы в названных правоотношениях. Данный вопрос нами был исследован в главе 2.

Статья 126 ГК определяет ответственность по обязательствам Республики Беларусь и административно-территориальных единиц. Гражданско-правовая ответственность, согласно этой норме, носит строго индивидуальный характер: Республика Беларусь не отвечает по обязательствам административно-территориальных единиц, а последние, в свою очередь, не отвечают по обязательствам Республики Беларусь. Также не отвечает Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы по обязательствам созданных ими юридических лиц, если иное не установлено законодательными актами.

Статья 127 ГК регулирует ответственность Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц при их участии в гражданских правоотношениях с участием иностранных юридических лиц, граждан и государств. В частности, в этой статье говорится: «Особенности ответственности Республики Беларусь и административно-территориальных единиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, с участием иностранных юридических лиц, граждан и государств определяются законодательными актами». По содержанию приведенной нормы возникают два вопроса:

- 1) какие законодательные акты имеет в виду белорусский законодатель?
- 2) существуют ли такие законодательные акты?

Отвечая на первый вопрос, логично предположить, что в данном случае законодатель имеет в виду закон об иммунитете государства. Это предположение основано на следующих аргументах: во-первых, предположить какой-либо иной акт, когда речь идет о гражданско-правовой ответственности государства, невозможно. Во-вторых, в аналогичной по содержанию и совпадающей по нумерации статьи 127 ГК Российской Федерации (вместо формулировки белорусского ГК «определяется законодательными актами»), указано: «определяется законом об иммунитете государства» [37].

Анонсированные в статье 127 законодательные акты не приняты до настоящего времени, что дает основание говорить о наличии пробела в законодательстве. Необходимо подчеркнуть, что в указанной статье говорится об ответственности Республики Беларусь и административно-территориальных единиц, а не иностранного государства. В то же время в белорусском праве вносились предложения о принятии закона об иммуни-

тете только иностранного государства. В частности, такое предложение содержалось в кандидатской диссертации О.И. Кравченко, которая была защищена в 1998 году [75]. Также предлагал принять закон об иммунитете иностранного государства А.Ю. Корочкин [74, с. 91]. Однако на официальном уровне вопрос о принятии закона об иммунитете иностранного государства никогда в Республике Беларусь не ставился и не рассматривался.

Действующая в Республике Беларусь экономическая модель предполагает активное участие государства в разнообразных хозяйственных отношениях не только с национальными, но и иностранными юридическими и физическими лицами. Конкретными формами участия белорусского государства в указанных правоотношениях являются:

- получение государственных займов, предоставляемых частными субъектами, в частности банками и фондами. Согласно статье 53 Бюджетного кодекса Республики Беларусь (далее – БдК) долговые обязательства Республики Беларусь могут существовать в виде долговых обязательств по кредитам (займам), привлеченным от имени Республики Беларусь как заемщика от кредитных организаций, иностранных государств, международных организаций и иных нерезидентов Республики Беларусь, а также обязательствам по государственным ценным бумагам, выпущенным от имени Республики Беларусь [25]. Такая же норма содержится в Указе Президента Республики Беларусь от 18.04.2006 № 252 «Об утверждении Положения о внешних государственных займах (кредитах)» [131];

- предоставление гарантий Республикой Беларусь иностранным юридическим лицам по займам ее субъектов. В частности, статьи 60 и 68 БдК предусматривают возможность оформления гарантий Правительства Республики Беларусь по внешним займам, предоставляемым резидентам Республики Беларусь;

- проведение государством торговых сделок с иностранными субъектами. В соответствии со статьей 6 Закона «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» правом на осуществление внешнеторговой деятельности обладают все резиденты и нерезиденты Республики Беларусь, а также Республика Беларусь, ее административно-территориальные единицы в порядке и на условиях, установленных законодательством Республики Беларусь, международным и иностранным правом [101]. Указ Президента Республики Беларусь от 27.03.2008 № 178 «О порядке проведения контроля внешнеторговых операций» (далее – Указ № 178) также называет среди резидентов Республику Беларусь, ее административно-территориальные единицы, участвующие в отношениях, регулируемых валютным законодательством Республики Беларусь [113].

Для ведения внешнеполитической деятельности Республика Беларусь может приобретать или арендовать за рубежом земельные участки, заключать контракты на выполнение работ по строительству зданий для дипломатических представительств и консульских учреждений. В таких случаях от

имени Республики Беларусь сделки с иностранными частными субъектами заключает Министерство иностранных дел или дипломатические и консульские учреждения, аккредитованные в иностранных государствах.

Достаточно часто государство становится участником судебных разбирательств по поводу оспаривание его права собственности в отношении культурных ценностей. Проблема имеет давнюю историю: было проведено ряд процессов, на которых бывшие собственники национализированных в ходе революции произведений искусства пытались отсудить их у СССР. В результате перемещения культурных ценностей из Германии в СССР в 1945 году возникла проблема их правового положения. Нами был ранее исследован международно-правовой аспект перемещенных культурных ценностей. Вопрос о принадлежности указанных культурных ценностей решен в Федеральном Законе Российской Федерации от 18 апреля 1998 года № 64 ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» [105]. Следует отметить, что культурные ценности в Конвенции ООН 2004 года отнесены к особой категории собственности, которая не рассматривается как собственность, используемая или предназначенная для использования государством в иных целях, чем государственные некоммерческие цели (пп. d и e п. 1 ст. 21), что означает предоставление данному виду собственности юрисдикционных иммунитетов. В Федеральном законе Российской Федерации от 3 ноября 2016 года (пп. 3 и 4 ст. 16) содержится аналогичная норма, не допускающая принятия мер по обеспечению иска и исполнения решения суда в отношении культурных ценностей.

Также заслуживает внимания тот факт, что в августе 2014 года в рамках Совета Европы была принята Декларация о юрисдикционных иммунитетах в отношении культурных ценностей государств, которая установила, что никакие принудительные меры в отношении культурных ценностей, находящихся в собственности государств, недопустимы, кроме случаев явного согласия государств и только в отношении прямо поименованных объектов.

В итоге, можно констатировать, что культурные ценности, принадлежащие государству, получили надежную защиту от любых мер принудительного характера, связанных с его участием в гражданско-правовых отношениях.

При исследовании участия государства в гражданско-правовых отношениях государства чаще всего имеется в виду Республика Беларусь и без должного внимания остается участие в названных отношениях административно-территориальных единиц. В то же время у них также имеется возможность участия в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом.

В статье 117 Конституции Республики Беларусь определено: «Местное управление и самоуправление осуществляется гражданами через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы...». Система Советов в Республике Беларусь состоит из трех территориальных уровней: областного, базового и первичного и включает областные, город-

ские, районные, поселковые и сельские Советы. В статье 57 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении» обозначен широкий круг полномочий Советов и их исполнительных и распорядительных органов во внешнеэкономической деятельности. В частности, указанные органы в пределах своей компетенции правомочны:

1) заключать с иностранными гражданами, лицами без гражданства, иностранными и международными юридическими лицами (организациями, не являющимися юридическими лицами) договоры на реализацию и приобретение продукции;

2) участвовать совместно с иностранными гражданами, лицами без гражданства, иностранными и международными юридическими лицами (организациями, не являющимися юридическими лицами) в создании коммерческих и некоммерческих организаций на территории Республики Беларусь и за ее пределами;

3) принимать участие в проведении на коммерческой основе международных ярмарок, выставок и других мероприятий, а также в развитии рекламной деятельности;

4) организовывать приграничную торговлю.

Из наиболее реальных сфер участия административно-территориальных единиц в правоотношениях с иностранным элементом следует выделить инвестиционную деятельность (будет рассмотрена в разделе 4.3) и наследственные отношения. Что касается последних, то применительно к наследованию выморочного имущества, которое остается после иностранных граждан, согласно пункту 2 статьи 1039 ГК Республики Беларусь оно переходит в собственность административно-территориальной единицы по месту нахождения соответствующего имущества, входящего в состав наследства.

В Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года, принятой государствами-участниками СНГ в Минске, в статье 46 регулируется переход наследства к государству [66]. Новая редакция Конвенции, принятая в Кишиневе 7 октября 2002 года, также содержит статью 45 аналогичного содержания [67]. В обеих конвенциях предусмотрен раздел выморочного имущества между государствами: недвижимое имущество переходит к государству по месту его нахождения, движимое имущество – к государству гражданства наследодателя. Аналогичное регулирование предусмотрено и в двусторонних договорах о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенных Республикой Беларусь с Республикой Польша (ст. 43) [49], Латвийской Республикой (ст. 42) [47], Литовской Республикой (ст. 44) [48] и других договорах о правовой помощи.

Таким образом, Гражданским кодексом Республики Беларусь предусмотрено участие государства в гражданско-правовых отношениях на равных условиях с иными участниками этих отношений – юридическими и физическими лицами. При этом к Республике Беларусь и административ-

но-территориальным единицам применяются нормы, определяющие участие в гражданско-правовых отношениях юридических лиц, если иное не предусмотрено законодательством или особенностью государства как субъекта гражданско-правовых отношений. В статье 127 ГК предусмотрено принятие законодательных актов, которые должны определить особенности ответственности Республики Беларусь и административно-территориальных единиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, однако указанные в статье законодательные акты не приняты до настоящего времени, что свидетельствует о наличии правового пробела.

3.2. Республика Беларусь и административно-территориальные единицы как субъекты инвестиционных правоотношений

В первых нормативных актах по регулированию инвестиций, принятых еще в период существования БССР Законе «Об инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» [125] и Законе «Об иностранных инвестициях на территории Республики Беларусь» [127] законодатель не предусматривал для Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц непосредственного участия в привлечении иностранных инвестиций путем заключения договоров или выступления в качестве гарантов таких договоров. В статье 7 Закона Республики Беларусь «Об инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» заключение договоров (контрактов), выбор партнеров, определение обязательств и условий хозяйственных взаимоотношений объявлялись исключительной компетенцией субъектов инвестиционной деятельности. При этом вмешательство государственных органов и должностных лиц в осуществление договорных отношений между субъектами инвестиционной деятельности не допускалось. Однако жизненные реалии, необходимость зарубежных инвестиций для преодоления кризиса в экономике потребовали от государства непосредственного участия в заключении инвестиционных договоров. В результате в Инвестиционном кодексе Республики Беларусь, принятом 22 июня 2001 года появилась глава 10 «Инвестиционный договор с Республикой Беларусь», определившая условия и порядок заключения таких договоров [59]. В статье 44 ИК было установлена возможность заключения инвестиционных договоров в целях государственной поддержки при реализации отдельных инвестиционных проектов, имеющих важное значение для экономики Республики Беларусь. При этом имелись в виду инвестиционные договоры, которые заключались от имени Республики Беларусь. Следует обратить внимание на то, что заключение таких договоров не являлось обязательным, поскольку использовалась формулировка «может быть заключен договор». От имени Республики Беларусь договоры

могли заключать Правительство Республики Беларусь или уполномоченный им орган государственного управления либо государственной организации, подчиненной Правительству (ст. 45). Однако первый договор с иностранным инвестором от имени Республики Беларусь был заключен только через шесть лет в 2007 году. Дальнейшая практика заключения инвестиционных договоров пошла по направлению, когда фактически все договоры начали заключаться от имени Республики Беларусь. Этому поспособствовало расширение количества государственных органов, которые получили право на заключение договоров от имени государства. В разделе 2.3 главы 2 Декрета Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 года № 10 «О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» право заключения инвестиционных договоров от имени Республики Беларусь было предоставлено Минскому городскому и областным исполнительным комитетам [119]. Декретом Президента Республики Беларусь от 6 июня 2011 года № 4 «О внесении дополнений и изменений в Декрет Президента Республики Беларусь» такое же право было предоставлено Управлению делами Президента [99].

В целях реализации указанных Декретов Президента Республики Беларусь Советом Министров были приняты ряд постановлений, которые касались непосредственно инвестиционных договоров, заключенных от имени Республики Беларусь. Важнейшие из них – это постановление от 6 ноября 2009 года № 1449 [106] и постановление от 6 августа 2011 года № 4 [107]. Последним постановлением были утверждены прилагаемые к нему Положение о порядке заключения, изменения, прекращения инвестиционных договоров с Республикой Беларусь и Положение о порядке ведения Государственного реестра инвестиционных договоров с Республикой Беларусь.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 февраля 2012 года № 146 было утверждено Положение о досудебном урегулировании споров (разногласий), связанных с осуществлением инвестиций [132]. В Положении установлен порядок взаимодействия республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, областных (Минского городского) исполнительных комитетов по вопросам досудебного урегулирования споров (разногласий), возникших между инвесторами и Республикой Беларусь, связанных с осуществлением инвестиций. Процедура досудебного урегулирования споров предусмотрено в инвестиционных договорах, заключаемых от имени Республики Беларусь с иностранными инвесторами.

Динамика роста количества договоров с иностранными инвесторами, заключаемых от имени Республики Беларусь, отражает следующая таблица.

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
С нар. итогом	1	5	10	116	289	392	453	485	493

Как видно из приведенной таблицы, пик заключения договоров с иностранными инвесторами пришелся на 2010–2012 годы, когда заключалось более ста договоров в год. Безусловно, что решающая роль в этом процессе принадлежала указанным выше декретам Президента Республики Беларусь. Однако в последние три года идет явное снижение количества заключаемых договоров с иностранными инвесторами: в 2013 году был заключен 61 договор, в 2014 году – 32, в 2015 году только 8 договоров. Очевидно, с этим обстоятельством связано издание 12 ноября 2015 года Президентом Республики Беларусь Декрета № 8, который излагает в новой редакции Декрет от 6 августа 2009 года № 10 «О создании дополнительных условий для осуществления инвестиций в Республике Беларусь» [119]. Декрет вносит существенные изменения в действующее инвестиционное законодательство. Во-первых, инвестиционные договоры от имени Республики Беларусь будут заключаться только в приоритетных секторах экономики, определяемых Правительством. Во-вторых, изменяется порядок предоставления земельных участков для реализации инвестиционных проектов: без аукциона они будут предоставляться только из перечня участков, предназначенных для последующего предоставления инвесторам для строительства объектов, предусмотренных заключенными инвестиционными договорами. При наличии двух или более инвесторов, готовых реализовывать инвестиционный проект на конкретном земельном участке, будет проводиться конкурсный отбор. В-третьих, определен ряд дополнительных льгот и преференций для инвестора в виде освобождения от уплаты неустойки за нарушение условий инвестиционного договора, а также предоставления рассрочки уплаты этих платежей в зависимости от степени готовности объекта и объема вложенных инвестиций. В-четвертых, предусмотрены льготы для подрядчика, разработчика проектной документации, привлекаемых инвестором к работе над инвестиционным проектом. В-пятых, предусмотрено освобождение инвестора от возмещения полученных льгот и преференций и от уплаты неустойки в случае нарушения сроков и иных условий реализации инвестиционного проекта в связи с незаконными действиями должностных лиц государственного органа или исполкома, заключивших инвестиционный договор.

Приоритетные отрасли экономики для инвестиций, в которых будут подписываться инвестиционные договоры от имени Республики Беларусь, в настоящее время определены в постановлении Совета Министров Республики Беларусь № 372 от 12 мая 2016 года, где к ним отнесены следующие виды деятельности (секторы экономики):

- 1) в которых реализуются инвестиционные проекты: по решению Президента Республики Беларусь, – на период их реализации, указанный в таком решении; в рамках государственных, региональных и отраслевых программ, – на период реализации этих проектов;

2) включенные в перечень приоритетных видов деятельности (секторов экономики) согласно приложению к постановлению (содержит более ста позиций – В.Б.) [117].

В соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 12 ноября 2015 года №8 «О внесении изменений и дополнений в Декрет Президента Республики Беларусь» Совет Министров 19 июля 2016 года принял постановление №563, которым утвердил пять положений, касающихся порядка заключения и исполнения инвестиционных договоров:

– Положение о порядке заключения, изменения и прекращения инвестиционных договоров между инвестором (инвесторами) и Республикой Беларусь;

– Положение о конкурсе по выбору инвестора (инвесторов) для заключения инвестиционного договора между инвестором (инвесторами) и Республикой Беларусь;

– Положение о порядке ведения Государственного реестра инвестиционных договоров с Республикой Беларусь;

– Положение о порядке согласования перечня товаров (работ, услуг), имущественных прав, приобретенных на территории Республики Беларусь (ввезенных на территорию Республики Беларусь) и использованных для строительства, оснащения объектов, предусмотренных инвестиционным договором между инвестором (инвесторами) и Республикой Беларусь;

– Положение о порядке возмещения, освобождения от возмещения, предоставления рассрочки (отсрочки) возмещения Республике Беларусь и ее административно-территориальным единицам сумм льгот и (или) преференций, освобождения от уплаты, предоставления рассрочки (отсрочки) уплаты неустойки (штрафа, пени), предусмотренной инвестиционным договором между инвестором (инвесторами) и Республикой Беларусь [108].

В Положении о порядке заключения, изменения и прекращения инвестиционных договоров между инвестором (инвесторами) и Республикой Беларусь (далее – Положение) появились два новых требования, которые инвестор в заявлении о заключении инвестиционного договора должен указать:

1) сведения о месте размещения и площади земельного участка, включенного в перечень участков для реализации инвестиционных проектов, если он претендует на предоставление земельного участка для строительства объектов, предусмотренных в инвестиционном проекте;

2) об имеющемся опыте (при его наличии) реализации инвестором (инвесторами) и (или) организацией инвестиционных проектов, проектов государственно-частного партнерства, осуществления инвестиций на основе концессий на территории Беларуси и в иных странах [141].

Кроме этого, к заявлению о заключении инвестиционного договора инвестором прилагаются оформленные копии (без нотариального засвидетельствования) аудиторского заключения (для юридических лиц – резидентов РБ), или заключения по результатам проведения финансовой экс-

пертизы, или аудиторского заключения международного стандарта ISA 700 с переводом на белорусский или русский язык (для юридических лиц – нерезидентов РБ, иностранных организаций, не являющихся юридическими лицами) за два года, предшествующих дате регистрации заявления о заключении инвестиционного договора, а для инвестора (инвесторов), с даты создания которого прошло менее двух лет, – за весь период его деятельности.

Требования предоставления информации об опыте реализации инвестиционных проектов, а также сведений о финансовом состоянии субъектов, претендующих на заключение инвестиционных договоров с Республикой Беларусь, должны отсеивать псевдо-инвесторов, не имеющих ни опыта, ни финансовых возможностей для реализации заявленных проектов, что неоднократно уже имело место в практике заключения названных договоров. С обоснованность и необходимостью названных требований нельзя не согласиться.

Однако в Положении имеются требования к инвестору, некоторые из которых вызывают вопросы. Первым из семи необходимых документов в пункте 4 главы 2 Положения указан проект инвестиционного договора, подписанный инвестором (инвесторами), в том числе его электронная копия. На наш взгляд, требовать от инвестора проект инвестиционного договора, который он желает заключить с Республикой Беларусь, не совсем корректно по двум причинам: во-первых, главное действующее лицо, от которого зависит подписание договора, – это государственный орган или исполком и они должны предлагать условия работы инвестору; во-вторых, сторона, которая составляет договор, всегда ориентирована на собственные интересы, что она и записывает в условия договора. Здесь, конечно, может быть возражение такого рода, что окончательный текст договора будет в дальнейшем изменен, что, во-первых, еще не факт; во-вторых, если основным текстом будет текст, предложенный юристами государственного органа или исполкома, зачем требовать от инвестора проект договора, который инвестор просто не знает, как составить, и вынужден будет обращаться за помощью к нашим юристам? Вместо требования проекта договора от инвестора, следует выработать общегосударственный типовой договор для всех иностранных инвесторов, где будут предусмотрены основные условия, на основе которого заключать договоры со всеми инвесторами.

Также потенциальный инвестор обязан представить оформленные в соответствии с установленными законодательством требованиями копии (без нотариального засвидетельствования) документов, подтверждающих намерения инвестора (инвесторов) заключить инвестиционный договор. Во-первых, таких законодательных норм, устанавливающих названные требования, нет, во-вторых, возникает вопрос: разве заявление о заключении договора и другие документы недостаточно свидетельствуют о намерении инвестора заключить инвестиционный договор? Представляется, что проект инвестиционного договора и копии документов, подтверждающих намере-

ния инвестора заключить инвестиционный договор являются излишними требованиями и создают ненужные бюрократические сложности при заключении инвестиционных договоров от имени Республики Беларусь.

Декреты Президента и детализирующие их постановления Совета Министров не единственные источники регулирования инвестиций: 12 июля 2013 года были приняты новые законодательные акты, регулирующие инвестиционную деятельность: Закон Республики Беларусь «Об инвестициях» [126] и Закон Республики Беларусь «О концессиях» [104], в результате чего с 25 января 2014 года утратил силу Инвестиционный кодекс. В Законе «Об инвестициях» иностранные инвесторы не выделяются в правовом отношении, вследствие чего они могут создавать коммерческие организации и регистрироваться в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь для всех инвесторов, независимо от их национальной принадлежности (ст. 15). В то же время коммерческие организации с иностранным участием вправе использовать в своих наименованиях слова, указывающие на участие иностранного инвестора (инвесторов), до выхода последнего из них из состава участников коммерческой организации (ч. 2 ст. 21).

Согласно ст. 16 инвесторы при осуществлении инвестиций в приоритетные виды деятельности (секторы экономики) и в иных случаях, установленных законодательными актами и (или) международно-правовыми актами, обязательными для Республики Беларусь, вправе использовать льготы и преференции в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Вопрос заключения инвестиционных договоров регулируется статья 17 Закона «Об инвестициях», где в части первой установлено: «Инвестор имеет право на заключение договора (договоров) с Республикой Беларусь, связанного (связанных) с осуществлением инвестиций в порядке и на условиях, установленных законодательством Республики Беларусь». В части второй указанной статьи говорится: «В целях создания дополнительных условий для осуществления инвестиций инвестор или инвесторы имеют право на заключение инвестиционного договора с Республикой Беларусь». В связи с приведенными формулировками возникает вопрос: что имеется в виду под договором (договорами) с Республикой Беларусь, о котором (которых) говорится в части 1 названной статьи, и, главное, чем он (они) отличается от более известного инвестиционного договора с Республикой Беларусь? Следует отметить, что далее в статье 17 определен порядок заключения и содержания инвестиционного договора с Республикой Беларусь. На практике, никаких других договоров, кроме инвестиционных, с иностранными инвесторами не заключается, что дает основание, сделать вывод о необходимости редактирования статьи 17 Закона «Об инвестициях» путем исключения части 1, поскольку она не имеет реального предмета регулирования. В целом Закон «Об инвестициях» имеет отсылочный характер и почти не содержит прямых норм регулирования.

В отличие от Закона «Об инвестициях» Закон «О концессиях» содержит нормы прямого действия, что объясняется тем обстоятельством, что это единственный в белорусском законодательстве правовой акт, регулирующий концессионные правоотношения. В названном Законе предусмотрено заключение трех видов концессионных договоров: договор полной концессии, договор о разделе продукции и договор об оказании услуг. Согласно статье 12 Закона, полномочия заключать концессионные договоры от имени Республики Беларусь имеют республиканские органы государственного управления, иные государственные организации, подчиненные Правительству Республики Беларусь.

30 декабря 2015 года был принят Закон Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве», который вступил в силу 02.07.2016 года (далее – Закон о ГЧП) [102]. Данный Закон направлен на концентрацию материальных, финансовых интеллектуальных и иных ресурсов в целях развития объектов инфраструктуры. Он позволяет осуществлять государственно-частное партнерство практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Закон о ГЧП предусматривает, что государственными партнерами в рамках проектов ГЧП могут являться:

а) Республика Беларусь, от имени которой выступают уполномоченные Президентом Республики Беларусь государственный орган или иная государственная организация, уполномоченные Советом Министров Республики Беларусь республиканский орган государственного управления или иная государственная организация, подчиненные Совету Министров Республики Беларусь;

б) административно-территориальная единица, от имени которой выступает местный исполнительный и распорядительный орган (исполнительный комитет).

Частным партнером ГЧП могут являться:

а) юридическое лицо негосударственной формы собственности, включая и иностранное;

б) иностранная организация, не являющаяся юридическим лицом;

в) индивидуальный предприниматель [102].

Поскольку цель принятия Закона о ГЧП – привлечение дополнительных инвестиций в экономику страны, то названный Закон следует поставить в один ряд с Законом «Об инвестициях» и Законом «О концессиях».

Если заключение инвестиционного и концессионного договоров получило достаточно полное и обстоятельное правовое регулирование, то об их расторжении такого сказать нельзя. Закон «Об инвестициях» вообще не регулирует вопрос расторжения инвестиционного договора, заключенного от имени Республики Беларусь. В Декрете Президента Республики Беларусь №10 содержится подпункт 2.8 следующего содержания: «прекращение инвестиционного договора осуществляется путем принятия решения Советом Министров Республики Беларусь по согласованию с Президентом

Республики Беларусь или органом, исполкомом, принявшим решение о заключении инвестиционного договора». Введена эта норма Декретом № 8 от 12 ноября 2015 года и носит общий характер, закрепляя правило: в каком порядке был заключен договор, в таком он и должен быть прекращен. Очевидно, что прекращение инвестиционного договора, заключенного от имени Республики Беларусь, должно быть конкретизировано путем указания конкретных случаев. При этом за инвестором также должно быть признано право на отказ от договора по таким основаниям, как изменение его финансового положения, неполучение планируемой прибыли, изменение законодательства, ухудшившего его положение.

В Законе «О концессиях» прекращение договора получило более конкретное изложение путем указания конкретных случаев, к которым отнесены:

- 1) окончание срока действия договора;
- 2) ликвидация концессионера;
- 3) смерть концессионера – физического лица;
- 4) расторжение концессионного договора;
- 5) односторонний отказ Республики Беларусь от исполнения концессионного договора (ч. 3 ст. 34) [104].

Очевидно, что и концессионер, исходя из принципа равенства сторон в договоре, должен получить право одностороннего отказа от договора по тем же основания, которые выше были определены для инвестора.

Главная цель заключения договора государства с иностранным инвестором – повышение ответственности сторон за взятые в договоре обязательства, оказание помощи и содействия инвесторам со стороны государственных органов в реализации инвестиционного проекта, создание правовых условий для государственного контроля за деятельностью иностранных инвесторов в стране. Можно с уверенностью утверждать, что заключение инвестиционных и концессионных договоров в последнее десятилетие стало наиболее распространенной и важной сферой участия государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом. Однако в отношениях Республики Беларусь и иностранных инвесторов по вопросу выполнения договорных обязательств не обходится без проблем. Длительное время не может найти решение история с российским инвестором ИООО «Манוליум-процессинг», строившим по договору с Минским горисполкомом троллейбусное депо в Уручье, но не завершившим объект. Спор тянется уже давно и, скорее всего, завершится в международном арбитраже, где иск может быть предъявлен к Республике Беларусь.

Административно-территориальные единицы также являются субъектами инвестиционных правоотношений, что предусмотрено в законах «О концессиях», «Об инвестициях» и «О государственно-частном партнерстве».

Наиболее широкие возможности участия административно-территориальных единиц в работе с иностранными инвесторами содержатся в Законе «О концессиях». Уже в статье 1 Закона в качестве концедента определены Республика Беларусь или ее административно-территориальная единица, от имени которых выступают концессионные органы, заключившие концессионный договор с концессионером. В статье 3 содержится определение объектов концессии, к которым отнесены «объекты, составляющие в соответствии с Конституцией Республики Беларусь исключительную собственность государства (недра, воды, леса), объекты, находящиеся только в собственности государства, виды деятельности». Как следует из смысла статьи, под государством следует понимать Республику Беларусь и административно-территориальные единицы. На наш взгляд, виды деятельности, названные в статье, следовало бы конкретизировать путем указания на то, что они относятся к монополии государства. В статье 8 определены полномочия местных Советов депутатов, местных исполнительных и распорядительных органов в сфере концессий. Местные Советы депутатов обладают следующими полномочиями:

- определяют порядок формирования перечней по объектам концессии административно-территориальных единиц;
- утверждают перечни по объектам концессии административно-территориальных единиц, определяют по ним вид концессионного договора и способ выбора концессионера;
- определяют порядок определения стартового размера разового платежа по объектам концессии административно-территориальных единиц.

К полномочиям местных исполнительных и распорядительных органов в сфере концессий отнесены:

- обеспечение реализации единой государственной политики на территории административно-территориальной единицы в соответствии с Законом, иными актами законодательства;
- формирование перечней объектов концессии административно-территориальных единиц в порядке, установленном соответствующим местным Советом депутатов;
- выполнение функций концессионных органов при предоставлении в концессию объектов концессии административно-территориальных единиц;
- выполнение функций концессионных органов при предоставлении в концессию объектов концессии, сведения о которых составляют государственные секреты, и объектов концессии, имеющих стратегически важное значение для Республики Беларусь, в соответствии с решениями Президента Республики Беларусь.

В соответствии со статьей 12 Закона «О концессиях» концессионные органы административно-территориальных единиц заключают концессионные договоры от имени соответствующей административно-территориальной единицы. В ранее действовавшем Инвестиционном ко-

дексе в статье 50 содержалось следующее определение понятия концессии: «Под концессией понимается договор, заключаемый Республикой Беларусь с лицом, указанным в статье 52 настоящего Кодекса, о передаче на возмездной основе на определенный срок права на осуществление на территории Республики Беларусь отдельного вида деятельности, на которую распространяется исключительное право государства, либо права пользования имуществом, находящимся в собственности Республики Беларусь» [59]. Таким образом, ранее существовавшая норма, что концессионный договор – это договор, предметом которого являются объекты, находящиеся в исключительной собственности Республики Беларусь или виды деятельности, являющиеся монополией государства, уже не соответствует действительности, поскольку законодатель предоставил право заключать концессионные договоры местным Советам депутатов. Разовый платеж, вносимый концессионером при заключении договора с административно-территориальной единицей, также вносится в соответствующий местный бюджет, что призвано содействовать заинтересованности административно-территориальных единиц в предложении концессионных объектов и привлечении инвестиций.

В статье 36 Закона допускается возможность отказа от иммунитета государства в концессионных договорах. Названная статья почти полностью воспроизводит содержание статьи 75 Инвестиционного кодекса Республики Беларусь. Однако в Кодексе допускалась возможность заключения инвестиционного договора только от имени Республики Беларусь. В Законе концессионные договоры могут заключаться от имени Республики Беларусь и административно-территориальных единиц, что следует, на наш взгляд, отразить и при регулировании отказа от иммунитета государства, заменив термин «государство» на формулировку «Республика Беларусь или административно-территориальная единица». В связи с этим предлагается изложить статью 36 Закона «О концессиях» в следующей редакции: «В концессионных договорах, заключаемых с иностранными гражданами, лицами без гражданства, иностранными и международными юридическими лицами (организациями, не являющимися юридическими лицами) от имени Республики Беларусь или административно-территориальной единицы, может быть предусмотрен отказ от судебного иммунитета, иммунитета в отношении обеспечения иска и исполнения судебного постановления или арбитражного решения». Это позволит подчеркнуть, что административно-территориальные единицы также представляют в концессионных договорах государство.

В Законе «Об инвестициях» участие местных органов власти в инвестиционной деятельности регулируется только в статье 10, где роль местных исполнительных и распорядительных органов сводится к обеспечению реализации единой государственной политики в сфере инвестиций в пределах своей компетенции. В части 2 названной статьи на государственную организацию, уполномоченную на представление интересов Республики

Беларусь по вопросам привлечения инвестиций, возлагается обязанность обеспечить взаимодействие инвесторов с местными исполнительными и распорядительными органами. Можно сделать вывод, что в вопросе привлечения инвестиций в Законе «Об инвестициях» административно-территориальные единицы Беларуси лишены активной роли. Объяснением такой ситуации может служить то обстоятельство, что в Декрете Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 года № 10 «О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» в разделе 2.3 главы 2 право заключения инвестиционных договоров от имени Республики Беларусь было предоставлено Минскому городскому и областным исполнительным комитетам, чем они на практике и пользовались [119]. Однако и предоставление права местным исполнительным органам выступать от собственного имени в инвестиционных договорах, на наш взгляд, не противоречит Декрету Президента Республики Беларусь № 10. Представляется, что можно было бы дифференцировать заключение инвестиционных договоров в зависимости от объема предполагаемых вложений: договоры с объемом вложений более одного миллиона долларов заключаются от имени Республики Беларусь, договоры менее этой суммы – от имени административно-территориальной единицы.

В Законе «О государственно-частном партнерстве» государственными партнерами определены Республика Беларусь и административно-территориальная единица, от имени которой выступает местный исполнительный и распорядительный орган, заключившие соглашение о государственно-частном партнерстве (ст.1). В статье 13 определена компетенция местных исполнительных и распорядительных органов:

- обеспечивают реализацию единой государственной политики на территории административно-территориальной единицы в соответствии с настоящим Законом и иными актами законодательства Республики Беларусь;
- осуществляют подготовку, рассмотрение и оценку предложений о реализации проектов государственно-частного партнерства;
- рассматривают и согласовывают конкурсную документацию;
- участвуют в работе комиссии по проведению конкурса путем направления своих представителей;
- участвуют в государственно-частном партнерстве;
- осуществляют иные полномочия в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, настоящим Законом и иными актами законодательства Республики Беларусь [102].

Среди указанных полномочий отсутствует право административно-территориальной единицы на заключение соглашения с частным партнером.

В статье 24 Закона о ГЧП установлено, что соглашение о государственно-частном партнерстве заключается между уполномоченными государственным органом или организацией в сфере государственно-частного

партнерства и частным партнером. В то же время уровень уполномоченного государственного органа не определен.

В результате можно сделать вывод об отсутствии единства подхода законодателя в определении правосубъектности административно-территориальных единиц в законах «Об инвестициях», «О концессиях», «О государственно-частном партнерстве». В полном объеме административно-территориальные единицы наделены правосубъектностью в привлечении концессий. Ограничены возможности участия административно-территориальных единиц в государственно-частном партнерстве, поскольку в Законе о ГКЧ не говорится о возможности заключения ими соглашений о государственно-частном партнерстве. Практически не определена роль и полномочия административно-территориальных единиц в привлечении инвестиций от собственного имени в Законе «Об инвестициях».

Представляется, что позиция законодателя в отношении участия административно-территориальных единиц во всех видах инвестиционной деятельности должна быть единой. На наш взгляд, правильный и верный подход в отношении участия административно-территориальных единиц в инвестиционной деятельности установлен в Законе «О концессиях». В связи с этим в Законе «О государственно-частном партнерстве» следует расширить полномочия административно-территориальных единиц, предоставив им право на заключение соглашений о государственно-частном партнерстве, а в Закон «Об инвестициях» включить комплекс норм, которые предоставят административно-территориальным единицам право быть полноправными субъектами инвестиционных правоотношений.

Таким образом, заключение инвестиционных и концессионных договоров с иностранными инвесторами от имени Республики Беларусь ведет свое начало с 2007 года, и менее чем за десятилетие было заключено почти полтысячи таких договоров. В экономическом плане заключение указанных договоров превратилось в важную форму участия государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом. Решение о подписании договоров с иностранными инвесторами от имени Республики Беларусь только в приоритетных отраслях экономики, содержащиеся в Декрете Президента Республики Беларусь № 8 от 12 ноября 2015 года – это своевременная мера. Одновременно с этой мерой, на наш взгляд, следует предоставить право заключения инвестиционных договоров в отраслях экономики, не относящихся к приоритетным отраслям, административно-территориальным единицам. Анализ действующего национального законодательства в сфере инвестиционного регулирования выявил ряд противоречивых моментов и пробелов, что свидетельствует о необходимости его совершенствования. Конкретные предложения заключаются в следующем:

1) исключить часть 1 статьи 17 Закона «Об инвестициях» как не имеющую реального предмета регулирования;

2) исключить из пункта 4 главы 2 Положения о порядке заключения, изменения и прекращения инвестиционных договоров между инвестором (инвесторами) и Республикой Беларусь требования о предоставлении инвестором (инвесторами) проекта инвестиционного договора и его электронной копии, а также требования копии документов, подтверждающих намерения инвестора (инвесторов) заключить инвестиционный договор;

3) выработать общегосударственный типовой договор для всех иностранных инвесторов, где будут предусмотрены основные условия, на основе которого заключать договоры со всеми инвесторами;

4) конкретизировать порядок расторжения инвестиционных договоров, предусмотрев равенство прав инвестора на расторжение инвестиционного договора с государственными органами, выступающими от имени государства;

5) предоставить концессионеру, исходя из принципа равенства сторон в договоре, право одностороннего отказа от договора по таким основаниям, как изменение его финансового положения, изменения законодательства, ухудшившего его положение;

б) предоставить административно-территориальным единицам право заключать соглашения о государственно-частном партнерстве с частными партнерами;

б) включить в Закон «Об инвестициях» правовые нормы, предоставляющие право административно-территориальным единицам быть субъектами инвестиционных правоотношений.

3.3. Государство как субъект коммерческих отношений

Участие государства в коммерческих отношениях в качестве субъекта относится к малоизученному и сложному вопросу в международном частном праве. В учебной литературе только констатируется возможность участия государства в гражданских правоотношениях с иностранными юридическими и физическими лицами, в которых государство оказывается непосредственно вовлеченным в предпринимательскую деятельность. В то же время в названных правоотношениях с участием государства кроются определенные проблемы, вызванные, главным образом, особенностью экономической модели, которой следует государство. В странах с рыночной экономикой за государством, как правило, закреплены наиболее наукоемкие отрасли: авиакосмическая промышленность, ядерная энергетика, транспортная и информационная инфраструктура и другие капиталоемкие отрасли, являющиеся основными генераторами экономического роста. В ином положении находятся страны, долгое время следовавшие по пути развития плановой экономики, где государство являлось и остается главным собственником в сфере производства и вынуждено непосредственно быть

субъектом гражданских правоотношений. Как показывает практика, смена экономической модели, постановка цели перехода к рыночному регулированию не означает немедленного изменения роли и места государства в экономике, о чем свидетельствует и реалии Республики Беларусь. Различие в положении государств в экономической структуре явилось основой и разного отношения к правовому положению государства, владеющего коммерческим предприятием или имеющего в нем долю собственности более 50%, а именно: к возможности возложения ответственности на государство по обязательствам принадлежащих ему субъектов хозяйствования и возможности обращения в такой ситуации к иммунитету государства.

Вопрос взаимодействия государства и субъекта экономики, принадлежащего ему, впервые получил регулирование в Европейской конвенции об иммунитете государств 1972 года, в которой в статьях 6 и 7 было установлено, что договаривающееся государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции в суде другого Договаривающегося государства, если оно участвует в обществе, ассоциации или юридическом лице, имеет на территории другого государства бюро, агентство либо иное учреждение, через которое осуществляет промышленную, коммерческую или финансовую деятельность [53]. Для государств с рыночной экономикой содержание названных статей имело преимущественно номинальное значение в следствие их незначительной вовлеченности в экономические отношения. Следует также отметить, что в названной Конвенции, говорится об участии государства в юридических лицах на территории другого государства, но не рассматривается ситуация, когда юридическое лицо полностью принадлежит государству.

В этом отношении Закон США «Об иммунитете иностранных государств» 1976 года пошел дальше, поскольку в п.б) статьи 1603 раскрыто, что следует понимать под представительством или агентством иностранного государства: это «самостоятельное образование: 1) которое является самостоятельным юридическим лицом, корпорацией или другим юридическим лицом, и 2) которое является органом иностранного государства или его политического образованием или его основная часть акций или собственности принадлежит иностранному государству или его политическому образованию» [234, р. 60]. Из такого определения можно сделать вывод, под представительством или агентством иностранного государства понимается юридическое лицо, основная часть акций которого или собственности принадлежит государству или его политическому образованию. В данном случае можно говорить об отождествлении юридического лица, принадлежащего государству, непосредственно с самим государством. Возникает вопрос: зачем американскому законодателю понадобилось столь широкое толкование понятия «государство»? Представляется, что это потребовалось в целях создания возможности предъявления претензий по обязательствам коммерческих образований, принадлежащих государству, или представительств агентств государства не только к самим образованиям

или представительствам, но и непосредственно к государству. Решающую роль здесь сыграла практика отношений субъектов США с существовавшими в то время социалистическими и развивающимися странами, где экономическая модель хозяйствования характеризовалась полным или преобладающим господством государственной собственности. Примером может служить исковое требование, предъявленное в 1978 году нью-йоркским импресарио к СССР в связи с договором, который он заключил с Госконцертом [16, с. 78]. Толкование государства на основании пункта (в) статьи 1603 Закона США 1976 года позволило американскому суду рассматривать деятельность Госконцерта как деятельность Советского государства и на этом основании вынести решение в отношении СССР.

В практике американских судов были случаи, когда агентствами государства признавались и дочерние компании, если контрольный пакет акций материнской компании принадлежал иностранному государству. В 2001 году в деле «Dole Ford Company v. Patrickson» один из апелляционных судов США изменил практику, не признав израильскую компанию Dole Ford Company агентством государства. По указанному судебному решению потребовалось мнение Верховного Суда США, который подтвердил правильность существовавшего ранее прецедента, когда дочерние компании признавались агентствами государства, если их уставный капитал контролировался материнской компанией, полностью принадлежащей государству или государство владело в ней более 50% акций [224].

Из приведенных норм Закона США «Об иммунитете иностранных государств» 1976 года и основанных на них прецедентах следуют два вывода:

- 1) с точки зрения американского законодателя любое государственное предприятие или предприятие, где государству принадлежит большая часть собственности, считаются неотъемлемой частью государства;
- 2) за действия и обязательства государственного предприятия или предприятия с преобладанием государственной доли собственности ответственность несет, помимо самого предприятия, также и государство как его собственник.

Данный вопрос получил регулирование и в Конвенции ООН «О юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности» 2004 года, в которой в пункте 3 статьи 10 установлено: «Если государственное предприятие или другое образование, учрежденное государством, которое обладает независимой правосубъектностью и способно: а) предъявлять иск или являться ответчиком по иску, и б) приобретать имущество, иметь его в своей собственности или владеть и распоряжаться им, включая имущество, которое это государство передает в его пользование или под его управление, участвует в разбирательстве, которое связано с коммерческой сделкой, заключенной этим образованием, то иммунитет от юрисдикции, которым пользуется это государство, не затрагивается» [122].

Из смысла приведенного пункта следует, что в коммерческих сделках с участием государственных предприятий иммунитет государства не действует. В Приложении к Конвенции 2004 года дано дополнительное толкование пункта 3 статьи 10, где указывается, что названный пункт не предрешает вопросов о «проникновении за корпоративный занавес», а также ситуаций, в которых «государственное образование умышленно неверно представило свое финансовое положение или впоследствии снизило объем своих активов, с тем, чтобы избежать удовлетворения претензии, или иных связанных с этим вопросов». Безусловно, такое понимание взаимоотношений государства и принадлежащих ему юридических лиц не соответствует юридическим нормам, действующим в странах, где государству принадлежит большая часть или значительная доля собственности в экономике и действует принцип: государство не отвечает по обязательствам, созданных им или принадлежащих ему юридических лиц, а те, в свою очередь, не отвечают по обязательствам государства.

Следует отметить, Федеральный Закон Российской Федерации от 3 ноября 2015 года «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации», который в целом имплементирует Конвенцию ООН 2004 года, не распространяет понятие «государство» на предприятия, принадлежащие полностью или созданные с участием государства [123, с. 2]. Это объясняется, во-первых, тем, что в пункте 3 статьи 126 ГК Российской Федерации установлено: «Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования не отвечают по обязательствам созданных ими юридических лиц, кроме случаев, предусмотренных законом». Тем самым в российском праве, как и в белорусском, четко разграничены государство и созданные им юридические лица, и, в связи с этим, российский законодатель не пожелал принять западную доктрину, распространяющую понятие государство на иностранные государственные предприятия. Во-вторых, распространение понятие «государство» на иностранные государственные предприятия не актуально, поскольку таких предприятий в российской экономике просто нет, если не считать белорусские. В-третьих, такое признание могло означать косвенное признание правомерности претензий к российским предприятиям за рубежом по решениям, вынесенным против российского государства, поскольку уже на протяжении 20 лет (начиная с дела компании «Noga») российская собственность подвергается арестам в ряде европейских государств. В 2015 году собственность России была арестована во Франции и Бельгии, попытки ареста предпринимались в Германии, Нидерландах, Австрии, Великобритании и Индии. Их основанием стало решение Постоянной палаты третейского суда о взыскании с России 50 млрд. долларов, вынесенное 18 июля 2014 года [150]. Решение окружного суда Гааги, отменившего решение Постоянной палаты третейского суда 20 апреля 2016 года, не привело к снятию претен-

зий к России в европейских странах [195]. Бельгийский суд отказался снять арест с российской собственности в декабре 2016 года [193]. При этом угроза ареста активов возникла и для государственных предприятий [27]. В первую очередь, это может коснуться российских госкорпораций, в числе которых Внешэкономбанк, Росатом, Ростех, Роскосмос, Агентство по страхованию вкладов. Во Франции в 2015 году уже произошел прецедент, когда по заявлению акционеров ЮКОСа был наложен арест на финансовые активы Роскосмоса, который в дальнейшем был снят, когда адвокаты российской госкорпорации доказали в суде, что Роскосмос самостоятельное юридическое лицо, не несущее ответственность по обязательствам государства. Однако свои деньги Роскосмос не получил и до настоящего времени [153]. С учетом того факта, что дело ЮКОСа еще не завершено, реальная угроза для российских компаний с государственной собственностью быть привлеченными к ответу по обязательствам государства в европейских странах и США остается весьма реальной. Об этом свидетельствует и новый иск на 13 млрд. долларов, предъявленный люксембургской компанией Yukos Capital к России в Арбитражном суде Швейцарии [8].

Республика Беларусь также столкнулась с подобной проблемой в прецеденте с государственным ОАО «Интеграл» – производителем интегральных микросхем и полупроводниковых приборов, работавшим на рынке США. В 1996 году одна из компаний-партнеров подала иск против «Интеграла» в окружной суд штата Иллинойс [221]. В свою очередь, «Интеграл» предъявил два встречных иска. В результате судебного разбирательства было заключено соглашение между сторонами, оформленное судебным решением. Однако в декабре 1997 года партнер «Интеграла» вновь обратился в суд с жалобой на нарушение договора белорусской фирмой. Суд встал на сторону заявителя и обязал «Интеграл» уплатить 18,8 млн. долларов долга, а до его фактического выполнения назначил ежедневный штраф в размере 5000 долларов, который должна была выплачивать Республика Беларусь, поскольку судом было установлено, что «Интеграл» является предприятием с государственной формой собственности. Дело завершилось в 2007 году, когда суд апелляционной инстанции отменил решение окружного суда, которое касалось и суммы долга, и наложенного штрафа.

Таким образом, Конвенция ООН 2004 года, Закон США «Об иммунитете иностранных государств», а также судебная практика США и европейских государств понятие государства расширяют и на предприятия с государственной собственностью, проникая за «корпоративный занавес». Это означает, что государство может признаваться ответственным за действия коммерческих субъектов полностью или даже частично принадлежащих государству, и, наоборот, по обязательствам государства взыскание может обращаться на активы предприятий, принадлежащих государству.

Другой вид гражданско-правовых отношений с участием государства – это присутствие иностранных субъектов в уставных фондах государ-

ственных предприятиях. Именно в таком участии особенно заинтересованы государства с переходной экономикой, в том числе Республика Беларусь и Российская Федерация, поскольку вложения в уставные фонды предприятий представляют собой прямые иностранные инвестиции. Абстрагируясь от экономических проблем, отметим, что в Республике Беларусь объектами иностранных инвестиций становятся предприятия без ведомственной подчиненности и без прямого государственного участия в них. Как отмечает экономист К. Рудый, в 2015 году на организации с иностранным капиталом без ведомственной подчиненности пришлось 99,9% вкладов в уставные фонды совместных и иностранных предприятий [155, с. 10]. Объясняет такую ситуацию применение в экономике Беларуси института «золотой акции», имевшее место с 1997 по 2008 год. Указом Президента Республики Беларусь №144 от 4 марта 2008 года особое право государства на участие в управлении хозяйственными обществами было отменено, что мотивировалась созданием благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций в Республику Беларусь [116]. В 2012–2014 годах проблема усиления роли государства в управлении хозяйствующими субъектами обсуждалась вновь в связи с возникшей идеей назначения представителей государства в ОАО, в которых государству принадлежит менее 50% акций [84]. При этом предполагалось предоставить представителям государства в ОАО право выступать и от имени миноритарных акционеров, объединив их акции с государственной долей. Идея реанимирования «золотой акции» была подвергнута критике со стороны бизнес-сообщества и представителей экономического блока правительства и пока не реализована. Однако иностранные инвесторы хорошо осведомлены об особенностях управления предприятиями с государственным участием в нашей стране. Очевидно, что они проявляют вполне оправданную осторожность и не идут в те предприятия, где сохраняется доля государства. Следует признать, что их опасения не лишены основания. В качестве актуального примера можно привести дело «Мотовело». Мингорисполком владел всего одной акцией предприятия, но этого оказалось достаточно для назначения государственного представителя в наблюдательный совет, а затем утверждения его в качестве генерального директора. Основной инвестор ОАО «Мотовело», австрийская компания АТЭС Investment, в январе 2017 года оспорила это назначение в экономическом суде г. Минска [1]. Однако, после вынесения приговора районным судом 30 января 2017 года по делу «Мотовело», содержащего конфискацию акций инвестора в пользу государства, предмета спора уже как такового не существует.

Однако, реальной альтернативы привлечению прямых иностранных инвестиций (ПИИ) для развития экономики Беларуси нет. Как показывает опыт России, привлечение значительных инвестиций возможно и в условиях действующих западных санкций. Это продемонстрировала российская государственная корпорация «Роснефть», продавшая 19,5% акций на

сумму 10,5 млрд евро консорциуму катарского суверенного фонда и нефтяного трейдера Glencore [162, с. 1]. В результате этой сделки капитализация самой «Роснефти» выросла на 18%, что дало толчок для роста всех российских акций на ММВБ, в результате чего ее индекс достиг в декабре 2016 года нового исторического максимума [154, с. 1]. При этом контрольный пакет акций «Роснефти» остался в руках государства. Представляется, что Республике Беларусь также не следует бесконечно ожидать инвестора, который приобретет весь «Беларуськалий» или другие наши промышленные гиганты, а вывести их на IPO для определения рыночной стоимости акций, а далее предлагать отдельные пакеты акций иностранным инвесторам, сохраняя контрольный пакет в руках государства. Указ Президента от 3 марта 2016 года создал реальную возможность для белорусских предприятий проводить IPO посредством размещения депозитарных расписок в зарубежных странах, с помощью которых можно реализовывать акции предприятий на фондовых биржах зарубежных стран и, соответственно, решать две задачи: привлекать инвестиции для развития предприятий и определять рыночную стоимость акций [100]. К сожалению, приговор А. Муравьеву, вынесенный 30 января 2017 года, который содержит также конфискацию принадлежавших австрийской компании АТЭС Investment акций, на наш взгляд, может помешать привлечению в Беларусь значительных ПИИ в ближайшее время. Следует согласиться с мнением К. Рудого, утверждающего, что в целом в Беларуси сложилось потребительское отношение к инвестору [155, с. 11].

Республика Беларусь широко прибегает к выпуску ценных бумаг на внешнем рынке, приобретателями которых становятся юридические и физические лица, в том числе и иностранные. В 2017 году на внешнем рынке Республика Беларусь разместит евробонды на сумму 800 млн. долларов [167]. В связи с заимствованиями государства возникает вопрос: является ли деятельность государства по привлечению иностранных займов, в том числе и от иностранных юридических и физических лиц, действиями *jure imperii* или *jure gestionis*. Учитывая тот фактор, что размещение евробондов сопровождается выплатой процентов (в 2010–2011 годах они составляли около 20% в связи с кризисом и обвалом белорусского рубля), и на выпуске государственных облигаций государство не зарабатывает, а, наоборот, выплачивает высокие проценты иностранным приобретателям государственных обязательств, то такую деятельность следует признать публично-правовой. В силу этого государство может пользоваться иммунитетом в случае, если к нему будут предъявлены претензии в иностранном суде. В связи с необходимостью для государств заимствовать финансовые средства на внешних рынках посредством выпуска ценных бумаг, которые предназначены для приобретения иностранными юридическими и физическими лицами, возникает вопрос: посредством каких органов это более целесообразно делать – центральных банков или иных финансовых органов.

В государствах центральные банки обладают различным правовым статусом по национальному праву. Так в России Центральный банк официально не отнесен к государственным органам и выступает как особый публично-правовой институт, обладающий исключительным правом денежной эмиссии и организации денежного обращения [145]. В части 2 статьи 2 Федерального Закона «О Центральном банке Российской Федерации» установлено: «Государство не отвечает по обязательствам Банка России, а Банк России – по обязательствам государства, если они не приняли на себя такие обязательства или если иное не предусмотрено федеральными законами». Закон Азербайджанской Республики «О Центральном банке Азербайджанской Республики» определяет Центральный банк как государственный орган, но в то же время в статье 15 установлено, что Центральный банк не отвечает по обязательствам государства, а государство не отвечает по обязательствам Центрального банка [121].

Национальный банк Республики Беларусь, согласно пункту 1 Устава, является государственным органом, но он не отвечает по обязательствам Правительства Республики Беларусь, а Правительство не отвечает по обязательствам Национального банка, за исключением случаев, установленных законодательством (п. 20 Устава).

Таким образом, в правовых системах разных государств специально оговаривается самостоятельная ответственность государств и центральных банков. Следует отметить, что в Законе США 1976 года имуществу иностранного центрального банка или органу казначейства предоставлен иммунитет от наложения ареста и от исполнительного производства (п.б) ст. 1611). В Конвенции ООН 2004 года в статье 21 собственность центрального банка отнесена к особой категории собственности, которая не рассматривается «как собственность, непосредственно используемая или предназначенная для использования государством в иных целях, чем государственные некоммерческие цели». Это дает основание для признания иммунитетов центральных банков в иностранных государствах. Из этого следует, что для надежной гарантии от предъявления претензий в иностранном судах, размещение долговых государственных обязательств за рубежом следует производить от имени центрального банка страны. Представляется, что такая практика могла бы использоваться и в Республике Беларусь. В части 2 статьи 10 Бюджетного кодекса Республики Беларусь установлено: «Обслуживание внешних государственных займов, использованных на формирование валютных резервов Республики Беларусь, осуществляется Национальным банком Республики Беларусь» [25]. Все иные внешние заимствования осуществляются Министерством финансов Республики Беларусь. Учитывая тот факт, что Национальный банк будет пользоваться иммунитетом при осуществлении размещения государственных ценных бумаг на финансовых рынках, эти операции могли бы производиться только через него.

Таким образом, теория функционального иммунитета предполагает расширение понятия «государство» и на коммерческие образования, в которых государству принадлежит более 50% собственности. В результате такого подхода на государство может возлагаться ответственность по обязательствам коммерческих образований с преобладанием государственной собственности, а также возможна и обратная ситуация с возложением ответственности по обязательствам государства, как правило, установленной иностранным судебным или арбитражным решением на государственное коммерческое образование. Для Республики Беларусь, где собственность государства в производственной сфере составляет около 80%, это означает, что государственные предприятия должны быть предельно осторожны и осмотрительны в своих обязательствах в отношениях с западными иностранными партнерами, чтобы не создавать ситуации перенесения ответственности за неисполнение своих обязательств на государство. Данные выводы были изложены в Информационном письме, направленном в Министерство экономики Республики Беларусь. Получен положительный ответ с выражением благодарности за представленную информацию от Министерства экономики.

Также следует учитывать, что размещение государственных ценных бумаг за границей целесообразнее производить через Национальный банк, поскольку в этом случае они будут защищены иммунитетом государства как собственность, используемая в некоммерческих целях.

3.4. Ответственность государства за причинение вреда и ответственность за причинение ущерба государству

Вопрос об ответственности государства в случае причинения вреда иностранным физическим и юридическим лицам в литературе практически не исследовался. В недавно опубликованной в России монографии Ю.Н. Андреева «Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты» также данный вопрос не освещен [5]. В то же время, исходя из содержания статьи 1114 ГК Республики Беларусь к государству, в случае его участия в гражданско-правовых отношениях, правила Раздела VII применяются на общих основаниях, если иное не предусмотрено законодательством Республики Беларусь. Это означает, что ни иностранное, ни белорусское государство не могут быть освобождены от ответственности в случае причинения вреда физическим или юридическим лицам, если иное не предусмотрено законодательством Республики Беларусь.

Достаточно часто вопрос об ответственности государства возникает в связи деликтами, совершенными воинскими контингентами в других государствах или против иностранных граждан. Большой резонанс в свое время получила катастрофа на канатной дороге в Италии, которая произошла 3 февраля 1998 года на горнолыжном курорте в Доломитах. Пило-

ты корпуса морской пехоты США снизили свой самолет радиоэлектронной разведки ниже минимально разрешенной высоты полета, в результате чего самолет крылом перерезал трос канатной дороги [92].

В соответствии с Соглашением стран-участниц Североатлантического договора о правовом положении войск от 16 августа 1951 года уголовное преследование военных летчиков, нарушивших правила полета производилось в США, в ходе которого пилоты не понесли наказания. Материальное возмещение первоначально составило семьям погибших 65000 долларов на каждого погибшего как помощь итальянского правительства, возмещаемая правительством США. В мае 1999 года Конгресс США отклонил законопроект, который бы поставил 40 млн. долларов в компенсационный фонд жертв катастрофы. В декабре 1999 года итальянский парламент утвердил денежный компенсационный план для семей погибших, 1,9 млн долларов на погибшего. Руководство НАТО обязала правительство США выплатить 75% этой суммы, что было выполнено американской стороной.

Большой международный резонанс получила катастрофа лайнера Ту-154М российской авиакомпании «Сибирь», выполнявшего рейс по маршруту Тель-Авив – Новосибирск. Самолет был непреднамеренно сбит зенитной ракетой над Черным морем, потерявшей цель, выпущенной в ходе проводившихся на Крымском полуострове учений сил ПВО Украины [201]. Первоначально украинские военные полностью отрицали какую-либо причастность к катастрофе. Только под давлением неопровержимых доказательств, президент Украины Леонид Кучма признал ответственность Украины за инцидент и отправил в отставку министра обороны. Вопрос о компенсации за гибель пассажиров решался длительное время: в 2003 году Украина подписала с Россией и Израилем межправительственные соглашения о материальном возмещении родственникам погибших в авиакатастрофе. В соответствии с этими соглашениями Украина выплатила по 200000 долларов США за каждого погибшего – 7800000 долларов России и 7500000 долларов Израилю [201]. Согласно заключенным соглашениям, выплата компенсаций родственникам погибших в авиакатастрофе являлась добровольным шагом, то есть юридически ответственность за сбитый по ошибке самолет Украиной не была признана. ОАО «Авиакомпания Сибирь» в свою очередь подала иск в Хозяйственный суд Киева к Министерству обороны Украины и Государственному казначейству Украины о возмещении ущерба за утраченный самолет на общую сумму более 15000000 долларов. В 2011 году суд отклонил этот иск на основании заключения украинских экспертов из Киевского научно-исследовательского института судебных экспертиз (КНИИСЭ), которые признали, что самолет был поражен множеством твердых предметов размером около 10 мм, но не установили их принадлежность конкретному взрывному устройству [196]. Все апелляции российской компании на решение Хозяйственного суда Киева в вышестоящих украинских судах закончились безрезультатно.

Гражданско-правовая ответственность государства может наступать и в результате действий, которые наносят ущерб иностранным инвесторам. Наиболее известный прецедент был создан в результате ликвидации ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС». Европейский суд по правам человека 31 июля 2014 года в рамках дела «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» (ОАО Neftyanaya kompaniya YUKOS v. Russia, жалоба № 14902/04) присудил миноритарным акционерам ЮКОС'а 1,866,404,634 евро в качестве компенсации за допущенные в отношении компании нарушения прав собственности [142]. Решение ЕСПЧ вступило в силу 15 декабря 2014 года, но Россия отказалась от его исполнения. В непосредственной связи с названным решением, группа депутатов Государственной Думы Российской Федерации обратилась в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», а также о соответствии Конституции ряда национальных актов. 14 июля 2015 года было вынесено Постановление Конституционного Суда РФ об исполнении Постановлений ЕСПЧ. В Постановлении Конституционного Суда было определено: «Суд общей юрисдикции, арбитражный суд при пересмотре в установленном процессуальным законодательством порядке дела в связи с принятием Европейским Судом по правам человека постановления, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации, обращается с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности этого закона» [143]. Смысл приведенного определения сводится к тому, что Конституционный Суд Российской Федерации взял на себя функцию определять, соответствует ли постановления ЕСПЧ Конституции России. На основании вынесенного постановления 15 декабря 2016 года состоялось рассмотрение запроса Министерства юстиции РФ о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» [58]. Решение было оглашено 19 января 2017 года, в котором Конституционный суд счел невозможным для российских властей выплачивать бывшим акционерам ЮКОСа компенсацию в размере 1,8 млрд. евро, присужденную Европейским судом по правам человека за нарушение их прав на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство [144]. Из 19 судей Конституционного суда только два судьи: В. Ярославцев и К. Арановский не поддержали решение, изложив свое особое мнение. В частности, судья В. Ярославцев в особом мнении указал: «Полагаю, что Минюсту РФ не следует искать легких путей разре-

шения вопроса посредством обращения в Конституционный суд РФ, а необходимо продолжить диалог с межгосударственным органом – комитетом министров Совета Европы, используя механизм обращения в этот орган, предусмотренный статьей 46 Конвенции (Европейской конвенции прав человека и основных свобод 1950 г. – В.Б.)» [144].

Следует отметить, что Конституционный Суд России не является «первопроходцем» в непризнании решений международного суда. О приоритете конституционных норм было заявлено и в постановлении Конституционного Суда Итальянской Республики от 22 октября 2014 года № 238/2014 в связи с решением Международного Суда ООН по делу о юрисдикционных иммунитетах государств, в котором МС признал нарушение Италией иммунитетов Германии. В частности, Конституционный Суд Италии постановил, что решение международного судебного органа в случае конфликта с основными конституционными принципами итальянского права делает невозможным какое-либо его восприятие в контексте статьи 10 Конституции Итальянской Республики, которая в обычных условиях предусматривает автоматическую рецепцию международного права в национальную систему [232]. Таким образом, Конституционный Суд Италии не признал решения Международного Суда ООН, на основе его противоречия Конституции страны. В то же время в статье 27 Конвенции о праве международных договоров 1969 года установлено: «Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора».

Знаковое событие, способное повлиять на гражданско-правовую ответственность государств, произошло в США, где 28 сентября 2016 года Конгресс преодолел вето президента Б. Обамы, приняв закон «Правосудие против спонсоров терроризма» (Justice Against Sponsors of Terrorism Act, JASTA) [228]. Закон позволяет родственникам жертв терактов 11 сентября 2001 года подавать иски в суды США о возмещении ущерба государствами, финансирующими терроризм или оказывающими иную поддержку террористам. В Законе не говорится о конкретных странах, в отношении которых будет действовать закон. Однако первой протест заявила Саудовская Аравия, поскольку из 19 террористов, совершивших атаку на США 11 сентября 2001 года, 15 были подданными этой монархии. МИД королевства назвал преодоление Конгрессом вето президента Барака Обамы вызывающим серьезную обеспокоенность в связи с подрывом базового принципа суверенитета государства. В заявлении было указано: «Эрозия суверенного иммунитета будет иметь отрицательное влияние на все государства, включая сами Соединенные Штаты» [157]. Эти же аргументы приводил президент Б. Обама, накладывая вето на закон JASTA. По его мнению, Закон «вредит национальным интересам США» и не соответствует международному праву, поскольку ослабляет принцип иммунитета суверенных государств, который защищает их от судебных процессов. В ча-

стности, президент Б. Обама указывал на то, что в результате США придется иметь дело с многочисленными исками в связи с действиями американских войск в других странах, то есть что этот закон может быть использован против США [69]. Это чрезвычайно интересное заявление, которым администрация США политическую целесообразность ограничения иммунитета иностранного государства поставила выше, чем правовые нормы, установленные в ее законодательстве. Следует отметить, что в соответствии со статьей 1605А Закона «Об иммунитете иностранных государств» 1976 года допускались иски против иностранных государств, признанных виновными в поддержке террористической деятельности, но это зависело от признания Государственным департаментом вины иностранного государства [234]. При этом согласно статье 1605В Закона 1976 года, ущерб, являющийся основанием иска, должен быть причинен в Соединенных Штатах. После принятия закона JASTA судам уже не надо обращаться в Государственный департамент относительно его мнения о причастности иностранного государства к террористической деятельности.

Вопрос об ответственности государства в случае причинения ущерба личности или собственности регулируется в статье 12 Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года. В названной статье установлено: «Если соответствующие государства не договорились об ином, государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции при разбирательстве в суде другого государства, который обычно обладает компетенцией рассматривать дела, касающиеся денежного возмещения в случае смерти или причинения телесного повреждения какому-либо лицу или нанесения ущерба имуществу или его утраты в результате действия или бездействия, которое предположительно может быть присвоено государству, если такое действие или бездействие имело место полностью или частично на территории этого другого государства и если автор действия или бездействия находился на этой территории в момент этого действия или бездействия» [122]. Исходя из содержания статьи, государство-участник Конвенции ООН 2004 года не может ссылаться на иммунитет в случае причинения ущерба на территории другого государства. В связи с этим, не совсем понятным выглядит заявление МИД Саудовской Аравии в связи с принятием закона JASTA об «эрозии суверенного иммунитета», поскольку королевство 1 сентября 2010 года присоединилось к Конвенции ООН 2004 года [122]. Очевидно, здесь имеет место ситуация, когда государство, становясь участником Конвенции ООН 2004 года, предполагает, что ее нормы предоставят возможность предъявлять иски к другим государствам, в то время, как возможность быть ответчиком по иску им совершенно не принимается во внимание. Это достаточно странная логика применительно к договорным нормам международного права. Российский МИД, как уже отмечалось, также не упустил

возможность в связи с принятием закона JASTA упрекнуть США в распространении юрисдикции на весь мир [26].

В Европейской конвенции об иммунитете государств 1972 года содержится статья 11, в которой также договаривающемуся государству не предоставляется иммунитет от юрисдикции в суде другого договаривающегося государства, если судебное разбирательство касается возмещения за телесное повреждение или материальный ущерб [53].

В праве отдельных государств применяются иски к физическим и юридическим лицам за причинения ущерба государству нематериального характера. Так в США предъявлен иск бывшему американскому велогонщику Л. Армстронгу в связи с его признанием в употреблении допинга [12]. Основанием иска послужило получение командой, за которую выступал Армстронг, спонсорской помощи от почтовой службы США, принадлежащей государству. Сторона обвинения утверждает, что имя гонщика вместе с командой US Postal упоминалось в негативном контексте в прессе около 1,5 млрд раз, что нанесло ущерб престижу государства, который должен быть возмещен. В названном деле фигурирует сумма в 100 млн долларов, которые США намерены взыскать с велогонщика.

Республике Беларусь также сталкивается в области спорта с ситуациями, когда ее международному престижу наносится ущерб со стороны юридических и физических лиц. Следует напомнить, что 15 июля 2016 года Международная федерация гребли на байдарках и каноэ (ICF) ввела одностороннюю дисквалификацию в отношении белорусской мужской команды по гребле на байдарках и каноэ на участие во всех международных соревнованиях, в том числе в Олимпийских играх 2016 года. Дело о дисквалификации белорусских гребцов было рассмотрено Международным спортивным арбитражным судом (CAS) в Лозанне, который 23 января 2017 года вынес решение, в котором утверждалось, что не было никаких оснований для поддержки ICF введения однолетнего запрета на участие в соревнованиях нашей команды гребцов [158]. Наши спортивные чиновники заявляют, что они будут предъявлять иск к Международной федерации гребли на байдарках и каноэ и при этом называется сумма 80 тысяч долларов, которая составляет возмещение судебных издержек за рассмотрение дела в CAS. Представляется, более правильным решением явится предъявления иска к ICF от имени Республики Беларусь за нанесение ущерба государству. Иск следует подавать в Швейцарии по месту нахождения штаб-квартиры ICF в общегражданский суд. Сумму ущерба следует определять исходя из затрат государства, выделенных на подготовку команды, умноженную на три. Подобным образом поступили представители США при определении размера ущерба, предъявленного Л. Армстронгу.

Предложения, касающиеся предъявления иска к Международной федерации гребли на байдарках и каноэ (ICF) от имени Республики Беларусь были направлены в Национальный олимпийский комитет Республики Бе-

ларусь. Получен ответ из НОК, где выражается благодарность за предложения, которые приняты к сведению.

Для создания правовой основы, предъявления исков по возмещению ущерба государству, предлагается включить в Гражданский кодекс специальную статью 15 (прим) «Возмещения ущерба, причиненного престижу государства на международном уровне» следующего содержания: «В случае совершения действий, негативно влияющих на позитивный имидж Республики Беларусь в мире и причинивших ущерб престижу государства на международном уровне, виновным может быть предъявлен иск о материальном возмещении ущерба от имени Республики Беларусь».

Данная статья могла бы стать правовой основой для борьбы с допингом, поскольку в настоящее время нет действенных средств воздействия на государственном уровне на спортсменов и тренеров, прибегающих к допингу и тем самым наносящих ущерб престижу государства на международной арене.

В итоге можно констатировать, Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года и Европейская конвенция об иммунитете государств 1972 года, а также принятые на их основе национальные законы отдельных государств не допускают обращения к иммунитету государства в случае предъявления исков, основаниями которых является причинение вреда личности или ущерба собственности. Однако практика взыскания ущерба с государств, виновных в причинении вреда личности или материального ущерба, оказывается весьма противоречивой, особенно если речь идет о значительных компенсациях. Как следует из рассмотренных прецедентов, государства выплачивают компенсации, если их вина бесспорна и речь идет об относительно небольших суммах. В случаях, когда государства оказываются перед перспективой предъявления к ним значительных сумм, они незамедлительно апеллируют к государственному иммунитету, несмотря на свои международные обязательства. В качестве примера служат Германия – участник Европейской конвенции об иммунитетах государств 1972 года и Саудовская Аравия – участник Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. Такое поведение можно, очевидно, объяснить тем обстоятельством, что присоединяясь к международным конвенциям, не допускающим обращение к иммунитету в случае причинения вреда, государства рассчитывают, что они будут выступать только в роли истцов, но не ответчиков. Принятие в США Закона «Правосудие против спонсоров терроризма» (Justice Against Sponsors of Terrorism Act, JASTA) может обострить проблему ответственности государств за причинение вреда в связи с неоднозначностью их позиций в этом вопросе.

Особое внимание привлекают прецеденты, созданные решениями конституционных судов Италии и России. Это совершенно новое явление в международном праве, когда высшие конституционные органы государств

своими постановлениями фактически заблокировали выполнение решений международных судов на основании их противоречия конституции. Какими бы аргументами подобные действия не мотивировались – это нарушение международных обязательств, связанных с участием указанных государств в организациях, которые представляют Международный Суд ООН и Европейский суд по правам человека. Постановления конституционных судов Италии и России внесли «революционные» изменения в практику исполнения решений международных судов, которые могут быть распространены и на исполнение решений иностранных судов в отношении государств.

Актуальным для Республики Беларусь является и вопрос о правовой защите престижа государства на международном уровне. Для закрепления правовой основы предъявления исков по возмещению ущерба государству, предлагается включить в Гражданский кодекс специальную статью 15 (прим) «Возмещения ущерба, причиненного престижу государства на международном уровне».

3.5. Государство как участник отношений интеллектуальной собственности

В советское время социалистическое государство выступало не только в качестве публичного регулятора правоотношений в сфере интеллектуальной собственности, но и непосредственно являлось правообладателем исключительных прав, что было связано с особой ролью советского государств в экономической и социальной сфере социалистического общества. Это проявлялось как в сфере авторского права, где авторам не позволялось заключать договоры на издание их произведений за рубежом, так и в сфере промышленной собственности, где существовала практика выдачи авторам свидетельств вместо патентов. В результате смены экономической модели развития, Республика Беларусь не восприняла от БССР функцию правообладателя интеллектуальной собственности.

В то же время в ряде государств мира государство непосредственно участвует в правоотношениях интеллектуальной собственности в качестве правообладателя. Примером может служить Российская Федерация, которая является субъектом исключительных прав, хотя по ее участию в отношениях интеллектуальной собственности высказывались разные мнения специалистов [160, с. 1–20]. С вступлением в силу с 1 января 2008 года четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации, в которой появилась статья 1337, закрепившая за государством функцию правообладателя в сфере промышленной собственности, дискуссия на эту тему в России была завершена.

Если обратиться к сфере авторского права советского времени, то в БССР, согласно статье 496 Гражданского кодекса 1964 года, был возможен

принудительный выкуп государством авторского права у автора или его наследников на издание, публичное исполнение и иное использование произведения [35]. Выкуп должен был производиться по особому в каждом отдельном случае постановлению Совета Министров Республики Беларусь. В соответствие со статьей 497 ГК 1964 года возможно было также объявление Советом Министров произведения, в отношении которого истек срок охраны авторского права, достоянием государства. Содержание приведенных статей свидетельствует, что в Республике Беларусь до 1 июля 1998 года государство являлось правообладателем в сфере авторского права.

Ныне действующий Гражданский кодекс Республики Беларусь, а также Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 года не регулируют участие Республики Беларусь в качестве субъекта авторского права. Безусловно, государство не может быть создателем произведений, но обладателем имущественных прав, на наш взгляд, оно могло бы являться. Следует назвать некоторые сферы авторского права, где государство могло бы закрепить за собой имущественные права на объекты авторского права: это художественные и документальные фильмы, созданные на государственные средства и по государственному заказу, а также архитектурные проекты общественных зданий, что гарантировало бы сохранения уникальности и единичности названных сооружений. В Гражданском кодексе 1964 года существовала статья 510, регулировавшая порядок использования выполненных по заказам архитектурных, инженерных и иных технических планов, согласно которой правообладателем указанных планов являлся заказчик. Государство могло бы быть также наследником имущественных прав авторов, которые согласились бы передавать эти права при получении гарантии на издание своих произведений после их смерти. Следует предусмотреть и такие правоотношения, как прижизненная передача автором, не имеющим возможности издания своего произведения, имущественных прав государству в обмен на его издание. Также в белорусском законодательстве остается не урегулированным вопрос о наследовании имущественных прав авторов и исполнителей, если нет наследников ни по завещанию, ни по закону. Представляется, что в этом случае также возможен был бы переход имущественных авторских и смежных прав к государству.

Все это не означает возвращения к советской практике, когда государство было монополистом в сфере авторского права и авторы не имели возможности самостоятельного заключения договоров с зарубежными издательствами и вынуждены были передавать авторские права Всесоюзному агентству по авторским правам (ВААП), созданному в 1973 году. Свобода заключения белорусскими авторами договоров с белорусскими и зарубежными издательствами должна сохраняться в полном объеме. В то же время и само государство могло бы заказывать создание литературных произведений, альбомов, художественных буклетов, рассказывающих об

архитектурных и исторических достопримечательностях, природе, жизни и достижениях нашей страны, и как обладатель имущественных прав на такие произведения, заключать договоры с зарубежными издательствами на издание литературы, создающей положительный имидж нашего государства за рубежом. Непосредственно функцию правообладателя и распорядителя имущественными правами в сфере авторского права Республики Беларусь могло бы исполнять Министерство культуры.

Следует отметить, что фактически Министерство культуры занимается приобретением для государственных нужд различных произведений культуры. Так в соответствии с подпунктом 5.18 пункта 5 Положения о Министерстве культуры Республики Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 октября 2001 года № 1558, оно «... приобретает для государственных организаций культуры произведения драматического, музыкального, хореографического, циркового, изобразительного, монументального, декоративно-прикладного, дизайнерского искусства и литературы, кино-фотодизайна. Также Министерство культуры выступает в роли заказчика «на создание произведений драматического, музыкального, изобразительного, декоративно-прикладного и монументального искусства (пп.5.18 п.5 Положения). Возникает вопрос: кому принадлежит приобретенное Министерством культуры на государственные средства произведение? Очевидно, что оно принадлежит государству, но почему об этом нельзя сказать прямо? С позиции международного права здесь нет препятствий, поскольку в соответствии с содержанием п.а) статьи 14 Конвенции ООН 2004 года, государство может быть обладателем «авторского права или любой другой формы интеллектуальной или промышленной собственности, пользующейся правовой защитой...».

На основании изложенного предлагается дополнить главу 61 ГК «Авторское право и смежные права» и Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 года следующей статьей №№ «1. Имущественные права на объекты авторского права и смежных прав, созданные на основании договора по заказу государства и на его средства принадлежат Республике Беларусь.

2. Республике Беларусь принадлежат имущественные права авторов и исполнителей, переданные авторами и исполнителями на условиях издания или демонстрации их произведений или в порядке наследования».

В сфере промышленной собственности в советское время государство также выполняло особую роль. Как отмечает академик П.Г. Никитенко: «В СССР, где практически вся интеллектуальная собственность принадлежала государству, существовал механизм, обеспечивающий за счет государства зарубежное патентование изобретений, проведение маркетинга и продажу лицензий» [96, с. 11].

Ситуация коренным образом изменилась с прекращением существования СССР. Переход к рыночной экономике привел к полному отказу го-

сударства от выполнения частнопроводных функций в виде обладания правами на объекты промышленной собственности. Характерно, что в России при проведении приватизации государственных предприятий путем залоговых аукционов, стоимость объектов интеллектуальной собственности не учитывалась. Как отмечает И.С. Мухамедшин: «В результате значительная часть инноваций в составе приватизированного имущества безвозмездно перешла в распоряжение частного сектора» [93, с. 61]. Однако уже в конце 90-ых годов российское государство вернулось в сферу промышленной собственности в качестве субъекта правоотношений в результате реализации постановлений Правительства Российской Федерации от 29 сентября 1998 года № 1132 «О первоочередных мерах по правовой защите интересов государства в процессе экономического и гражданского оборота результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения [110] и постановления от 2 сентября 1999 года № 982 «Об использовании результатов научно-технической деятельности» [128]. Согласно постановлению №1132 было создано Федеральное агентство по правовой защите результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения (ФАПРИД) при Министерстве юстиции РФ. В соответствии с пунктом 13 Устава ФАПРИД решает следующие задачи:

1) ведение единого реестра результатов интеллектуальной деятельности, содержащего данные о результатах интеллектуальной деятельности, передаваемых иностранным заказчикам и используемых для целей, не связанных с государственными нуждами;

2) организация учета результатов интеллектуальной деятельности, вовлекаемых в экономический и гражданско-правовой оборот;

3) обеспечение правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат Российской Федерации, в том числе получение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности в Российской Федерации и за рубежом;

4) подготовка проектов решений Министерства юстиции Российской Федерации об ограничении доступа к сведениям, относящимся к результатам интеллектуальной деятельности;

5) подготовка и заключение по согласованию с государственными заказчиками гражданско-правовых договоров с исполнителями научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения о сохранении конфиденциальности сведений, относящихся к результатам интеллектуальной деятельности;

6) подготовка и заключение по согласованию с государственными заказчиками лицензионных договоров с заинтересованными лицами для вовлечения результатов интеллектуальной деятельности в экономический и гражданско-правовой оборот;

7) осуществление по согласованию с государственными заказчиками распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности, вовлекаемые в экономический и гражданско-правовой оборот [134].

При кодификации интеллектуальной собственности, осуществленной в части четвертой ГК Российской Федерации, вступившей в силу с 01.01.2008, участие российского государства, его субъектов в отношениях промышленной собственности получило регулирование в статье 1337 «Изобретение, полезная модель, промышленный образец, созданные при выполнении работ по государственному или муниципальному контракту». В частности, в пункте 2 названной статьи установлено: «Если в соответствии с государственным или муниципальным контрактом право на получение патента и исключительное право на изобретение, полезную модель или промышленный образец принадлежат Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию, государственный или муниципальный заказчик может подать заявку на выдачу патента в течение шести месяцев со дня его письменного уведомления исполнителем о получении результата интеллектуальной деятельности, способного к правовой охране в качестве изобретения, полезной модели или промышленного образца. Если в течение указанного срока государственный или муниципальный заказчик не подаст заявку, право на получение патента принадлежит исполнителю» [38].

Указом Президента Российской Федерации от 24.05.2011 № 673 на Федеральную службу по интеллектуальной собственности возложена функция правовой защиты интересов государства в процессе экономического и гражданско-правового оборота результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ [120]. Распоряжением Правительства РФ от 29.07.2011 №1347-р ФБГУ ФАПРИД было передано из ведения Минюста России в ведение Роспатента.

Россия не единственная страна, в которой государство является субъектом правоотношений в сфере интеллектуальной собственности. В США действует Патентный кодекс, включенный в Кодекс законов США, где в § 207 Раздела 35 определены права федеральных агентств по управлению промышленной собственностью, принадлежащей правительству. В частности там установлено, что каждое федеральное агентство имеет право:

- подавать заявку, получить и поддерживать патенты или осуществлять другие формы защиты прав, как в США, так и в зарубежных странах на изобретения, в отношении которых федеральное правительство владеет правом собственности или заинтересовано в них;

- предоставлять неисключительные, исключительные или частично исключительные лицензии в отношении изобретений, являющихся федеральной собственностью, безвозмездно или на условиях роялти или иной оплаты, а также на условиях субсидий для лицензиата, как это представляется целесообразным в интересах общества;

– принимать все другие соответствующие и необходимые меры для защиты и регулирования прав на изобретения, находящиеся в федеральной собственности от имени федерального правительства либо непосредственно, либо посредством контракта, в том числе использовать право по регулированию лицензионных платежей федеральному правительству в отношении любого изобретения, но только в той мере и части, при которых права приобретаются добровольно, чтобы облегчить лицензирование изобретений, находящихся в федеральной собственности;

– передавать охрану и регулирование прав в целом или частично другому федеральному органу на любое изобретение, находящееся в федеральной собственности.

В целях обеспечения эффективного управления принадлежащими правительству изобретениями министр торговли уполномочен:

– помогать федеральным агентствам в осуществлении защиты и охране изобретений в зарубежных странах, в том числе путем оплаты сборов и расходов, связанных с ними;

– консультировать федеральные агентства в области науки и техники, научных исследованиях и разработках, имеющих потенциал для коммерческого использования [223].

Во Франции коммерциализацией результатов НИОКР, созданных за счет государства, занимается Национальное агентство по повышению инновационной привлекательности научных исследований ANVAR (Agence Nationale de Valorisation de la Recherche, созданное в 1979 году как правительственное учреждение с целью содействия инновационной деятельности в промышленности, в первую очередь, в сфере среднего и малого предпринимательства [93, с. 56].

В Республике Беларусь регулирование деятельности государства в сфере промышленной собственности основывается на Указе Президента Республики Беларусь от 4 февраля 2013 года № 59 «О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств» [103]. Указ содержит также и Положение с аналогичным названием. Указ и Положение устанавливают, что результаты научной и научно-технической деятельности, созданные полностью или частично за счет средств республиканского или местных бюджетов, а также государственных внебюджетных фондов подлежат обязательной коммерциализации в течение трех лет со дня получения охранного документа на объект интеллектуальной собственности. Вызывает определенные вопросы пункт 1.2 Указа, в котором установлено, что при необеспечении государственным заказчиком обязательной коммерциализации результатов НТД в порядке и сроки, установленные в Положении, государственные средства, за счет которых созданы данные результаты, считаются использованными с нарушением бюджетного законодательства и подлежат взысканию в соответствующий бюджет с начислением процентов в размере

ставки рефинансирования. По смыслу приведенного пункта получается, что государственный заказчик, получивший деньги из бюджета на НИОКР, в случае необеспечения коммерциализации их результатов, должен бюджетными деньгами (других у него нет) возместить в пустую использованные государственные средства, к тому же еще с процентами.

Позитивным следует признать создание государственного реестра прав на результаты научной и научно-технической деятельности, предусмотренный пунктом 2 Указа, что необходимо в любом случае, независимо от того, кому принадлежат патенты – государству или организациям, являющимся распорядителями средств республиканского или местных бюджетов.

С участием государства как субъекта правоотношений интеллектуальной собственности связано регулирование иммунитетов государства, содержащееся в статье 8 Европейской конвенции об иммунитете государства 1972 года и статье 14 Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года. Названные статьи в конвенциях регулируют правоотношения, в которых государство является владельцем «патента на изобретение, чертежа или промышленной модели, производственного или товарного знака, фирменного наименования или другого аналогичного права». В Конвенции ООН 2004 года говорится также об авторском праве или любой другой форме интеллектуальной или промышленной собственности, пользующейся правовой защитой.

Таким образом, опыт зарубежных стран свидетельствует о возможности и необходимости участия государства в качестве субъекта в правоотношениях, относящихся к интеллектуальной собственности. При этом непосредственными участниками интеллектуальной собственности являются государства с рыночной экономикой, которые, как правило, дистанцируются от непосредственного участия в экономической деятельности. В этом плане Республика Беларусь представляет собой исключение, поскольку после смены модели экономического развития белорусское государство отказалось от участия в правоотношениях в качестве субъекта прав на интеллектуальную собственность. В то же время государство широко финансирует научно-технические программы. Как отмечается в Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 годы, в настоящее время только около 10% патентуемых в Республике Беларусь отечественными субъектами разработок является итогом реализации государственных научно-технических программ, что не отражает реальный вклад государства в научно-техническое развитие страны. Поставлена задача к 2020 году количество заявок на охрану созданных в рамках реализации государственных научно-технических программ объектов промышленной собственности должно составлять не менее 30% от общего числа поданных заявок [133].

На наш взгляд, для более эффективного использования объектов интеллектуальной собственности, созданных за счет государственного финан-

сирования, они должны быть зарегистрированы как принадлежащие государству. С этой целью в Республике Беларусь необходимо создать специальный государственный орган, который будет по образцу ФАПРИД в России распоряжаться государственными объектами промышленной собственности, передавая их на льготных условиях всем субъектам хозяйствования, заинтересованным в их использовании. Такой государственный орган может быть создан при Государственном комитете по науке технологиям (как вариант выполнение функций может быть возложено на одно из действующих подразделений ГКНТ). Главными задачами органа по распоряжению государственными объектами промышленной собственности следует определить:

- заключение договоров на ведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ за счет государственного финансирования;
- получение патентов и создание банка государственных объектов промышленной собственности;
- патентование государственных объектов промышленной собственности за рубежом и поддержание патентов за счет государственных средств;
- информирование национальных субъектов всех форм собственности о наличии в сфере их деятельности государственных патентов на определенные объекты промышленной собственности;
- предоставлять неисключительные, исключительные лицензии в отношении промышленных объектов, являющихся государственной собственностью, безвозмездно или на льготных условиях и пр.

Исходя из изложенного, предлагается внести в ГК Республики Беларусь и Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 года статью следующего содержания: №№ «1. Имущественные права на объекты авторского права и смежных прав, созданные на основании договора по заказу государства и на его средства принадлежат Республике Беларусь.

2. Республике Беларусь принадлежат имущественные права авторов и исполнителей, переданные авторами и исполнителями на условиях издания или демонстрации их произведений или в порядке наследования».

Соответственно ГК Республики Беларусь и Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели и промышленные образцы» от 16 декабря 2002 года предлагается дополнить статьей следующего содержания: №№ «1. Право на получение патента и исключительное право на изобретение, полезную модель или промышленный образец принадлежат Республике Беларусь, если изобретение, полезная модель или промышленный образец явились результатом выполнения научно-технических работ по государственным программам, которые осуществлялись за счет бюджетного финансирования.

2. Если государственный орган по распоряжению объектами промышленной собственности не подаст заявку на получение патента Респуб-

ликой Беларусь в течение шести месяцев со дня его письменного уведомления исполнителем, выполнявшим работы по государственной программе, о получении результата интеллектуальной деятельности, нуждающегося в правовой охране в качестве изобретения, полезной модели или промышленного образца, то право на получение соответствующего патента получает исполнитель работ.

3. Если право на получение патента и исключительное право на изобретение, полезную модель или промышленный образец принадлежит Республике Беларусь, исполнитель обязан путем заключения соответствующих соглашений со своими работниками и третьими лицами приобрести все права либо обеспечить их приобретение для передачи соответственно Республике Беларусь.

4. Если исполнитель, получивший патент на изобретение, полезную модель или промышленный образец в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи на свое имя, примет решение о досрочном прекращении действия патента, он обязан уведомить об этом государственный орган по распоряжению объектами промышленной собственности и по его требованию передать патент на безвозмездной основе Республике Беларусь».

3.6. Право, применимое в правоотношениях с участием государства

При участии государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом возникает вопрос о праве, применимом к названным правоотношениям. Формально ответить на него должна была бы статья 1114 ГК Республики Беларусь «Участие государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом». Однако, как замечает Г.К. Дмитриева относительно аналогичной по содержанию статьи 1204 в ГК РФ: «... вопреки обещающему названию она решает один узкий вопрос о применении коллизионных норм к международным гражданско-правовым отношениям с участием государства» [89, с. 227]. В частности, названная статья белорусского ГК устанавливает, что действие норм раздела VII применяются к правоотношениям с иностранным элементом с участием государства на общих основаниях, если иное не предусмотрено законодательными актами Республики Беларусь. Норму, сформулированную в статье 1114 ГК, необходимо рассматривать в контексте действия норм главы V ГК, согласно которым Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы являются субъектами гражданско-правовых отношений. В данном случае анализируемая статья предусматривает, что государство не может претендовать на какое-либо исключительное положение по сравнению с другими субъектами гражданского права в случаях, когда эти отношения осложнены иностранным элемен-

том. По смыслу статьи 1114 к правоотношениям с участием государства должны применяться правила о коллизионных нормах, квалификации юридических понятий, обратной отсылке, оговорке о публичном порядке, императивных нормах, взаимности, применяемые к правоотношениям с участием юридических и физических лиц. Поскольку основное содержание раздела VII ГК составляют коллизионные нормы, изложенные в главе 75, то из содержания статьи 1114 следует, что к правоотношениям с участием государства должно применяться то право, на которое укажут эти нормы.

Однако в правовой доктрине и судебной практике существуют иные подходы к применению права к правоотношениям с участием государства. В частности, в советском международном частном праве было закреплено положение о применимости к гражданско-правовым сделкам с участием государства его собственного права. Как отмечал Л.А. Лунц: «Из начала государственного суверенитета и обусловленного им иммунитета государства вытекает также, что и гражданско-правовые сделки государства подчиняются, в принципе, его собственному праву» [81, с. 395]. На такой же позиции находится Г.К. Дмитриева, которая утверждает, что иммунитет государства содержит наряду с юрисдикционными иммунитетами и иммунитетом государственной собственности также иммунитет от применения иностранного права [89, с. 229]. Однако, далее при анализе статьи 1204 ГК РФ, которая предписывает применение к гражданско-правовым отношениям с участием государства правил на общих основаниях, названный автор вступила в противоречие с собственным утверждением о наличии у государства иммунитета от применения иностранного права. В частности, Г.К. Дмитриева утверждает следующее: «Раздел VI ГК содержит коллизионные нормы, направленные на установление права, применимого для регулирования тех или иных видов гражданско-правовых отношений с иностранным элементом. Следовательно, эти же коллизионные нормы должны применяться в равной степени и к отношениям, в которых участвует государство. Коллизионная норма может выбрать, как известно, либо российское, либо иностранное право, и если она по конкретному вопросу отошлет к иностранному праву, то такое иностранное право должно быть применено, даже если субъектом отношений выступает государство» [89, с. 233]. Возникает вопрос: а как же быть с иммунитетом государства от применения иностранного права?

Такого же мнения придерживается М.В. Кривенкова, которая утверждает, что выбор применимого права в правоотношениях с участием Российской Федерации будет основываться на общих коллизионных нормах [76, с. 6].

С позициями названных российских авторов совпадает и позиция Л.В. Царевой, которая также выделяет в качестве самостоятельного иммунитет государства от применения иностранного права, дает его развернутое обоснование, но на основании статьи 1114 ГК Республики Беларусь делает вывод: «что оснований для выделения иммунитета государства от применения иностранного права нет» [90, с. 140].

Иную позицию занимает российский автор И.В. Гетьман-Павлова, заявляющая о наличии коллизионного иммунитета государства, который «предусматривает, что к частноправовым отношениям государства должно применяться только его собственное право. Все сделки государства подчиняются только его собственному праву» [33, с. 183]. С данным утверждением также нельзя полностью согласиться, о чем будет сказано ниже.

Из изложенных позиций разных авторов по применению права к правоотношениям с участием государства следует вывод: проблема существует. Для ее разрешения следует учитывать не только мнения отдельных специалистов, которые могут быть субъективны, но и международную практику, в которой сложилось правило применения права государства к договорным правоотношениям с иностранным элементом, если стороны не избрали применимое право. Впервые это положение нашло отражение в решении Постоянной палаты международного правосудия по делу Франции против Королевства Сербии, Хорватии и Словении (сербские займы) от 12 июля 1929 года. В решении суда подчеркивалось, что природа суверенного государства проявляется в том, что действительность принятых им обязательств не может быть подчинена иному закону, чем его собственному [151]. Аналогичная норма нашла закрепление в Вашингтонской конвенции «О порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами» от 18 марта 1965 года [114]. В пункте 1 статьи 42 названной Конвенции говорится: «Арбитраж рассматривает спор, согласно нормам права, в соответствии с соглашением сторон. В случае отсутствия соглашения сторон Арбитраж применяет право Договаривающегося государства, выступающего в качестве стороны в споре, а также те нормы международного права, которые могут быть применимы». Типовая арбитражная оговорка, устанавливающая взаимное согласие принимающего государства и инвестора на обращение в Международный центр по урегулированию споров (далее – МЦИУС), в пункте 6 содержит норму: «Состав арбитражного суда, формируемый на основе настоящего арбитражного соглашения, будет применять право государства-участника спора» [199].

Косвенное свидетельство о применении в правоотношениях с участием государства права государства-участника содержится в пункте 2 статьи 7 Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года, в которой установлено: «Согласие государства на применение законодательства другого государства не должно пониматься как согласие на осуществление юрисдикции судами этого другого государства». В приведенном пункте установлено, что иностранное право может применяться судом к правоотношениям с участием государства только с его согласия.

В некоторых договорах Республики Беларусь о поощрении и взаимной защите инвестиций в случае возникновения споров между инвестором и государством предусмотрено применение права принимающей стороны. Так, в Соглашении между Правительством Республики Беларусь и Прави-

тельством государства Кувейт о поощрении и взаимной защите инвестиций в пункте 6 статьи 9 говорится: «Арбитражный суд, учреждаемый в соответствии с настоящей статьей, рассматривает вопросы в споре в соответствии с такими нормами права, которые согласуют стороны в споре. В случае отсутствия такой договоренности будет применяться право договаривающейся Стороны, являющейся стороной в споре ...» [169].

Таким образом, содержание статьи 1114 в ГК Республики Беларусь и статьи 2004 ГК Российской Федерации вступает в противоречие с правовой доктриной и международной судебной практикой. В данном случае можно говорить либо об изменении подхода к применению права к правоотношениям с участием государства, либо об ошибочной формулировке, включенной первоначально в Модель Гражданского кодекса для стран СНГ (ст. 2014), откуда она была некритично заимствована в национальные кодексы [39]. На наш взгляд, включение нормы о применении к гражданско-правовым отношениям с иностранным элементом с участием государства правил раздела, регулирующих отношения международного частного права на общих основаниях, явилось результатом упущения из поля зрения вышеприведенных доктринальных положений, судебной практики и норм международных договоров.

Утверждение И.В. Гетьман-Павловой относительно того, что все сделки государства подчиняются только его собственному праву, также требует корректировки. С таким утверждением нельзя согласиться, поскольку оно не учитывает наличия такого принципа, как свобода воли сторон в договоре, действующего в гражданском праве, а также, безусловно, и в международном частном праве при регулировании гражданско-правовых отношений с участием государства. В МЧП изначально действует классическая коллизионная привязка – закон, избранный сторонами (*lex voluntatis*). Это одно из фундаментальных начал в международном частном праве, которое приобрело в последнее время значение принципа. По мнению российского специалиста Е.П. Кабатовой, этот принцип в настоящее время трансформируется в одну из гибких коллизионных привязок, идущих на смену классическим коллизионным привязкам [60, с. 7]. Поэтому право государства должно применяться в договорных гражданско-правовых отношениях с его участием во всех случаях, если стороны, руководствуясь принципом свободы воли сторон, не избрали иное право.

В связи с изложенным статья 1114 ГК Республики Беларусь должна быть дополнена пунктом 2, содержащим норму, регулиующую применимое право с участием государства, следующего содержания: «В случае если в правоотношении с участием государства стороны не избрали применимое право, должно применяться право государства-участника правоотношения».

В результате такого дополнения законодательство Республики Беларусь в данном конкретном вопросе не будет противоречить международному праву, сложившейся правовой доктрине и уже сложившейся практике при заключении соглашений о поощрении и взаимной защите инвестиций.

Действие статьи 1114 ГК распространяется не только на Республику Беларусь, но и на любое иностранное государство в том случае, если оно вступает в гражданско-правовые отношения с белорусскими физическими и юридическими лицами. Кроме этого, данная статья содержит и возможность расширения применимого права по сравнению с разделом VII ГК, поскольку предусматривает применение иного регулирования, установленного законодательными актами Республики Беларусь.

В связи с этим возникает вопрос: включают ли «законодательные акты» в статье 1114 ГК юрисдикционные иммунитеты государства в гражданских правоотношениях с иностранным элементом? По мнению известного российского специалиста О.И. Хлестовой, аналогичная по содержанию статья в Гражданском кодексе России (ст. 1204) не охватывает «проблемы, которая связана с юрисдикционными иммунитетами государства, как особого субъекта права» [64, с. 441]. С таким утверждением можно согласиться, поскольку принятие закона об иммунитете государства предусмотрено статьей 127, как в ГК Республики Беларусь, так и в ГК Российской Федерации.

Таким образом, из содержания статьи 1114 ГК Республики Беларусь следует, что к гражданско-правовым отношениям с иностранным элементом с участием государства на общих основаниях применяются правила раздела VII, если иное не предусмотрено законодательными актами Республики Беларусь. Однако такая формулировка противоречит правовой доктрине, международной судебной практике, международным договорам. В связи с этим нами предлагается дополнить названную статью нормой, в которой будет специально регулироваться применимое право в гражданско-правовых отношениях с участием государства, если стороны не избрали применимое право.

3.7. Иммунитет Республики Беларусь в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом

Активное участие Республики Беларусь в гражданско-правовых отношениях с иностранными физическими и юридическими лицами требует разрешения вопроса о целесообразности использования иммунитета государства в названных правоотношениях. Существует довольно распространенное мнение о том, что в целях повышения доверия партнеров к государству ему следует отказаться от иммунитета. Особенно это актуально в сфере инвестиционных правоотношений, поскольку иностранные инвесторы, безусловно, осведомлены о наличии иммунитета у государства, с которым заключают договор, и желали бы получить гарантию относительно того, что государство не будет ссылаться на иммунитет в случае возникновения гражданско-правового спора по инвестиционному или концессионному договору. Впервые на законодательном уровне отказ от иммунитета

государства был установлен в части 3 статьи 46 Инвестиционного Кодекса Республики Беларусь, где говорилось: «В инвестиционном договоре с иностранными инвесторами может быть предусмотрен отказ государства от судебного иммунитета, иммунитета от предварительного обеспечения иска и исполнения судебного и (или) арбитражного решения» [59]. Аналогичная норма содержалась и в статье 75 ИК – «Иммунитет государства» с той лишь разницей, что отказ от иммунитетов в названной статье допускался в концессионных договорах, заключаемых от имени Республики Беларусь.

Положение об отказе государства от иммунитета государства требует разъяснения, поскольку может сложиться неверное представление о наличии «внутреннего» иммунитета государства. Иммунитет государства в его правоотношениях с собственными субъектами не действует, поскольку суверенитет государства при этом не затрагивается. Действие иммунитета государства предполагается в случаях рассмотрения возможных споров между иностранным инвестором либо концессионером и Республикой Беларусь в иностранном суде или арбитраже. Только в такой ситуации отказ от иммунитета государства оказывается необходим, для того чтобы представитель государства принял участие в процессе.

В Законе Республики Беларусь «Об инвестициях» от 12 июля 2013 года, который вступил в силу 24 января 2014 года и заменил Инвестиционный кодекс, как уже отмечалось выше, допускается заключение инвестиционного договора от имени Республики Беларусь. Однако в названном Законе не содержится нормы об отказе от иммунитета государства при заключении указанного договора. Нет этой нормы и в Положении о порядке заключения, изменения, прекращения инвестиционных договоров с Республикой Беларусь, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 6 августа 2011 года № 1058 [141].

Отсутствие названной нормы связано с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 мая 2011 года № 656, утвердившего Национальную программу развития экспорта Республики Беларусь на 2011–2015 годы [109]. В главе 5 среди других макроэкономических показателей реализации указанной программы было записано следующее: «Особо необходимо обратить внимание на пересмотр (отмену) положения об отказе Республики Беларусь от судебного иммунитета при заключении инвестиционного договора (статья 46 Инвестиционного кодекса Республики Беларусь), а также введения положения об односторонней гарантии всем инвесторам обращения за разрешением инвестиционных споров в международный арбитраж...». Фактически в Национальной программе развития экспорта было предложено отказ от судебного иммунитета государства в инвестиционных договорах заменить гарантией обращения в международный арбитраж. А.Ю. Корочкин считает, что исключение оговорки об отказе от иммунитета государства при заключении инвестиционного договора от имени Республики Беларусь в Законе «Об инвестициях»

явилось прямым следствием реализации вышеприведенного положения Национальной программы, с чем нельзя не согласиться [73]. Предложение об исключении из Инвестиционного кодекса Республики Беларусь нормы об отказе от иммунитета государства в инвестиционных договорах было внесено экономистами Е. Петрушкевич и М. Барбьери в статье, опубликованной в 2010 году [138, с. 87]. На основании изложенного можно сделать вывод о том, что отсутствие нормы об отказе от иммунитета государства в Законе «Об инвестициях» – это позиция авторов, работавших над Законом, а не случайность. Однако исключение оговорки об отказе государства от иммунитета в названном Законе создало ситуацию неопределенности с иммунитетом в инвестиционных договорах, заключаемых от имени Республики Беларусь, поскольку и оговорки об отказе от иммунитета нет, и односторонней гарантии государства для инвестора обращения в арбитраж тоже нет. В то же время в принятом одновременно с Законом «Об инвестициях» Законе «О концессиях» возможность отказа от иммунитета государства сохранена. В статье 36 названного Закона установлено: «В концессионных договорах, заключаемых с иностранными гражданами, лицами без гражданства, иностранными и международными юридическими лицами (организациями, не являющимися юридическими лицами), может быть предусмотрен отказ государства от судебного иммунитета, иммунитета в отношении обеспечения иска и исполнения судебного постановления или арбитражного решения» [104].

Не содержится нормы об отказе от иммунитета государства и в Законе «О государственно-частном партнерстве», где, на наш взгляд, существует особая необходимость регулирования на равноправной основе отношений государства и частного партнера.

Учитывая, что все три закона регулируют инвестиционные правоотношения, отсутствие в Законе «Об инвестициях» и Законе «О государственно-частном партнерстве» возможности отказа от иммунитета государства следует рассматривать как определенную непоследовательность законодателя в данном вопросе. У инвесторов может сложиться мнение, что при заключении концессионных договоров законодатель исходит из абсолютного иммунитета государства и поэтому допускает отказ от иммунитета, а в инвестиционных договорах и соглашениях о государственно-частном партнерстве руководствуется теорией функционального иммунитета. На наш взгляд, это создает ситуацию неопределенности в вопросе иммунитета государства в инвестиционном регулировании. Для единообразного регулирования вопроса об иммунитете государства предлагается дополнить Закон «Об инвестициях» и Закон «О государственно-частном партнерстве» нормами об отказе государства от юрисдикционных иммунитетов.

С вопросом об иммунитете государства непосредственно связан вопрос о способах и месте рассмотрения возможных инвестиционных споров.

В статье 13 Закона «Об инвестициях» предусмотрено четыре варианта разрешения возможных споров между инвесторами и Республикой Беларусь:

1) в досудебном порядке путем проведения переговоров, если иное не установлено законодательными актами Республики Беларусь;

2) в судебном порядке в соответствии с законодательством Республики Беларусь;

3) споры, не относящиеся к исключительной компетенции судов Республики Беларусь, по выбору инвестора могут разрешаться:

а) в арбитражном суде ad hoc, учреждаемом согласно Арбитражному регламенту Комиссии ООН по праву международной торговли;

б) в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) в случае, если инвестор является гражданином или юридическим лицом государства-участника Конвенции по урегулированию инвестиционных споров между государствами и физическими и юридическими лицами других государств от 18 марта 1965 года;

4) если международным договором Республики Беларусь и (или) договором, заключенным между инвестором и Республикой Беларусь, установлен иной порядок разрешения споров, то применяются положения соответствующего международного договора и (или) договора между инвестором и Республикой Беларусь [126].

Международными договорами, о которых говорится в части 4 статьи 13 Закона «Об инвестициях», являются межправительственные соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций, которых правительство Республики Беларусь заключило более шестидесяти. Большинство из них содержат зонтичные оговорки об отнесении инвестиционных споров между Республикой Беларусь и иностранным инвестором к компетенции арбитражных судов. Такие оговорки содержатся в следующих межправительственных соглашениях:

– Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Султаната Оман о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Минске 10.05.2004) [170];

– Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Королевства Дания о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Минске 31.03.2004) [171];

– Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Индия о содействии осуществлению и защите инвестиций (совершено в г. Дели 27.11.2002; вступило в силу 23.11.2003) [172];

– Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Финляндской Республики о содействии осуществлению и защите инвестиций (совершено в г. Минске 08.06.2006; вступило в силу 10.04.2008) [173];

– Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Македония о содействии осуществлению и вза-

имной защите инвестиций (совершено в г. Скопье 20.06.2001; вступило в силу 22.11.2002) [174];

– Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Ливанской Республики о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Бейруте 19.06.2001; вступило в силу 29.12.2002) [175];

– Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Государства Катар о взаимном содействии осуществлению и защите инвестиций (совершено в г. Доха 17.02.2001; вступило в силу 06.08.2004) [176];

– Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Куба о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Минске 08.06.2000; вступило в силу 16.08.2001) [177];

– Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Сингапур о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Сингапуре 15.05.2000; вступило в силу 13.01.2001) [178];

– Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Объединенных Арабских Эмиратов о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Дубай 27.03.2000; вступило в силу 16.02.2001) [179];

– Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Молдова о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Кишиневе 28.05.1999; вступило в силу 19.11.1999) [180];

– Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Кыргызской Республики о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Минске 30.03.1999; вступило в силу 11.11.2001) [181];

– Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Литовской Республики о содействии осуществлению и защите инвестиций (совершено в г. Минске 05.03.1999; вступило в силу 16.05.2002) [182];

– Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Таджикистан о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Душанбе 03.09.1998; вступило в силу 25.08.1999) [183];

– Соглашение между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой о взаимном содействии и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Минске 08.08.1995) [188];

– Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Пекине 11.01.1993; вступило в силу 14.01.1995) [184] и других.

В связи с двусторонними договорами о поощрении и взаимной защите инвестиций возникают два проблемных вопроса:

1) необходимо ли дополнительное соглашение между сторонами о передаче спора в международный арбитраж, т.е. следует ли рассматривать согласие государства на арбитражное рассмотрение спора как отказ от судебного иммунитета государства?

2) означает ли отказ от судебного иммунитета Республики Беларусь, содержащийся в межправительственных соглашениях, одновременным отказом от иммунитета в отношении обеспечительных мер и иммунитета от исполнения решения иностранного суда или арбитража?

Представляется, что при избрании в инвестиционном договоре конкретного суда или арбитража как места рассмотрения предполагаемых споров, произведенном на основе межправительственного соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций, дополнительные письменные соглашения не требуются. Подтверждением этому может служить пункт 5 статьи 8 Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Боливарианской Республики Венесуэла о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций, в котором говорится: «Каждая Договаривающаяся Сторона дает свое согласие на передачу спора с инвестором государства другой Договаривающейся Стороны в международный арбитражный суд в соответствии с положениями пунктов 2(б)-2(в) настоящей статьи. Таким образом, никакого дополнительного письменного соглашения между Договаривающейся Стороной и инвестором государства другой Договаривающейся Стороны в дальнейшем не потребуется» [168]. Аналогичное положение содержится в пункте 4 статьи Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Эстонской Республики о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций от 29 октября 2009 года [185]. В пункте 4 статьи 9 Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Государства Кувейт о поощрении и взаимной защите инвестиций от 10.07.2001 года установлено: «Каждая Договаривающаяся Сторона дает безоговорочное согласие на передачу инвестиционного спора для его разрешения путем арбитража согласно выбору инвестора...» [169].

В итоге, передача споров между государством и инвестором на рассмотрение арбитража фактически является формой отказа от судебного иммунитета государства.

При ответе на второй вопрос следует учитывать, что, если спор передается в МЦУИС, то, как уже отмечалось выше, производится это посредством типовой арбитражной оговорки, где в пункте 9 содержится сле-

дующая норма: «Принимающее инвестиции государство отказывается от любых форм своего иммунитета в отношении признания и приведения в исполнение любого арбитражного решения и (или) постановления, вынесенного составом арбитражного суда, сформированного на основании настоящего арбитражного соглашения» [199]. Обязательность исполнения арбитражного решения, вынесенного арбитражным судом МЦУИС, предусмотрено и статьей 54 Вашингтонской конвенции об урегулировании инвестиционных споров от 18 апреля 1965 года, где в статье 54 установлено: «Каждое Договаривающееся государство признает решение Арбитража, вынесенное в соответствии с настоящей Конвенцией, в качестве обязывающего и обеспечивает исполнение денежных обязательств, налагаемых решением Арбитража, в пределах своей территории, таким же образом, как если бы это было окончательное решение судебного органа этого государства» [114].

Республика Беларусь присоединилась к Вашингтонской конвенции в 1992 году постановлением Верховного Совета [118]. В результате, отказ в исполнении решения МЦУИС Республикой Беларусь, если возникнет такая ситуация, будет означать нарушение договорного обязательства по международному праву.

В случае, когда решение по инвестиционному спору с участием государства выносится международным институциональным арбитражным судом или арбитражным судом *ad hoc*, оно исполняется в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 года, участниками которой в настоящее время являются около 150 государств мира [68]. К названной Конвенции присоединилась еще БССР в декабре 1959 года.

Таким образом, как справедливо утверждает Я.И. Функ: «...соответствующее государство, снимая с себя в рамках двустороннего международного публичного договора о взаимной защите инвестиций судебный иммунитет, особо оговаривает свое обязательство по обязательному исполнению решения соответствующего арбитражного суда и обязуется принимать необходимые меры для такого исполнения» [211].

Следует заметить, что в отдельных договорах содержится прямой отказ от обращения сторон к мерам защиты, основанным на суверенитете и иммунитете государства. В частности, такой отказ содержится в статье 7 Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Народной Республики Бангладеш о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций [186], а также в статье Соглашения с Правительством государства Кувейт [169].

Можно констатировать, что отказ от судебного иммунитета, выраженный в форме согласия на арбитражное рассмотрение спора с иностранным инвестором, в соответствии с Вашингтонской конвенцией об урегулировании инвестиционных споров 1965 года и отдельными соглашениями Республики Беларусь по защите инвестиций является согласием на прове-

дение обеспечительных мер и исполнение арбитражного решения.

Как уже отмечалось, Декрет Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 года №10 «О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» расширил перечень лиц, которым предоставлено право заключения инвестиционных договоров от имени Республики Беларусь [119]. В соответствии с пунктом 1.2 Декрета это право получили также областные и Минский городской исполнительный комитеты. Исполнительные комитеты областей и Минский исполнительный комитет возглавляют административно-территориальные единицы Республики Беларусь, которые являются самостоятельными субъектами гражданско-правовых отношений. В данном случае речь идет о том, что Республика Беларусь выступает гарантом по обязательствам административно-территориальных единиц, содержащихся в заключаемых ими инвестиционных договорах. Возможность гарантии (поручительства) Республики Беларусь по обязательствам административно-территориальной единицы или юридического лица предусмотрена в пункте 5 статьи 126 ГК.

Однако в связи с подписанием инвестиционных договоров от имени Республики Беларусь открытым остается вопрос: обладает ли Правительство Республики Беларусь, органы и организации, уполномоченные им, а также областные и Минский городской исполнительные комитеты при заключении инвестиционных договоров с иностранными инвесторами от имени Республики Беларусь правом отказа от судебного иммунитета, иммунитета в отношении предварительного обеспечения иска и иммунитета от исполнения судебного или арбитражного решения. Как справедливо отмечает Я.И. Функ: «Рассматривая отказ государства от принадлежащих ему юрисдикционных иммунитетов в рамках конкретных торговых или инвестиционных сделок, необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что указанный отказ должен присутствовать лишь в случае, если лицо, подписывающее соответствующую сделку от имени определенного государства, было уполномочено на отказ государства от принадлежащих ему судебных иммунитетов.

В связи с приведенным обстоятельством, безусловно, возникает вопрос о необходимости или отсутствии такой необходимости в наделении конкретного подписанта соответствующей торговой или инвестиционной сделки полномочиями на отказ от юрисдикционных иммунитетов государства» [212].

Прямого ответа на этот вопрос в действующих нормативных правовых актах Республики Беларусь нет. Если посмотреть на аналогичные акты зарубежных стран, то в Законе Великобритании «О государственном иммунитете» 1978 года в пункте 7 статьи 2 говорится: «Глава дипломатической миссии государства в Соединенном королевстве или лицо, исполняющее в это время его функции, рассматривается как имеющее полномочия от имени государства осуществлять подчинение любому судебному разбирательству, и любое лицо, заключающее договор от имени государ-

ства на основании предоставленного им полномочия, рассматривается как имеющее полномочие осуществлять подчинение от имени государства судебному разбирательству, возникающему из договора» [237, р.41].

Такой подход следует признать логичным с позиции судебного органа, который решает вопрос о своей компетенции в отношении спора с участием иностранного государства и которому незачем глубоко вникать в вопрос о компетенции лиц, выражающих согласие на подчинение государства юрисдикции иностранного суда. Возникает также вопрос, может ли государство впоследствии считать себя не связанным с произведенным отказом от иммунитета на основании того, что лицо, подписавшее договор, не имело соответствующих полномочий на отказ от иммунитета государства?

Представляется, что государство не может рисковать своей репутацией, выдвигая подобный аргумент. Норма в законодательстве, позволяющая при подписании договора с иностранными субъектами от имени государства отказываться от иммунитетов государства, а priori предполагает полномочия лица, подписывающего договор, на отказ от иммунитета при подписании конкретного договора.

В то же время, ставя подпись от имени государства, должностное лицо должно осознавать всю степень ответственности, которую в его лице берет на себя государство, и не подвергать интересы государства не обоснованному риску.

Таким образом, как вытекает из анализа нормативных актов, регулирующих иммунитет Республики Беларусь, законодатель исходит из наличия иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными юридическими и физическими лицами. Это проявляется в отказе от иммунитета государства в инвестиционных договорах, заключаемых от имени Республики Беларусь. В связи с этим в законы Республики Беларусь «Об инвестициях» и «О государственно-частном партнерстве» предлагается внести статьи, аналогичные по содержанию статье 36 Закона «О концессиях», предусматривающую возможность отказа от иммунитета государства в концессионных договорах. Передача споров между государством и инвестором на рассмотрение арбитража, содержащаяся практически во всех соглашениях Республики Беларусь о поощрении и взаимной защите инвестиций, фактически является формой отказа от судебного иммунитета государства. В соответствии с Вашингтонской конвенцией об урегулировании инвестиционных споров 1965 года и отдельными соглашениями Республики Беларусь по защите инвестиций отказ от судебного иммунитета, выраженный в форме согласия на арбитражное рассмотрение спора с иностранным инвестором, является также согласием на проведение обеспечительных мер и исполнение арбитражного решения.

3.8. Регулирование участия иностранного государства в гражданско-правовых отношениях в белорусском законодательстве

Как уже отмечалось, согласно пункту 3 статьи 1 ГК Республики Беларусь правила, установленные гражданским законодательством, применяются также к правоотношениям с участием иностранных государств и их административно-территориальных (государственно-территориальных образований). В пункте 1 статьи 1093 раздел VII «Международное частное право» ГК, где определяется право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям с иностранным элементом, иностранное государство непосредственно не названо среди участников указанных правоотношений, но в отношении его участия, очевидно, действует формулировка «осложненное другим иностранным элементом».

В статье 541 ГПК, где определены гражданские процессуальные права участников международного гражданского процесса, к таким участникам отнесены только иностранные лица, лица без гражданства и иностранные юридические лица. Безусловно, что иностранное государство может быть участником гражданского процесса и на него должны распространяться все права без каких-либо изъятий. Поскольку в названной статье перечисление участников имеет закрытый характер, то, на наш взгляд, существует целесообразность указания иностранного государства в качестве обладателя гражданско-процессуальных прав, поскольку в статье 553 особо регулируется предъявление иска к иностранному государству.

В статье 1 ХПК среди иностранных участников хозяйственного процесса названы иностранные организации, международные организации, иностранные граждане, лица без гражданства, что имеет также закрытый характер. В итоге в ГПК и ХПК Республики Беларусь среди участников гражданско-процессуальных отношений иностранное государство не указано, что является определенным правовым пробелом, для ликвидации которого следует указать иностранное государство как участника правоотношений в статье 541 ГПК и статье 1 ХПК.

Главную правовую проблему, связанную с участием иностранного государства в гражданско-правовых отношениях в пределах юрисдикции Республики Беларусь, представляет иммунитет иностранного государства. Поскольку вопрос иммунитета иностранного государства относится к его процессуальному положению, соответственно он регулируется в ГПК и ХПК Республики Беларусь. В статье 553 ГПК установлено: «Предъявление иска к иностранному государству, обеспечение иска и обращение взыскания на имущество иностранного государства, находящееся в Республике Беларусь, могут быть допущены лишь с согласия компетентных органов данного государства (отказ от иммунитета)». Содержание приведенной статьи дает основание утверждать, что она основана на теории абсолютно-

го иммунитета государства. Как указано в Научно-практическом комментарии к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь (автор О.Н. Романова): «Согласие компетентного органа требуется и при предъявлении встречного иска и при привлечении иностранного государства в качестве третьего лица» [94, с. 808]. В Комментариях также отмечается, что иммунитет государства распространяется на его имущество, находящееся во владении или управлении лица, которое не обладает иммунитетом, с чем следует согласиться, исходя с позиции абсолютного иммунитета, который однозначно закреплен в ГПК.

Со статьей 553 ГПК в смысловом отношении непосредственно связана статья 559, в которой установлены ответные меры в случае нарушения дипломатического иммунитета Республики Беларусь или ее представителей. Следует отметить, что в названии статьи имеется, на наш взгляд, неточность, поскольку дипломатических иммунитетов государства в международном праве как таковых не существует. Есть иммунитеты самих дипломатических представительств и личные иммунитеты сотрудников этих представительств. Это подтверждает и содержание статьи 559, в которой говорится о случаях, когда Республике Беларусь, ее имуществу или ее представителям не обеспечивается в иностранном государстве такая же судебная неприкосновенность, которая обеспечивается этому иностранному государству, его имуществу и представителям в Республике Беларусь. В данном случае под дипломатическими иммунитетами законодатель, очевидно, имеет в виду юрисдикционный иммунитет государства и иммунитет собственности, основанный на теории абсолютного иммунитета. Нарушение иммунитета Республики Беларусь дает право Правительству Республики Беларусь или иному уполномоченному органу применить в отношении иностранного государства ответные меры в виде реторсий. Из смысла статьи 559 ГПК можно сделать вывод, что белорусский законодатель рассчитывает на соблюдение принципа взаимности в вопросе иммунитета государства.

В Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь, принятом в ноябре 1999 года, в статье 311 было установлено: «Предъявление иска к иностранному государству, наложение ареста на его имущество, находящееся на территории Республики Беларусь, обращение взыскания на это имущество в порядке принудительного исполнения решения хозяйственного суда допускается лишь с согласия компетентных органов иностранного государства, если иное не предусмотрено законодательством, в том числе международными договорами» [216]. Статья в целом соответствовала теории абсолютного иммунитета, но в то же время в ней предусматривалась и возможность иного регулирования. 7 марта 2005 года вступила в действие новая редакция ХПК, где в статье 239 иммунитет государства был определен иначе: «Иностранное государство, выступающее в качестве суверена, обладает судебным иммунитетом от предъявленного к нему иска в хозяйственном суде, привлечения его к участию в деле в каче-

стве третьего лица, наложения ареста на имущество, принадлежащее иностранному государству и находящееся на территории Республики Беларусь, и принятии по отношению к нему хозяйственных мер по обеспечению иска и имущественных интересов. Обращение взыскания на такое имущество в порядке принудительного исполнения судебного постановления допускается лишь с согласия компетентных органов соответствующего государства, если иное не предусмотрено законодательными актами или международными договорами Республики Беларусь».

Формулировка в первом предложении абзаца 1 статьи 239 ХПК – «иностранное государство, выступающее в качестве суверена», дает основание сделать логическое заключение об изменении позиции белорусского законодателя в вопросе иммунитета государства, поскольку разделение действий государства на публично-правовые, в которых государство выступает в качестве суверена (как это и определено в абзаце 1) и частноправовые, составляет содержание теории функционального иммунитета. Второе предложение абзаца 1 статьи 239 ХПК Республики Беларусь свидетельствует о том, что в вопросе исполнения судебного решения в отношении иностранного государства белорусский законодатель остается на позиции абсолютного иммунитета.

Ситуацию с появлением в статье 239 ХПК формулировки «иностранное государство, выступающее в качестве суверена», соответствующей теории функционального иммунитета, проясняет то обстоятельство, что в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации, принятом в 2002 году, появилась статья 251, где в пункте 1 говорилось «Иностранное государство, выступающее в качестве носителя власти, обладает судебным иммунитетом по отношению к предъявленному к нему иску в арбитражном суде в Российской Федерации, привлечению его к участию в деле в качестве третьего лица, наложению ареста на имущество, принадлежащее иностранному государству и находящееся на территории Российской Федерации, и принятию по отношению к нему судом мер по обеспечению иска и имущественных интересов» [9]. Начало статьи почти полностью совпадает со статьей 239 ХПК Республики Беларусь, за исключением того, что в АПК Российской Федерации говорится об иностранном государстве, «выступающем в качестве носителя власти», а в белорусском – государстве «выступающем в качестве суверена», что абсолютно тождественно по правовому содержанию. Принимая во внимание, что российский АПК был принят раньше, то следует предположить, что статья 239 в новой редакции ХПК Республики Беларусь явилась результатом рецепции российской нормы, а не следствием перехода белорусского законодателя на позицию функционального иммунитета государства.

Характерно, что Пленум Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь длительное время «не замечал» изменения позиции законодателя в вопросе иммунитета иностранного государства. Доказательством тому

служит постановление Пленума ВХС от 2 декабря 2005 года № 31 «О практике рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц», в котором в пункте 11 было указано: «Хозяйственный суд принимает к производству иск по хозяйственному (экономическому) спору, ответчиком по которому является иностранное государство или межгосударственная организация, судебный иммунитет которой определен международными договорами Республики Беларусь, только при наличии явно выраженного согласия ответчика на рассмотрение спора в хозяйственном суде. Подобное согласие следует рассматривать в качестве отказа от судебного иммунитета иностранного государства или международной организации» [115]. Следует отметить, что в указанном выше постановлении говорилось лишь о предъявлении иска к иностранному государству и не рассматривались ситуации привлечения его в качестве третьего лица и наложения ареста на имущество государства.

В постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда от 31 октября 2011 года № 21 «О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами дел с участием иностранных лиц» в пункте 10 содержалась формулировка, представляющая собой не полную рецепцию первого предложения абзаца 1 статьи 239: «Хозяйственный суд принимает к производству иск по хозяйственному (экономическому) спору, ответчиком по которому является иностранное государство, выступающее в качестве суверена, или международная организация, судебный иммунитет которой определен международными договорами Республики Беларусь, только при наличии явно выраженного согласия ответчика на рассмотрение спора в хозяйственном суде. Подобное согласие следует рассматривать в качестве отказа от судебного иммунитета иностранного государства или международной организации» [110]. Как следует из содержания приведенного пункта, Пленум ВХС исходил из позиции абсолютного иммунитета государства и не рассматривал ситуацию, в которой иностранное государство выступало бы не в качестве суверена.

В Методических рекомендациях о некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц и оказания правовой помощи, утвержденных постановлением Президиума Высшего Хозяйственного Суда №25 от 26 июня 2013 года в пункте 87 установлено: «Иностранное государство не пользуется в Республике Беларусь судебным иммунитетом, если оно согласилось на отказ от судебного иммунитета, а также совершило действия не связанные с осуществлением суверенной власти» [130]. Однако, что следует понимать под действиями иностранного государства не связанными с осуществлением суверенной власти, в Методических рекомендациях не раскрывается.

Указанные противоречия в отношении к иммунитету иностранного государства в ГПК и ХПК отмечали ряд авторитетных отечественных правоведов. Так, на это противоречие указывают Т.А. Белова и О.Н. Романова

в практикуме для студентов «Международный гражданский процесс»: «Особое внимание следует обратить на то, что действующее гражданское процессуальное и хозяйственное процессуальное законодательство Республики Беларусь по-разному регулируют вопросы судебного иммунитета иностранного государства – ГПК базируется на теории абсолютного иммунитета, а ныне действующая редакция ХПК (ч. 1 ст. 239) впервые в процессуальном законодательстве Республики Беларусь предоставляет иммунитет иностранному государству только в том случае, когда оно выступает в качестве суверена» [13, с. 20]. На это же противоречие указывает Е.Б. Леанович: «Таким образом, в соответствии с первым предложением абзаца 1 статьи 239 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь иммунитеты за иностранным государством признаются только, если оно совершает суверенные действия (*acta imperii*). Иначе иммунитеты могут быть сняты» [79, с. 113].

Председатель Международного арбитражного суда при БелТПП Я.И. Функ, признавая наличие противоречия между статьей 553 ГПК и статьей 239 ХПК в вопросе иммунитета иностранного государства, выразил мнение, что «... при реальном применении приведенной выше нормы статьи 239 ХПК вряд ли речь будет идти о наличии у соответствующего государства относительных (иначе, функциональных) юрисдикционных иммунитетов, скорее всего, и в рамках рассмотрения дела в хозяйственном суде суд будет исходить из абсолютного иммунитета государства, если только государство напрямую не отказалось от своих юрисдикционных иммунитетов» [210, с. 78]. Следует отметить, что рассмотрение дел с участием иностранного государства возможно не только в хозяйственном суде, но и в Международном коммерческом арбитражном суде. Из этого следует, что мнение Я.И. Функа по вопросу применения теории функционального иммунитета в отношении иностранного государства в Республике Беларусь следует рассматривать не только как суждение авторитетного ученого, но и как должностного лица ведущей арбитражной инстанции Беларуси, которая может на практике столкнуться с данной проблемой.

Таким образом, можно констатировать: между статьей 553 ГПК и статьей 239 ХПК имеется противоречие в порядке предъявления иска к иностранному государству, но оно не вызвано изменением позиции законодателя в вопросе иммунитета иностранного государства, поскольку на официальном уровне данная проблема не обсуждалась и не рассматривалась. Это подтверждается и позицией Пленума Высшего Хозяйственного Суда, который в своих постановлениях, обобщивших практику применения хозяйственными судами дел с участием иностранных лиц, не потребовал от судов перейти к практике ограничения иммунитета иностранного государства в случаях, когда оно выступает не в качестве суверена. Появление формулировки в статье 239 ХПК, формально соответствующей теории функционального иммунитета государства, на наш взгляд, явилось результатом некритичного заимство-

вания нормы из российского Арбитражного процессуального кодекса. Устранить возникшее противоречие можно исключив из первого предложения абзаца 1 статьи 239 ХПК слова, характеризующие иностранное государство как «выступающее в качестве суверена». В результате по смыслу статья 239 будет полностью соответствовать теории абсолютного иммунитета и противоречие в законодательстве Республики Беларусь, регулирующее иммунитеты иностранного государства, будет устранено.

Таким образом, анализ нормативных актов Республики Беларусь, регулирующих положение иностранного государства в гражданско-правовых отношениях показывает, что в ГПК и ХПК Республики Беларусь имеются определенные правовые пробелы, которые заключается в том, что иностранное государство не указано в качестве субъекта в статьях, где дано перечисление участников гражданско-правовых отношений с иностранным элементом. Указанные правовые пробелы следует ликвидировать путем включения иностранного государства в число субъектов в статью 541 ГПК и статью 1 ХПК.

В вопросе иммунитета иностранного государства ГПК Республики Беларусь последовательно придерживается теории абсолютного иммунитета. В ХПК Республики Беларусь в результате принятия новой редакции в марте 2005 года из смысла первого предложения абзаца 1 статьи 239, по мнению ряда белорусских специалистов, возникло противоречие со статьей 553 ГПК. Однако говорить об изменении позиции законодателя в вопросе иммунитета иностранного государства, очевидно, преждевременно.

3.9. Концепция закона об иммунитете государства

Вопрос о принятии закона о юрисдикционных иммунитетах государства в белорусской юридической литературе обсуждается давно. Впервые о необходимости принятия закона об иммунитете иностранного государства путем принятия соответствующего законодательного акта в Республике Беларусь заявил ведущий белорусский специалист в области международного частного права доктор юридических наук, профессор В.Г. Тихиня [200, с. 101]. Содержалось предложение о принятии закона об иммунитете иностранного государства и в диссертационном исследовании по проблеме иммунитета иностранного государства О.И. Кравченко [75]. Однако далее общих предложений правотворческий процесс по принятию закона об иммунитете иностранного государства не пошел, несмотря на актуальность данной проблемы для белорусской юридической науки.

В вопросе выработки закона об иммунитете государства есть одна существенная проблема, которая должна быть разрешена до начала непосредственной работы над проектом документа. С такой проблемой столкнулись российские специалисты при подготовке проекта закона об иммунитете иностранного государства. М.М. Богуславский определил ее «как

необходимость решения двух связанных между собой, но разнородных по своей юридической природе проблем: проблемы ограничения ответственности Российского государства в отношении с участием иностранных лиц, граждан и государств и проблемы иммунитета иностранного государства» [17, с. 236]. То есть, по мнению одного из ведущих российских специалистов по международному частному праву суть проблемы заключается в возможности изложения в одном акте норм по иммунитету собственного и иностранного государства.

Практика отдельных государств, принявших законы об иммунитете, свидетельствует об одностороннем подходе в этом вопросе, то есть в законодательных актах определяется только иммунитет иностранных государств. В качестве примера можно привести Закон США «Об иммунитете иностранных государств» 1976 года [234] и Закон Великобритании «О государственном иммунитете» 1978 года [237].

Принятый в России 3 ноября 2015 года Федеральный Закон «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» также регулирует только иммунитеты иностранного государства, но при этом остается неопределенной позиция законодателя по проблеме иммунитета собственного государства. В связи с этим, следует отметить, что принятый в России Федеральный Закон от 3 ноября 2015 года не ликвидировал правовой пробел, созданный статьей 127 ГК, поскольку в ней говорится об особенности ответственности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, с участием иностранных юридических лиц, граждан и государств.

Несмотря на сложившуюся зарубежную практику, представляется, что законодательный акт может быть единым и определять как иммунитет иностранного государства, так и иммунитет Республики Беларусь, иначе в нашем законодательстве останется тот же правовой пробел, который сохранился в законодательстве России. С позиции юридической техники комплексное изложение закона об иммунитете государства возможно и не вызывает особых затруднений.

Главное в содержании закона об иммунитете государства – это теория, которая будет положена в его основу. По нашему мнению, современные реалии международных отношений со всей определенностью свидетельствуют в пользу теории абсолютного иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях. Суверенитет государства в современном мире неизмеримо вырос в цене и превратился в абсолютную ценность, что в корне отличается от ситуации 60-70 годов прошлого столетия, когда получила распространение теория функционального иммунитета. К тому же названная теория была предложена и поддержана США и европейскими государствами, что имело в своей основе сугубо политические причины, поскольку соответствовало интересам их транснациональных монополий, стремившихся к экономическо-

му подчинению развивающихся государств посредством судебных решений. В настоящее время теория функционального иммунитета создает серьезные проблемы в межгосударственных отношениях.

Как справедливо отмечает российский автор В.В. Старженецкий: «Представляется, что дифференцированный подход, учитывающий ментальность и правовые традиции иностранных государств, являлся бы более уместным и гораздо более эффективным. Рискнем предположить, что с большинством азиатских и ближневосточных государств судебной стадии рассмотрения спора могла бы предшествовать стадия переговоров и поиска консенсуса (своего рода стадия исчерпания мирных способов урегулирования споров), в ходе которой самую активную роль могли бы играть дипломаты, выступающие посредниками в урегулировании спора. Акцент в такой процедуре смещается от конфронтации к поиску взаимоприемлемого решения, позволяющего сохранить добрые отношения» [189]. С таким суждением нельзя не согласиться, поскольку конфронтация между государствами, возникающая из гражданско-правовых отношений, не нужна ни одному государству.

Однако в практической деятельности, следуя теории абсолютного иммунитета, нельзя не учитывать реалии, складывающиеся в современном мире. В ситуации, когда в государствах, перешедших на позицию функционального иммунитета, к Республике Беларусь и административно-территориальным единицам будут предъявляться иски гражданско-правового характера (что вполне возможно, учитывая высокую активность белорусского государства в гражданско-правовых отношениях), а белорусские суды, руководствуясь теорией абсолютного иммунитета, будут отказывать в аналогичных исках собственным юридическим и физическим лицам к иностранным государствам, возникает вопрос о соблюдении принципа равенства для участников правоотношений, представляющих государство. Очевидно, что прямо повлиять на позицию государств, перешедших к теории функционального иммунитета, белорусские правоприменительные органы не в состоянии. Однако в праве существует такой институт, как взаимность, применение которого специально рассчитано на то, чтобы вынудить противоположную сторону изменить свою линию поведения. Следует отметить, что еще постановление ЦИК и СНК от 14 июля 1929 года «О порядке наложения ареста и обращения взыскания на имущество, принадлежащее иностранному государству» предполагало соблюдение принципа взаимности во взаимоотношениях с иностранными государствами по регулируемому в нем вопросу [112]. В отношениях с государствами, перешедшими к функциональному иммунитету государства в гражданско-правовых отношениях, целесообразно было бы использовать принцип взаимности, который также следует отразить в специальном законе об иммунитете иностранного государства и Республики Беларусь или ином нормативно-правовом акте, сформулировав следующим образом:

«1. При рассмотрении в суде Республики Беларусь иска, предъявленно-го к иностранному государству, суд при решении вопроса о предоставлении иммунитета иностранному государству применяет принцип взаимности.

2. По спорам, связанным с предпринимательской деятельностью, а также спорам, возникшим из гражданско-правовых отношений вне предпринимательской деятельности, доказывание объема юрисдикционного иммунитета, который в соответствующем иностранном государстве предоставляется Республике Беларусь, может быть возложено на лицо, предъявившее иск к иностранному государству.

3. Если судом будет установлено, что в иностранном государстве, в отношении которого подан иск, Республике Беларусь предоставляется юрисдикционный иммунитет в более ограниченном объеме, чем тот, который может быть предоставлен в силу настоящего Закона иностранному государству, то суд, основываясь на принципе взаимности, вправе исходить из того же объема иммунитета, который предоставляется в соответствующем иностранном государстве Республике Беларусь».

1) Во вводной части необходимо дать определение основных терминов, применяемых в Законе. В первую очередь, это определение государства как субъекта гражданско-правовых отношений. Применительно к Республике, исходя из сложившихся реалий, это будут: Совет Министров, уполномоченные им республиканские органы государственного управления, Управление делами Президента Республики Беларусь, областные исполнительные комитеты и Минский городской исполнительный комитет, а также иные государственные органы, юридические лица и граждане, уполномоченные законом Республики Беларусь, декретом, указом или распоряжением Президента Республики Беларусь выступать от имени Республики Беларусь. Иностранное государство – это органы и лица, наделенные соответствующим государством выступать от имени этого иностранного государств.

Здесь же во вводной части также необходимо провести отграничение иммунитета государства от иммунитетов, на которые закон не распространяется. К таким иммунитетам следует отнести:

1) Иммунитеты дипломатических представительств, консульских учреждений, специальных миссий, представительств при международных организациях или делегаций в органах международных организаций или на международных конференциях;

2) иммунитеты лиц, работающих в дипломатических представительствах, консульских учреждениях, при международных организациях или делегациях в органах международных организаций и международных конференциях.

В основной части законопроекта должны быть определено основополагающее начало, на котором базируется закон, – это установление иммунитета Республики Беларусь и иностранного государства за отдельными исключениями, которые следует оговорить особо.

К исключениям из иммунитета Республики Беларусь и иностранного государства следует отнести:

1) согласие иностранного государства на юрисдикцию суда Республики Беларусь или согласие Республики Беларусь на юрисдикцию иностранного суда;

2) фактическое участие иностранного государства или Республики Беларусь в судебном разбирательстве, когда они не заявляют при этом о наличии у них судебного иммунитета;

3) предъявление встречного иска к иностранному государству или Республике Беларусь, если они сами были инициаторами возбуждения разбирательства в суде Республики Беларусь или в суде иностранного государства, и при этом встречный иск основан на тех же фактах, что и первоначальный иск;

4) предъявление иска к иностранному государству в суде Республики Беларусь или Республики Беларусь в иностранном суде по спорам о возмещении вреда в случае смерти или причинении телесного повреждения физическому лицу, вызванному фактом, имевшим место на территории Республики Беларусь или на территории иностранного государства, и исковые требования по которому предъявляются иностранному государству или Республике Беларусь.

Применительно к согласию Республики Беларусь на юрисдикцию иностранного суда следует сделать оговорку, что оно может содержаться:

а) в международном договоре;

б) гражданско-правовом договоре;

в) письменном уведомлении иностранного суда от имени Республики Беларусь;

г) специальном заявлении представителя Республики Беларусь, сделанном в суде иностранного государства.

Наиболее проблемным является вопрос об иммунитете государства в случае коммерческой деятельности государства. Представляется, что иностранному государству в судах Республики Беларусь, а Республике Беларусь в иностранных судах не могут быть предъявлены иски в связи с коммерческой деятельностью. В таких случаях контрагенты государства могут обеспечивать свои интересы, требуя включения в контракты с государством пункта об отказе от иммунитета, как это и происходит в правоприменительной деятельности.

Закон должен содержать разделение судебного иммунитета, иммунитета от предварительного обеспечения иска и иммунитета от исполнения судебного решения. В связи с этим отдельная норма права должна регулировать иммунитеты от принятия обеспечительных мер и от исполнения решения иностранного суда в отношении государства. Применительно к двум названным иммунитетам за иностранным государством или Республикой Беларусь следует признать безусловное право на них за исключением случаев, когда:

1) иностранное государство или Республика Беларусь прямо выразили согласие на отказ от указанных видов юрисдикционных иммунитетов; либо

2) иностранное государство или Республика Беларусь зарезервировали или иным образом обозначили собственность на случай удовлетворения иска, являющегося объектом разбирательства.

В законе необходимо также указать особые категории собственности, используемые исключительно в целях осуществления суверенной деятельности государства, в результате чего такая собственность не может быть объектом исковых претензий. К такой собственности следует отнести:

1) собственность, в том числе любой банковский счет, используемую дипломатическим представительством государства или его консульским учреждением, представительством при международной организации, специальной миссией или делегацией для выполнения своих функций;

2) собственность военного характера или используемую либо предназначенную для использования в военных целях или в миротворческих операциях;

3) собственность центрального банка или иного главного финансового учреждения государства;

4) собственность, относящуюся к культурному наследию государства или часть его архивов;

5) собственность, составляющую объекты, которые представляют научный, культурный или исторический интерес.

Из всех перечисленных категорий собственности, как нам представляется, следует особо выделить собственность национального банка. Иммунитет собственности национального банка признается в большинстве государств мира, поскольку им выполняются суверенные функции. При этом активы центральных банков в США и Великобритании полностью освобождены от применения к ним мер принудительного исполнения [220, с.76]. В январе 2000 года на заседании правительства Российской Федерации было принято решение о том, что все соглашения, касающиеся государственных финансовых обязательств, должен подписывать Центральный банк России. Это решение было принято как реакция на дело швейцарской компании «Noga», которое в то время еще не было закрыто. Данная норма должна быть обязательно закреплена в законе, и иммунитет Национального банка Республики Беларусь необходимо активно использовать в отношениях Республики Беларусь с иностранными физическими и юридическими лицами, поскольку он имеет всеобщее признание, в том числе, в государствах, находящихся на позиции функционального иммунитета.

Отдельная статья должна регулировать акты суверенной власти государства. В этом случае иностранному государству в Республике Беларусь или Республике Беларусь в иностранном государстве должен предоставляться безусловный иммунитет в соответствии с доктриной акта государства.

В заключительных статьях проекта закона следует определить правовой статус иностранного государства в гражданском процессе в Республике Беларусь, для чего необходимо отразить следующие основные положения:

1) вопрос о наличии судебного иммунитета у иностранного государства по конкретному делу решается в судебном заседании с вызовом сторон;

2) разбирательства по делам с участием иностранного государства производятся судами Республики Беларусь по правилам судопроизводства Республики Беларусь;

3) суд Республики Беларусь может обращаться в Министерство иностранных дел Республики Беларусь с запросом относительно того, является ли сторона, участвующая в процессе, иностранным государством и имело ли место в деятельности иностранного государства издание суверенных актов, если это стало основанием для предъявления к нему иска;

4) вынесение решения в отношении иностранного государства, не принявшего участие в разбирательстве в суде Республики Беларусь, возможно при условии:

а) соблюдены требования по надлежащему уведомлению иностранного государства о времени и месте судебного разбирательства;

б) с момента направления судебных документов иностранному государству прошло не менее шести месяцев;

в) в соответствии с положениями рассматриваемого закона иностранное государство не пользуется иммунитетом.

Таким образом, принятие закона об иммунитете государства в Республике Беларусь будет иметь как теоретическую, так и практическую значимость. Закон должен, на наш взгляд, иметь комплексный и системный характер, регулировать не только иммунитет иностранного государства, но и Республики Беларусь. Это объясняется тем, что действует значительное количество заключенных от имени Республики Беларусь инвестиционных и концессионных договоров с иностранными инвесторами. К ним добавятся и договоры о государственно-частном партнерстве в связи с вступлением в силу Закона «О государственно-частном партнерстве». При осуществлении действий от имени Республики Беларусь уполномоченные должностные лица должны четко представлять правовые последствия своих действий и быть компетентными в вопросе иммунитетов государства, чтобы не ставить юридическую безопасность Республики Беларусь под угрозу.

По поводу тезиса о том, что «...государство не может решать вопрос о собственном юрисдикционном иммунитете государства в суде иностранного государства на базе своего национального законодательства», следует отметить следующее. В пункте 2 статьи 8 Конвенции ООН 2004 года установлено: «Государство не рассматривается как согласившееся на осуществление юрисдикции судом другого государства, если оно вступает в разбирательство или предпринимает какое-либо другое действие с единственной целью:

а) сослаться на иммунитет; или

б) привести доказательства своего права или интереса в отношении собственности, которой касается разбирательство» [122].

Из этого следует, что представитель государства имеет право приводить доказательства наличия иммунитета государства, которое он представляет, ссылаясь и на национальное право.

В Федеральном законе Российской Федерации от 3 ноября 2015 года в пункте 2 статьи 4 определено: «Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных отношений Российской Федерации, в порядке, установленном процессуальным законодательством Российской Федерации, дает заключения по вопросам предоставления юрисдикционных иммунитетов Российской Федерации и ее имуществу в иностранном государстве» [123, с.2].

Таким образом, выше приведенный тезис о невозможности представителя государства на основе национального права заявлять о наличии иммунитета, не выдерживает критики ни с позиции международного права, ни права отдельных государств.

Предлагаемый закон в случае его принятия будет иметь значение закона *lex specialis*, в соответствии с которым должны быть приведены все действующие нормы, касающиеся иммунитета иностранного государства, а также Республики Беларусь, во всех нормативных правовых актах.

Представляется, что Закон Республики Беларусь «Об иммунитете Республики Беларусь и иностранного государства» будет способствовать созданию правовой основы в сложной сфере межгосударственных отношений и позволит государственным органам и должностным лицам принимать правильные и эффективнее решения, отвечающие национальным интересам.

В результате исследования участия Республики Беларусь, ее административно-территориальных единиц и иностранного государства в гражданско-правовых отношениях сформулированы следующие выводы и внесены предложения:

1) Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы принимают участие в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных с другими участниками этих правоотношений – физическими и юридическими лицами. При этом к ним применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в гражданских правоотношениях, если иное не вытекает из законодательства и особенностей указанных субъектов;

2) Переход к рыночной экономике требует активной деятельности Республики Беларусь по привлечению иностранных капиталов в экономику страны. Потенциальные зарубежные инвесторы являются преимущественно частными лицами, что обусловило появление еще одной важной сферы гражданско-правовых отношений с участием государства – инвестиционного законодательства. Однако в правовом отношении заключение и расторжение инвестиционных, концессионных договоров и соглашений о государственно-частном партнерстве требует совершенствования правовых норм, регулирующих эту сферу. Конкретные предложения заключаются в

следующем: 1) исключить часть 1 статьи 17 Закона «Об инвестициях» как не имеющую реального предмета регулирования; 2) исключить из пункта 4 главы 2 Положения о порядке заключения, изменения и прекращения инвестиционных договоров между инвестором (инвесторами) и Республикой Беларусь требования о предоставлении инвестором (инвесторами) проекта инвестиционного договора и его электронной копии, а также требования копии документов, подтверждающих намерения инвестора (инвесторов) заключить инвестиционный договор; 3) выработать общегосударственный типовой договор для всех иностранных инвесторов, где будут предусмотрены основные условия, на основе которого заключать договоры со всеми инвесторами; 4) конкретизировать порядок расторжения инвестиционных договоров, предусмотрев равенство прав инвестора на расторжение инвестиционного договора с государственными органами, выступающими от имени государства; 5) предоставить концессионеру, исходя из принципа равенства сторон в договоре, право одностороннего отказа от договора по таким основаниям как изменение его финансового положения, изменения законодательства, ухудшившего его положение; 6) предоставить административно-территориальным единицам право заключать соглашения о государственно-частном партнерстве; 7) включить в Закон «Об инвестициях» правовые нормы, предоставляющие право административно-территориальным единицам быть полноправными субъектами инвестиционных правоотношений.

3) Теория функционального иммунитета государства предполагает распространение понятия «государство» и на коммерческие образования, в которых государству принадлежит более 50 % собственности. В результате такого подхода на государство может возлагаться ответственность по обязательствам коммерческих образований с преобладанием государственной собственности, а также возможна и обратная ситуация с возложением ответственности по обязательствам государства, как правило, установленной иностранным судебным или арбитражным решением на государственное коммерческое образование. Для Республики Беларусь, где собственность государства в производственной сфере составляет около 80%, это означает, что государственные предприятия должны быть предельно осторожны и осмотрительны в своих обязательствах в отношениях с западными иностранными партнерами, чтобы не создавать ситуации перенесения ответственности за неисполнение своих обязательств на государство. Данные выводы были изложены в Информационном письме, направленном в Министерство экономики Республики Беларусь. Получен положительный ответ с выражением благодарности за представленную информацию от Министерства экономики.

Также обоснован вывод, что размещение государственных ценных бумаг за границей целесообразнее производить через Национальный банк, поскольку в этом случае они будут защищены иммунитетом государства как собственность, используемая в некоммерческих целях.

4) Проведенный сравнительно-правовой анализ участия иностранных государств и Республики Беларусь в отношениях интеллектуальной собственности позволил сделать вывод о необходимости возвращения Республике Беларусь статуса субъекта интеллектуальной собственности.

Предложено установить статус Республики Беларусь как субъекта имущественных прав в авторском праве и смежных правах путем внесения в ГК и Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 года статьи, предоставляющей имущественные права Республике Беларусь на объекты авторского права и смежных прав, созданные по заказу государства и на его средства или переданные авторами и исполнителями на условиях издания или демонстрации их произведений или в порядке наследования.

Для установления правосубъектности Республики Беларусь в отношениях промышленной собственности внесено предложение дополнить ГК Республики Беларусь и Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели и промышленные образцы» от 16 декабря 2002 года статьей, предоставляющей Республике Беларусь право на получение патента и исключительное право на изобретение, полезную модель или промышленный образец, если изобретение, полезная модель или промышленный образец явились результатом выполнения научно-технических работ по государственным программам, которые осуществлялись за счет бюджетного финансирования.

5) Противоречивые тенденции выявлены при рассмотрении проблемы возмещения ущерба, причиненного государством физическим и юридическим лицам. Принятие закона США «Правосудие против спонсоров терроризма» (Justice Against Sponsors of Terrorism Act, JASTA) свидетельствует о расширении возможности предъявления исков к государствам на основании причинения вреда физическим лицам. В то же время постановления конституционных судов Италии и России установили ограничения на исполнение решений международных судов, если они противоречат конституции страны.

Сделан вывод об актуальности для Республики Беларусь защиты престижа государства на международном уровне. Для закрепления правовой основы, предъявления исков для возмещения ущерба государству, предлагается включить в Гражданский кодекс специальную статью 15 (прим) «Возмещения ущерба, причиненного престижу государства на международном уровне».

Предложения, касающиеся предъявления иска к Международная федерация гребли на байдарках и каноэ (ICF) от имени Республики Беларусь были направлены в Национальный олимпийский комитет Республики Беларусь. Получен ответ из НОК, где выражается благодарность за предложения, которые приняты к сведению.

6) Анализ содержания статьи 1114 ГК Республики Беларусь выявил ее противоречие правовой доктрине, международной судебной практике и

международным договорам, если эта норма применяется к правоотношениям с участием государства. В связи с этим предлагается дополнить названную статью нормой, в которой будет специально регулироваться применимое право в гражданско-правовых отношениях с участием государства, если стороны не избрали применимое право.

7) Законодательство Республики Беларусь исходит из наличия иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными юридическими и физическими лицами, что проявляется в отказе от иммунитета государства в инвестиционных договорах, заключаемых от имени Республики Беларусь. В связи с этим в законы Республики Беларусь «Об инвестициях» и «О государственно-частном партнерстве» предлагается внести статью, аналогичную по содержанию статье 36 Закона «О концессиях», предусматривающую возможность отказа от иммунитета государства в инвестиционных договорах и соглашениях о государственно-частном партнерстве, заключаемых от имени Республики Беларусь или административно-территориальной единицы. Обоснован вывод: передача споров между государством и инвестором на рассмотрение арбитража, содержащаяся практически во всех соглашениях Республики Беларусь о поощрении и взаимной защите инвестиций, фактически является формой отказа от судебного иммунитета государства.

8) Проведенный анализ национального законодательства, регулирующего участие иностранного государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом, позволил выявить существенные правовые проблемы и пробелы в ГК, ГПК и ХПК, а также явное противоречие между статьей 553 ГПК и статьей 239 ХПК в вопросе регулирования иммунитета иностранного государства. Для устранения указанных правовых пробелов и противоречия в действующем законодательстве Республики Беларусь предлагается:

а) Принять специальный Закон «Об иммунитете Республики Беларусь иностранного государства»;

б) В отношениях Республики Беларусь с государствами, перешедшими к функциональному иммунитету государства в гражданско-правовых отношениях, предлагается использовать принцип взаимности.

в) Включить иностранное государство в перечень субъектов, обладающих процессуальными правами, в статью 541 ГПК и статью 1 ХПК Республики Беларусь.

г) Для устранения противоречия между ГПК и ХПК в вопросе о предъявлении иска к иностранному государству, обеспечения иска и обращения взыскания на имущество иностранного государства, находящееся в Республике Беларусь, в первом предложении первого абзаца статьи 239 ХПК после слов «иностранное государство» исключить слова «выступающее в качестве суверена».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Государство участвует в частноправовых отношениях еще со времен Древнего Рима, о чем свидетельствуют исследования дореволюционных российских юристов В.Б. Ельяшевича, И.А. Покровского, Д.И. Мейера, Ф.Ф. Мартенса. В гражданско-правовых отношениях в Древнем Риме, а в XIX веке в России от имени государства, по мнению исследователей, выступала казна – «денежный кошелек государства». Советское государство в силу особенностей социалистической экономической модели участвовало в более широком круге гражданско-правовых отношений, в числе которых были и отношения с иностранным элементом. В конце 40-х годов XX столетия классиком советского гражданского права С.Н. Братусем был сделан вывод о том, что государство в гражданско-правовых отношениях не является юридическим лицом: оно особый субъект гражданского права.

Проведенное исследование участия государства в частноправовых отношениях с иностранным элементом позволило сделать вывод о сохранении им своего важнейшего качества – суверенитета. Это дает основание определить статус государства в названных правоотношениях как суверенного субъекта. В теоретическом плане предложенный статус заменяет статус государства как особого субъекта гражданско-правовых отношений, принятый еще в советской цивилистической доктрине.

2. В международных актах нет единства подхода в определении органов, имеющих право выступать от имени государства в гражданско-правовых отношениях. Данный вопрос имеет не только теоретическое, но непосредственное практическое значение, поскольку от его решения зависит предоставление государству юрисдикционных иммунитетов в указанных правоотношениях. На основании анализа действующих нормативных правовых актов Республики Беларусь можно констатировать, что от имени государства в частноправовых отношениях могут выступать Правительство Республики Беларусь, уполномоченные им республиканские органы управления, Управление делами Президента Республики Беларусь, областные исполнительные и Минский городской исполнительный комитеты. Данный перечень государственных органов, имеющих право выступать от имени государства, является открытым, поскольку его расширение возможно в соответствии с пунктом 3 статьи 125 ГК Республики Беларусь. Выявлены существенные недостатки формулировки названного пункта, на основании чего предложена новая редакция пункта 3 статьи 125 ГК.

Сделан вывод, что для определения органов и лиц, имеющих право выступать от имени иностранного государства, должно применяться право конкретного иностранного государства-участника правоотношения.

Также установлено, что участвуя в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом от имени Республики Беларусь, государст-

венные органы и должностные лица представляют не соответствующий орган или должностное лицо, а непосредственно само государство.

3. Сделан теоретический вывод о возникновении иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными субъектами в результате применения доктрина акта государства. Названная доктрина требует предоставления безусловного иммунитета государству от исков, оспаривающих правовые акты государства, принятые им в осуществление своего внутреннего суверенитета. Также установлено, что иммунитет государства закрепился в международном праве в качестве общего принципа, действующего в международном публичном и международном частном праве, поскольку его возникновение произошло еще до того времени, когда международное частное право выделилось из международного публичного права в качестве самостоятельной юридической дисциплины. Практическая реализация иммунитета государства возможна при использовании двух теорий: абсолютного иммунитета и функционального или ограниченного иммунитета государства. При действии теории абсолютного иммунитета государство в гражданско-правовых отношениях является полным бенефициаром иммунитета, когда его ограничение возможно только в силу волеизъявления самого государства. Теория функционального или ограниченного иммунитета предполагает сохранение принципа в случае публично-правовых действий государства, и его ограничение судом иностранного государства или арбитражем при частноправовых действиях.

Названная теория известна с 80-х годов XIX столетия, в результате чего неверно представлять ее как новое прогрессивное явление в юридической науке. Окончательному утверждению теории функционального иммунитета в качестве ведущей в реализации принципа иммунитета государства препятствуют следующие факторы:

1) отсутствие четких критериев, на основании которых можно отличить частноправовые действия государства от публично-правовых действий;

2) осторожная позиция международных судов, которые принимают решения в пользу иммунитета государства даже в случаях, когда вопрос касается материального возмещения жертвам нарушения фундаментальных прав человека, произошедших по вине государства;

3) непоследовательность политики государств-инициаторов теории функционального иммунитета в следовании ей, если это угрожает их интересам (пример – позиция президента США Б. Обамы при принятии Конгрессом закона «Правосудие против спонсоров терроризма»);

4) отсутствие примеров в мировой практике добровольного согласия государства на выполнение решения иностранного суда.

Обоснована вероятность дальнейшего параллельного существования теории абсолютного и функционального иммунитета государства в международном частном праве в обозримом будущем.

4. На региональном и мировом уровне не удалось провести достаточно широкую кодификацию иммунитетов государства: в Брюссельской конвенции участвует немногим более двадцати государств, в Европейской конвенции 1972 года – только восемь участников из двадцати восьми членов Европейского Союза. На 01.01.2017 года Конвенцию ООН 2004 года ратифицировали 21 государство, при этом в течение 2016 года ратификационные грамоты не сдавались.

В то же время сделан вывод, что кодификация в этой области правоотношений целесообразна и необходима для достижения единой согласованной позиции государств по вопросу их иммунитетов в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом.

5. Исследование участия государства в юридических лицах позволило сделать вывод о применяемой в мире практике отождествления таких лиц с государством, если ему принадлежит более 50% собственности юридических лиц. В частности, такой подход принят в странах, перешедших на позицию функционального иммунитета государства. Результатом этого является возложение ответственности на государство по обязательствам государственных юридических лиц, а также обратная ситуация: привлечение к ответственности юридических лиц по обязательствам государства. Это дало основание констатировать возможность предъявления к Республике Беларусь требований по обязательствам белорусских государственных предприятий в странах, где принята теория функционального иммунитета.

Проведенный сравнительно-правовой анализ участия иностранных государств и Республики Беларусь в отношениях интеллектуальной собственности позволил сделать вывод о необходимости возвращения Республике Беларусь статуса субъекта интеллектуальной собственности, что мотивируется необходимостью более эффективного использования интеллектуальной собственности, созданной за счет государственного финансирования.

Для Республики Беларусь особую значимость имеет заключение инвестиционных и концессионных договоров с иностранными инвесторами. В то же время в правовом отношении заключение и расторжение инвестиционных и концессионных договоров требует совершенствования правовых норм, регулирующих эту сферу.

6. Для регулирования отдельных вопросов участия Республики Беларусь в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом, на наш взгляд, целесообразны следующие изменения и дополнения в ГК:

а) изложить пункт 3 статьи 125 ГК в следующей редакции: «В порядке, определенном законом Республики Беларусь, декретом, указом или распоряжением Президента Республики Беларусь от имени Республики Беларусь могут выступать иные государственные органы, не упомянутые в настоящей статье, а также юридические лица и граждане.

Органы местного управления и самоуправления в рамках их компетенции могут поручать выступать от имени административно-территориальных единиц юридическим лицам и гражданам»;

б) дополнить главу 61 ГК «Авторское право и смежные права» и Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 года следующей статьей №№ «1. Имущественные права на объекты авторского права и смежных прав, созданные на основании договора по заказу государства и на его средства принадлежат Республике Беларусь.

2. Республике Беларусь принадлежат имущественные права авторов и исполнителей, переданные авторами и исполнителями на условиях издания или демонстрации их произведений или в порядке наследования»;

в) дополнить главу 2 ГК «Возникновение гражданских прав и обязанностей, осуществление и защита гражданских прав» статьей следующего содержания:

№15 (прим.) «В случае совершения действий, негативно влияющих на позитивный имидж Республики Беларусь в мире и причинивших ущерб ее престижу на международном уровне, виновным может быть предъявлен иск о материальном возмещении ущерба от имени Республики Беларусь»;

г) внести дополнение в статью 1114 ГК Республики Беларусь следующего содержания: «В случае если в правоотношении с участием государства, участники не избрали применимое право, должно применяться право государства-участника правоотношения».

7. Исключить из статьи 17 Закона «Об инвестициях» часть 1 как не имеющую реального предмета регулирования. Конкретизировать порядок расторжения инвестиционных и концессионных договоров, предусмотрев равенство прав инвестора на расторжение названных договоров с органами, выступающими от имени государства.

8. Для единообразного регулирования иммунитетов государства в инвестиционном законодательстве в Закон «Об инвестициях» и Закон «О государственно-частном партнерстве» внести статьи, аналогичные статье 36 Закона Республики Беларусь «О концессиях», предусматривающую отказ Республики Беларусь в инвестиционных договорах и соглашениях о государственно-частном партнерстве от иммунитета государства.

9. Указать в статье 541 ГПК и статье 1 ХПК, в которых перечисляются субъекты международных процессуальных правоотношений, иностранное государство в числе участников названных правоотношений.

10. С целью устранения противоречия между статьей 553 ГПК и статьей 239 ХПК Республики Беларусь по вопросу предоставления юрисдикционного иммунитета иностранному государству рекомендуется исключить из первого предложения абзаца 1 статьи 239 ХПК слова «выступающее в качестве суверена».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Австрийский акционер оспорил назначение экс-мэра Минска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.21.by/society/2017/01/26/1289837.html>. – Дата доступа: 29.05.2017.
2. Австрия и Франция вступились за ЮКОС. Россия грозит ответить той же монетой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarustoday.by/news/view/193472>. – Дата доступа: 19.06.2017.
3. Акционеры ЮКОСа уведомили Россию о подаче апелляции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/.../578cf7309a7947603e0e28faэке-ЮКОСа>. – Дата доступа: 30.05.2017.
4. Аль-Адсани против Соединенного королевства. Жалоба № 35763/97. Постановление от 21 ноября 2001 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rroi.narod.ru...al-adsani.htm>. – Дата доступа: 08.06.2017.
5. Андреев, Ю.Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты / Ю.Н. Андреев. – СПб: Юридический центр Пресс, 2013. – 374 с.
6. Ануфриева, Л.П. Международное частное право: учебник: в 3 т. / Л.П. Ануфриева. – М.: Изд-во БЕК, 2000. – Т. 2: Особенная часть. – 644 с.
7. Ануфриева, Л.П. Проблемы иммунитета государства в международном праве / Л.П. Ануфриева // Материалы научно-практической конференции «60 лет кафедре международного права МГЮА имени О.Е. Кутафина». – М.: Проспект, 2010. – С. 26–31.
8. Арбитраж принял иск на 13 млрд. долларов по делу ЮКОСа против России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/news/2017/02/17/yukos/>. – Дата доступа: 17.06.2017.
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: в ред. ФЗ от 28.06.2014 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.
10. Арбитражный суд Москвы обязал США вернуть России книги Шнеерсона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/571277>. – Дата доступа: 07.06.2017.
11. Аргентина отрицает продиктованное американским судьей решение [Электронный ресурс] // Пренса Латина. – Режим доступа: <http://www.prensalatina.ru/index.php?com>. – Дата доступа: 18.06.2017.
12. Армстронг не сможет заблокировать иск правительства США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://desporter.com.ua/posts/8691>. – Дата доступа: 02.06.2017.
13. Белова, Т.А. Международный гражданский процесс: практикум для студентов спец. 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономиче-

ское право», 1-24 01 01 «Международное право» / Т.А. Белова, О.Н. Романова. – Минск: БГУ, 2009. – 58 с.

14. Блищенко, И.П. Прецеденты в международном публичном и частном праве / И.П. Блищенко, Ж. Дориа. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во МНИМП, 1999. – 472 с.

15. Богуславский, М.М. Иммунитет государства / М.М. Богуславский. – М.: Изд-во Института международных отношений, 1962. – 169 с.

16. Богуславский, М.М. Международное частное право: практикум / М.М. Богуславский. – М.: Юристъ, 2002. – 304 с.

17. Богуславский, М.М. Международное частное право: учебник / М.М. Богуславский. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2006. – 606 с.

18. Богуславский, М.М. Проблемы международного частного права в законодательстве и договорно-правовой практике КНР / М.М. Богуславский // Государство и право – 1987. – № 1. – С. 101–107.

19. Боден, Ж. Шесть книг о государстве / Ж. Боден // Антология мировой политической мысли: в 5 т. / [Нац. обществ.-науч. фонд, Акад. полит. науки]; ред.-науч. совет: Г.Ю. Семигин (пред.) [и др.]. – Т. 2: Зарубежная политическая мысль XX в. / [ред.-сост.: Г.К. Ашин, Е.Г. Морозова]. – М.: Мысль, 1997. – С.689-695.

20. Брагинский, М.И. Участие государства в гражданских правоотношениях / М.И. Брагинский – М.: Юрид. литература, 1981. – 192 с.

21. Братусь, С.Н. Субъекты гражданского права / С.Н. Братусь – М.: Юрид. литература, 1950. – 287 с.

22. Братусь, С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). Ученые труды. Выпуск XII / С.Н. Братусь – М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1947. – 363 с.

23. Броунли, Я. Международное право / Я. Броунли; пер. с англ. С.Н. Андриновой. – М.: Прогресс, 1977. – Кн.1. – 535 с.

24. Брюссельская конвенция для унификации некоторых правил относительно иммунитета государственных торговых судов // *Material son jurisdictional immunities of states and the irproperty*. – New-York, 1982. – P.173-175.

25. Бюджетный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 2008 г. №412-З: принят Палатой представителей 17 июня 2008 г.: одобрен Советом Республики 28 июня 2008 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 18.10.2016 г. №430-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

26. В МИД России прокомментировали преодоление вето Обамы на Закон об исках к Эр-Рияду [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/.../323622-v-mid-rossii-prokommentirovali-preodolenie-veto-obamy>. – Дата доступа: 02.06.2017.

27. В ответе за государство: юристы увидели риски госкорпораций от дела ЮКОСа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/15/09/2015/55f1c14e9a79476360f26f89>. – Дата доступа: 26.05.2017.

28. Взаимный арест как ответная мера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/11/06/arest.htm>. – Дата доступа: 03.06.2017.

29. Виткявичюс, П.П. Гражданская правосубъектность советского государства / П.П. Виткявичюс. – Вильнюс: «Минтис», 1978. – 190 с.

30. Всеобщая декларация прав человека // Международные акты о правах человека: Сб. док. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2000. – С. 39–43.

31. Второй доклад о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, подготовленный специальным докладчиком господином С. Сучариткулум // Ежегодник комиссии международного права. Организация Объединенных Наций, 1980. – Т. 2. Часть первая. – С. 240–262.

32. Гаганов, А.А. Кого защитит юрисдикционный иммунитет? [Электронный ресурс] / А.А. Гаганов. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/kogo-zaschitit-jurisdiksiionnyj-immunitet>. – Дата доступа: 23.05.2017.

33. Гетьман-Павлова, И.В. Международное частное право: учебник для бакалавров и специалистов / И.В. Гетьман-Павлова. – М.: Юрайт, 2011. – 511 с.

34. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998 г. № 218–З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 09.01.2017 г. № 14-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

35. Гражданский кодекс Республики Беларусь. Утвержден Законом Республики Беларусь 11 июня 1964 года. Введен в действие с 1 января 1965 года. – Минск: Амалфея, 1994. – 240 с.

36. Гражданский кодекс Республики Казахстан // The Kazakh civil code: с изм. и доп. / Ассоц. «Юрид. центр»; [Науч. ред. и предисл. Н.Э. Лившиц; вступ. ст. И.П. Грешникова]. – СПб.: Юрид. центр пресс, 2002. – 1027 с. – (Законодательство зарубежных стран: ЗЗС).

37. Гражданский кодекс Российской Федерации, 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – С.4-6.

38. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Интеллектуальная собственность [Электронный ресурс]: принят Государственной Думой 24 ноября 2006 г.; одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

39. Гражданский кодекс. Часть третья. Модель. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств: принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-

участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. // Приложение к «Информационному бюллетеню». – 1996. – № 10.

40. Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения, 7 августа 1998 года №ЗР-247 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31419432. – Дата доступа: 25.05.2017.

41. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан, 13 июля 1999 года №411-І [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013921. – Дата доступа: 03.06.2017.

42. Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого / Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев, А.А. Иванов [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 1998. – Ч. 1. – 625 с.

43. Гражданское право: учебник: в 2 ч. / под общ. ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 2000. – Ч. 1. – С. 361–362.

44. Декларация независимости Соединенных Штатов Америки, 4 июля 1776 года // Международные акты о правах человека: сб. док. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2000. – С. 21–24.

45. Декларация о принципах международного права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/...shtml>. – Дата доступа: 26.05.2017.

46. Декларация прав человека и гражданина 1789 года // Международные акты о правах человека: Сб. док. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2000. – С. 32–34.

47. Договор между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Минске 21 февраля 1994 г.) // Вед. Верх. Совета Респ. Беларусь. – 1995. – № 26. – Ст. 353–354.

48. Договор между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Вильнюсе 20 октября 1992 г.) // Вед. Верх. Совета Респ. Беларусь. – 1993. – № 17. – Ст. 202.

49. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам (подписан в г. Минске 26 октября 1994 г.) // Вед. Верх. Совета Респ. Беларусь. – 1995. – № 27. – Ст. 358.

50. Доклад Комиссии международного права ООН. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН. Пятьдесят шестая сессия. Дополнение №10 (А/56/10). – Нью-Йорк, 2001. – С. 12–380.

51. Дюги, Л. Общество, личность и государство. Сущность конституции: [Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства, Лекции, прочит. в Высш. школѣ соц. наукъ в Парижѣ: Рѣчь, произнесенная в Берлинѣ в 1862 г. / Л. Дюги. Ф [ердинандъ] Лас-

саль; пер. А. Бэтта]; Съ портр. автора и предисл. Эд. Бернштейна. – СПб.: «Вѣстникъ знанія» (В.В. Битнера), 1914. – 77 с.

52. Европейская конвенция об иммунитете государств (ETS №74). Таблица подписей и ратификации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/ChercheSig.asp?NT=074&CM=&DF=&CL=RUS>. – Дата доступа: 24.05.2017.

53. Европейская конвенция об иммунитете государств (заключена в г. Базеле 16 мая 1972 года) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

54. Ельяшевич, В.Б. Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве / В.Б. Ельяшевич. – СПб.: Типо-лит. Шредера, 1910. – 488 с.

55. ЕСПЧ присудил бывшим владельцам ЮКОСа 1,86 млрд. евро в качестве компенсации по жалобе против России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsru.com/world/31jul2014/espch.html>. – Дата доступа: 15.06.2017.

56. Жуков, В.А. Юрисдикционные иммунитеты государств – вызов времени для России / В.А. Жуков // Юридический мир. – 2010. – № 3. – С. 23–35.

57. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Международные акты о правах человека: сб. док. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2000. – С. 641–645.

58. Заседание Конституционного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/ru/Sessions/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=154>. – Дата доступа: 15.06.2017.

59. Инвестиционный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 22 июня 2001 г. № 37-3: принят Палатой представителей 30 мая 2001 г.: одобрен Советом Республики 8 июня 2001 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.07.2013 г. № 53-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

60. Кабатова, Е.П. Изменение роли коллизионного метода в международном частном праве // Международное частное право: современная практика: сб. статей / под ред. М.М. Богуславского и А.Г. Светланова. – М.: ТОН – Остожье, 2000. – С. 5–16.

61. Казахстан ратифицировал Конвенцию ООН «О юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/news.asp?id=107349>. – Дата доступа: 01.06.2017.

62. Камаровский, Л.О. О съезде Института международного права в Гамбурге в 1891 году / Л.О. Камаровский. – М., 1892. – Т. XII. Кн. 4. – С. 596–600.

63. Кельман, Е. Советское право перед иностранными судами / Е. Кельман. – Харьков: Юридическое изд-во Наркомюста УССР, 1928. – 118 с.
64. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.В. Яркова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфатроник Медиа, 2011. – 1112 с.
65. Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, 10 декабря 1982 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
66. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс]: Конвенция, 22 января 1993 г. (Минск): в ред. от 28.03.1997 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
67. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс]: Конвенция, 7 октября 2002 г. (Кишинев) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
68. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, 10 июня 1958 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
69. Конгресс США преодолел вето Обамы на Закон об исках по терактам 11 сентября к Саудовской Аравии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusjev.net/2016/09/29/kongress-ssha-preodolel-veto-obamyi-na-zakon-ob-iskah-po-teraktam-11-sentyabrya-k-saudovskoy-aravii/>. – Дата доступа: 10.06.2017.
70. Констан, Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления / Б. Констан // Французский классический либерализм. – М.: РОССПЭН, 2000. – 592 с.
71. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 года и 17 октября 2004 года). – Минск: Амалфея, 2012. – 48 с.
72. Корецкий, В.М. «Общие принципы права» в международном праве / В.М. Корецкий. – Киев: Изд-во Академии наук Укр. ССР, 1957. – 52 с.
73. Корочкин, А.Ю. Закрепление оговорки об отказе государства от юрисдикционного иммунитета в инвестиционном законодательстве Республики Беларусь / А.Ю. Корочкин [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
74. Корочкин, А.Ю. Юрисдикционный иммунитет государств и их собственности / А.Ю. Корочкин // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2008. – № 8. – С. 91–104.

75. Кравченко, О.И. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.И. Кравченко; Ин-т философ. НАН Респ. Беларусь. – Минск, 1998. – 113 с.
76. Кривенкова, М.В. Особенности участия государства в предпринимательской деятельности международного характера / М.В. Кривенкова // *Международное публичное и частное право*. – 2012. – № 3. – С. 4–6.
77. Круглова, Г.А. Политология: учебное пособие / Г.А. Круглова. – Минск: Асар, 2009. – 304 с.
78. Лавров обвинил Госдеп в «вялой позиции» по делу библиотеки Шнеерсона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/politics/news/291551>. – Дата доступа: 10.06.2017.
79. Леанович, Е.Б. Международное частное право: учебное пособие для учебных заведений по юридическим специальностям / Е.Б. Леанович. – Минск: ИВЦ Минфина, 2008. – 360 с.
80. Лукашук, И.И. Международное право. Общая часть / И.И. Лукашук. – М.: Изд-во БЕК, 1999. – 367 с.
81. Лунц, Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. – М.: Спарк, 2002. – 1007 с.
82. Лунц, Л.А. Курс международного частного права: международный гражданский процесс / Л.А. Лунц, Н.И. Марышева. – М.: Юрид. лит., 1976. – 253 с.
83. Лунц, Л.А. Суд в Соединенных Штатах Америки на службе монополистического капитала / Л.А. Лунц – М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. – 36 с.
84. Манёнок, Т. Призрак «золотой акции»: госпредставители в ОАО [Электронный ресурс] / Т. Манёнок. – Режим доступа: http://www.zautra.by/art.php?sn_nid=15600. – Дата доступа: 26.05.2017.
85. Маньковский, И.А. Субъекты гражданского права / И.А. Маньковский, С.С. Вабищевич. – Минск: Молодежное, 2010. – 495 с.
86. Мартенс, Ф.Ф. Современное право цивилизованных народов / Ф.Ф. Мартенс. – Т.2. – М.: Зерцало, 2008. – 468 с.
87. Международное право: учебник / отв. ред. Г.И. Тункин. – М.: Юрид. литература, 1974. – 592 с.
88. Международное публичное право. Общая часть: учебное пособие / Ю.П. Бровка [и др.]; под ред. Ю.П. Бровки, Ю.А. Лепешкова, Л.В. Павловой. – Минск: Амалфея, 2011. – 496 с.
89. Международное частное право: учебник / Г.К. Дмитриева [и др.]; Отв. ред. Г.К. Дмитриева. – 3-е изд. – М.: Проспект, 2010. – 656 с.
90. Международное частное право: учебное пособие / В.П. Мороз [и др.]; под ред. В.П. Мороза. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2016. – 496 с.
91. Мейер, Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. / Д.И. Мейер. – М.: Статут, 2000. – 831 с.

92. Миротворцы сбили фуникулер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/191857>. – Дата доступа: 10.06.2017.

93. Мухамедшин, И.С. Обеспечение государственных интересов в сфере интеллектуальной собственности / И.С. Мухамедшин // Интеллектуальная собственность в России и ЕС: сборник статей / Под ред. М.М. Богуславского и А.Г. Светланова. – М.: Волтер Клувер, 2008. – С. 21–67.

94. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь / под ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, И.А. Мирониченко. – Минск: Тесей, 2005. – 834 с.

95. Нешатаева, Т.Н. О судебных иммунитетах / Т.Н. Нешатаева // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 9. – С. 57–59.

96. Никитенко, П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П.Г. Никитенко. – Минск: Белорусская наука, 2006. – 478 с.

97. О внесении изменений и дополнений в Декрет Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Декрет Президента Республики Беларусь, 12 ноября 2015 г. № 8 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

98. О внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 3 марта 1994 г. № 2840-ХП // Вед. Верх. Совета Респ. Беларусь. – 1994. – № 13. – Ст. 183.

99. О внесении изменений и дополнений в Декрет Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 года № 10 [Электронный ресурс]: Декрет Президента Республики Беларусь, 6 июня 2011 г. № 4 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

100. О вопросах эмиссии и обращения акций с использованием иностранных депозитарных расписок [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 3 марта 2016 г. № 84 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

101. О государственном регулировании внешнеторговой деятельности [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 25 ноября 2004 г. № 347-З: принят Палатой представителей 29 октября 2004 г.: одобрен Советом Республики 10 ноября 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

102. О государственно-частном партнерстве [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 30 декабря 2015 г. № 345-З: принят Палатой представителей 10 декабря 2015 г.: одобрен Советом Республики 18 декабря 2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

103. О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 4 февраля 2013 г. № 59: в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 28.11.2016 г. № 431 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

104. О концессиях [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 12 июля 2013 г. № 63-З: принят Палатой представителей 26 июня 2013 г.: одобрен Советом Республики 28 июня 2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

105. О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящиеся на территории Российской Федерации: Федеральный Закон от 18 апреля 1998 года № 64-ФЗ // Российская газета, 1998. – 21 апреля. – С. 4.

106. О мерах по реализации Декрета Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 года № 10 [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 6 ноября 2009 г. № 1449: в ред. Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 10.03.2010 г. № 335 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

107. О мерах по реализации Декрета Президента Республики Беларусь от 6 июня 2011 года № 4 [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 6 августа 2011 г. № 1058: в ред. Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 19.02.2014 г. № 149 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

108. О мерах по реализации Декрета Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 года №10 [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 19 июля 2016 г. №563 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

109. О Национальной программе развития экспорта Республики Беларусь на 2011–2015 годы [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 23 мая 2011 г. № 656: в ред. Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 31.01.2012 г. № 106 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

110. О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, 31 октября 2011 г. № 21 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

111. О первоочередных мерах по правовой защите интересов государства в процессе экономического и гражданского оборота результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Российской Федерации, 29 сентября 1998 г. № 1132 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

112. О порядке наложения ареста и обращения взыскания на имущество, принадлежащее иностранному государству: Постановление ЦИК и СНК СССР, 14 июля 1929 г. // СЗ СССР. – 1929. – № 39. – Ст. 345.

113. О порядке проведения контроля внешнеторговых операций [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 27 марта 2008 г. № 178: в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 23.06.2017 г. № 221 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

114. О порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами [Электронный ресурс]: Вашингтонская Конвенция, 18 марта 1965 года // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

115. О практике рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, 2 декабря 2005 г. № 31: в ред. Постановления Пленума ВХС от 22.12.2006 г. № 19 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

116. О признании утратившими силу некоторых указов (отдельного положения Указа) Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 4 марта 2008 г. № 144 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

117. О приоритетных видах деятельности (секторах экономики) для осуществления инвестиций и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 26 февраля 2014 г. № 197 [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 12 мая 2016 г. № 372 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

118. О присоединении к Вашингтонской конвенции об урегулировании инвестиционных споров [Электронный ресурс]: Постановление Верх. Совета Респ. Беларусь, 24 апреля 1992 г. № 1649-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

119. О создании дополнительных условий для осуществления инвестиций в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Декрет Президента Респ.

публики Беларусь, 6 августа 2009 г. № 10: в ред. Декрета Президента Республики Беларусь от 12.11.2015 г. № 8 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

120. О Федеральной службе по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации, 24 мая 2011 г. № 673: в ред. Указа Президента Российской Федерации от 27.06.2012 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

121. О Центральном Банке Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]: Закон Азербайджанской Республики. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7435. – Дата доступа: 02.06.2017.

122. О юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности: Конвенция Организации Объединенных Наций (принята резолюцией 59/38 Генеральной Ассамблеи 2 декабря 2004 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://un.org/ru/documents/decl_conv/c. – Дата доступа: 02.06.2017.

123. О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации // Российская газета. – 2015. – 6 ноября. – С. 2.

124. Об имплементации международных норм и принципов в сфере обеспечения иммунитета государства и его собственности в законодательства государств-членов ЕврАзЭС [Электронный ресурс]: Постановление Бюро Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества, 14 ноября 2003 г. № 13. – Режим доступа: <http://www.busel.org/texts/cat9ad/id5fwreen.htm>. – Дата доступа: 01.06.2017.

125. Об инвестиционной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 29 мая 1991 г. № 824-ХІІ: в ред. Закона Республики Беларусь от 04.02.1994 г. № 2747-ХІІ // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

126. Об инвестициях [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 12 июля 2013 г. № 53-3: принят Палатой представителей 26 июня 2013 г.: одобрен Советом Республики 28 июня 2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

127. Об иностранных инвестициях на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 14 ноября 1991 г. № 1242-ХІІ: в ред. Закона Республики Беларусь от 05.12.1997 г. № 99-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

128. Об использовании результатов научно-технической деятельности [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Российской Фе-

дерации, 2 сентября 1999 г. № 982 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

129. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 9 ноября 2010 г. № 575: в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 24.01.2014 г. № 49 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

130. Об утверждении Методических рекомендаций о некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц и оказания правовой помощи [Электронный ресурс]: Постановление Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, 26.06.2013 г. № 25 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

131. Об утверждении Положения о внешних государственных займах и внешних займах, привлеченных под гарантии Правительства Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 18 апреля 2006 г. № 252: в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 28.11.2016 г. № 431 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

132. Об утверждении Положения о досудебном урегулировании споров (разногласий), связанных с осуществлением инвестиций [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 14 февраля 2012 г. № 146: в ред. Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 11.12.2013 г. № 1062 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

133. Об утверждении стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 годы [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 2 марта 2012 г. № 205: в ред. Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 19.01.2016 г. № 31 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

134. Об утверждении Устава федерального государственного учреждения Федеральное агентство по правовой защите результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения при Министерстве юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]: Приказ Министерства юстиции Российской Федерации, 16 ноября 2009 г. № 400 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

135. Общая теория государства и права: учебник / А.Ф. Вишневский [и др.]; под общ. ред. В.А. Кучинского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство деловой и учебной литературы, 2006. – 654 с.

136. Оппенгейм, Л. Международное право / Л. Оппенгейм; пер. с англ. – М.: Мир, 1948. – Т.1 (полутом 1). – 426 с.

137. Перкинс, Дж. Исповедь экономического убийцы / Дж. Перкинс. – М.: Претекст, 2012. – 352 с.

138. Петрушкевич, Е.Н. Совершенствование инвестиционного законодательства для привлечения эффективных прямых иностранных инвестиций в Республику Беларусь / Е.Н. Петрушкевич, М. Барбьери // Белорусский экономический журнал. – 2010. – № 1. – С. 86–94.

139. Покровский, И.А. Литературное обозрение книги В.Б. Ельяшевича «Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве» / И.А. Покровский // Журнал Министерства юстиции. – 1910. – № 5. – С. 263–298.

140. Положение о комиссии международного права, 21 ноября 1947 г. // Действующее международное право: в 3 т. – М.: Изд-во Независим. ин-та международного права, 1997. – С. 58–64.

141. Положение о порядке заключения, изменения, прекращения инвестиционных договоров с Республикой Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 6 августа 2011 г. № 1058: в ред. Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 19.02.2014 г. № 149 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

142. Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года. Дело «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» против Российской Федерации» [ОАО Neftyanaya Kompaniya Yukos v. Russia] (жалоба № 14902/04) (I Секция) (извлечение) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70858598/#friends>. – Дата доступа: 10.06.2017.

143. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации об исполнении Постановлений ЕСПЧ от 14 июля 2015 года № 21-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://european-court.ru/2015/07/16/20877/>. – Дата доступа: 10.06.2017.

144. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 года № 1-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» против Российской Федерации» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201701200011?index=33&rangeSize=1>. – Дата доступа: 21.05.2017.

145. Правовой статус и функции Банка России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbr.ru/today/?PrtId=bankstatus>. – Дата доступа: 02.06.2017.

146. Протокол к Брюссельской конвенции для унификации некоторых правил относительно иммунитета государственных торговых судов //

Material son jurisdicion a immunities of states and their property. – New-York, 1982. – P. 173–175.

147. Путин: «Россия не признает компетенцию Гаагского суда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://censor.net.ua/n340804/>. – Дата доступа: 19.05.2017.

148. Резолюция 32/151 Генеральной Ассамблеи ООН, принятая по докладу Комиссии международного права 19 декабря 1977 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/32/docs/32res.shtml>. – Дата доступа: 30.05.2017.

149. Резолюция 55/155 Генеральной Ассамблеи ООН, принятая по докладу Шестого комитета 12 декабря 2000 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/gadocs/55sess/res6cte.htm>. – Дата доступа: 30.05.2017.

150. Решение Гаагского арбитражного суда по иску акционеров компании ЮКОС к Российской Федерации от 18 июля 2014 года (англ.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pca-cpa.org/showpage.asp?pag_id=1559. – Дата доступа: 23.05.2017.

151. Решение Постоянной палаты международного правосудия по сербским и бразильским займам от 12 июля 1929 года // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Постоянной палаты международного правосудия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://untreaty.un.org/cod/PCIJsummaries/documents/russian/5_r.pdf. – Дата доступа: 08.06.2017.

152. Родин, А. Концепция юрисдикционных иммунитетов государств на современном этапе развития международного права [Электронный ресурс] / А. Родин. – Режим доступа: <http://www.artemroдин.rec/schow.html>. – Дата доступа: 20.05.2017.

153. «Роскосмос» требует от Франции средства, арестованные по делу ЮКОСа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/10/24/662191-roskosmos-trebuets>. – Дата доступа: 26.05.2017.

154. «Роснефть» подтолкнула рынок к росту // Российская газета. – 2016. – 7 декабря. – С.1.

155. Рудый, К. Прямые иностранные инвестиции в Беларуси: инвестиционный разворот / К. Рудый // Банкаўскі веснік. – 2016. – № 11. – С. 8–13.

156. Руссо, Ж-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж-Ж. Руссо; пер. с фр. – М.: Канон-пресс, 1998. – 416 с.

157. Саудовская Аравия осудила закон США о возможности подавать иски в связи с терактами 11 сентября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gordonua.com/.../saudovskaya-araviya-osudila-zakon-ssha-o-vozmozhnosti-podavat-iski-v-svyazi-s-teraktami-11-sentyabrya-1524...> – Дата доступа: 10.06.2017.

158. CAS снял отстранение со сборной Беларуси по гребле на байдарках и каноэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.by/news/belarus/1219162>. – Дата доступа: 02.06.2017.

159. Сборник решений буржуазных судов по советским имущественным спорам / сост. М.А. Плоткин, В.Г. Блюменфельд. – Москва-Ленинград: Государственное внешнеторговое издательство, 1932. – 112 с.

160. Светланов, А.Г. Правовое регулирование инновационных процессов – задача российской правовой политики / А.Г. Светланов // Интеллектуальная собственность в России и ЕС: сб. ст. / под ред. М.М. Богуславского и А.Г. Светланова. – М.: Волтер Клувер, 2008. – С. 1–20.

161. Свод законов Российской империи: в 16 т. – СПб., 1897. – Т.Х. Ст.698. – 560 с.

162. Сделка года пополнит казну // Российская газета. – 2016. – 7 декабря. – С. 1.

163. Силкина, И.В. Лица, имеющие право ссылаться на государственный иммунитет: современные тенденции в зарубежной судебной практике / И.В. Силкина // Московский журнал международного права. – 2005. – № 1. – С. 202–212.

164. Симонишвили, Л.Р. Проблемы понимания «суверенитета государства» в современных условиях / Л.Р. Симонишвили // Международное публичное и частное право. – 2014. – № 1. – С. 6–8.

165. Словарь иностранных слов / отв. ред. В.В. Бурцева, Н.М. Семенова. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2007. – 817 с.

166. Смирнов, Д. Проблема библиотеки Шнеерсона может считаться закрытой [Электронный ресурс] / Д. Смирнов. – Режим доступа: <http://www.kp.by/daily/26092.4/2991979/>. – Дата доступа: 07.06.2017.

167. Смогут ли инвесторы стать обладателями белорусских евробондов? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://broker.by/articles/smogut-li-investory-stat-obladatelyami-belorusskih-evrobondov>. – Дата доступа: 01.06.2017.

168. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Боливарианской Республики Венесуэла о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в штате Ансоатеги 8 декабря 2007 г.; вступило в силу 13 августа 2008 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

169. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Государства Кувейт о поощрении и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Эль-Кувейт 10 июля 2001 г.; вступило в силу 14 июня 2003 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

170. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Султаната Оман о содействии осуществлению и взаимной за-

щите инвестиций (совершено в г. Минске 10 мая 2004 г.; вступило в силу 18 января 2005 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

171. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Королевства Дания о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Минске 31 марта 2004 г.; вступило в силу 20 июля 2005 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

172. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Индия о содействии осуществлению и защите инвестиций (совершено в г. Дели 27 ноября 2002 г.; вступило в силу 23 ноября 2003 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

173. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Финляндской Республики о содействии осуществлению и защите инвестиций (совершено в г. Минске 8 июня 2006 г.; вступило в силу 10 апреля 2008 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

174. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Македония о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Скопье 20 июня 2001 г.; вступило в силу 22 ноября 2002 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

175. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Ливанской Республики о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Бейруте 19 июня 2001 г.; вступило в силу 29 декабря 2002 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

176. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Государства Катар о взаимном содействии осуществлению и защите инвестиций (совершено в г. Доха 17 февраля 2001 г.; вступило в силу 6 августа 2004 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

177. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Куба о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Минске 8 июня 2000 г.; вступило в силу 16 августа 2001 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

178. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Сингапур о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Сингапуре 15 мая 2000 г.; вступило в силу 13 января 2001 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

179. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Объединенных Арабских Эмиратов о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Дубай 27 марта 2000 г.; вступило в силу 16 февраля 2001 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

180. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Молдова о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Кишиневе 28 мая 1999 г.; вступило в силу 19 ноября 1999 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

181. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Кыргызской Республики о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Минске 30 марта 1999 г.; вступило в силу 11 ноября 2001 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

182. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Литовской Республики о содействии осуществлению и защите инвестиций (совершено в г. Минске 5 марта 1999 г.; вступило в силу 16 мая 2002 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

183. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Таджикистан о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Душанбе 3 сентября 1998 г.; вступило в силу 25 августа 1999 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

184. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Пекине 11 января 1993 г.; вступило в силу 14 января 1995 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

185. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Эстонской Республики о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (заключено в г. Минске 21 октября 2009 г.) [Элек-

тронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

186. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Народной Республики Бангладеш о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Дакке 12 ноября 2012 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

187. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о содействии капиталовложениям, 3 апреля 1992 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

188. Соглашение между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой о взаимном содействии и взаимной защите инвестиций (совершено в г. Минске 8 августа 1995 г.; вступило в силу 20 февраля 1997 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

189. Старженецкий, В.В. Эволюция института юрисдикционных иммунитетов государств: равный над равным власть имеет? [Электронный ресурс] / В.В. Старженецкий. – Режим доступа: <http://отрасли-права.рф/article/9354>. – Дата доступа: 10.06.2017.

190. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года. – Мінск: «Беларусь», 2002. – 207 с.

191. Статут Международного Суда [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <http://www.ur.org/russian/document/basicdoc/hfm>. – Дата доступа: 20.05.2017.

192. Стучка, П.И. Курс советского гражданского права: в 3 т. / П.И. Стучка. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1931. – Т. 3. – 320 с.

193. Суд в Бельгии отказался снять арест с имущества России по «делу ЮКОСа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/business/2016/12/26/1579129.html>. – Дата доступа: 26.05.2017.

194. Суд в США обязал Россию выплачивать по 50 тысяч долларов ежедневно за библиотеку Шнеерсона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/religy/17jan2013/shneers.html>. – Дата доступа: 20.05.2017.

195. Суд Гааги отменил решение о выплате Россией 50 млрд. долларов экс-акционерам ЮКОСа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/04/20/638415-sud-gaagi>. – Дата доступа: 29.05.2017.

196. Суд не нашел вины украинских военных в крушении российского Ту-154 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/justice/20110906/431214923.html> /. – Дата доступа: 10.06.2017.

197. Судья отменил суверенитет Аргентины [Электронный ресурс] // Интерфакс. – Режим доступа: <http://www.interfaks.ru/business/327850>. – Дата доступа: 18.06.2017.

198. Сулейменов, М. Иммуниет государства: абсолютный или ограниченный? / М. Сулейменов // Юрист. – 2010. – № 3. – С. 12–19.

199. Типовая арбитражная оговорка при передаче спора в Международный центр по урегулированию инвестиционных споров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://icsid.Worldbank.org/ICSID/FrontServlet?actionVal=ModelClauses&requestType=ICSIDDocRH>. – Дата доступа: 10.06.2017.

200. Тихиня, В.Г. Международное частное право: учебник / В.Г. Тихиня – Минск: Книжный Дом, 2007. – 320 с.

201. Украина перевела в Россию 7,8 млн долларов компенсаций за сбитый Ту-154 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/world/2004/12/15/money1/>. – Дата доступа: 10.06.2017.

202. Усенко, Е.Т. Иммуниет государства от иностранной юрисдикции и исполнительных мер (Анализ практики буржуазных судов) / Е.Т. Усенко // Сборник информационных материалов ВТП. – Вып. XIII. – М.: ВНЕШТОРГИЗДАТ, 1962. – С. 9–28.

203. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents...> – Дата доступа: 26.05.2017.

204. Ушаков, Н.А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности / Н.А. Ушаков. – М.: Наука, 1993. – 236 с.

205. Федосеева, Г.Ю. Международное частное право: учебник / Г.Ю. Федосеева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Антэя 2000», 2000. – 316 с.

206. Фердросс, А. Международное право / А. Фердросс. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 652 с.

207. Фолсон, Р.Х. Международные сделки: краткий курс / Р.Х. Фолсон, М.У. Гордон, Дж. А. Спаногл; пер. в с англ. – М.: Логос, 1996. – 528 с.

208. Фомин, А.А. Юридическая безопасность в сфере законотворчества и правореализации / А.А.Фомин. – Пенза: Изд-во Пензенского гос. ун-та, 2006. – 236 с.

209. Фомин, А.А. Юридическая безопасность субъектов российского права / А.А. Фомин. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. – 332 с.

210. Функ, Я.И. О статусе юридического лица у государственных органов и органов местного управления и самоуправления / Я.И. Функ // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2009. – № 22. – С. 87–96.

211. Функ, Я.И. Проблема определения условий инвестиционного договора по праву Республики Беларусь (комментарий к Закону Республики Беларусь от 12.07.2013 г. №53-З «Об инвестициях» (часть 3) [Электронный

ресурс] / Я.И. Функ // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

212. Функ, Я.И. Субъекты Республики Беларусь как участники внешнеэкономической деятельности [Электронный ресурс] / Я.И. Функ // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

213. Харитонов, Е.О. Основы римского частного права / Е.О. Харитонов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 416 с.

214. Хлестова, И.О. Проблемы юрисдикционного иммунитета иностранного государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / И.О. Хлестова; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – М., 2003. – 49 с.

215. Хлестова, И.О. Юрисдикционный иммунитет государства / И.О. Хлестова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007. – 216 с.

216. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 15 декабря 1998 г. №219-З: принят Палатой представителей 11 ноября 1998 г.: одобрен Советом Республики 26 ноября 1998 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 09.01.2017 г. № 19-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

217. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права: учебник / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрайт-М, 2001. – 432 с.

218. Черниченко, С.В. Государство как личность, субъект международного права и носитель суверенитета / С.В. Черниченко // Российский ежегодник международного права. – СПб.: Россия – Нева, 1995. – С. 13–44.

219. Чешир, Дж. Международное частное право / Дж. Чешир, П. Норт; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1982. – 496 с.

220. Шак, Х. Международное гражданское процессуальное право: учебник / Х. Шак; пер. с нем. – М.: Изд-во БЕК, 2001. – 560 с.

221. Autotech Techs, v. Integral Research & Dev. 499 F.3d 737 (7th Cir. 2007) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://casetext.com/case/autotech-v-integral>. – Date of access: 10.06.2017.

222. Banco Nacional de Cuba v. Sabbatino [Electronic resource]. – Mode of access: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/376/398/case.html>. – Date of access: 10.06.2017.

223. Consolidated Patent Laws – May 2015 Update [Electronic resource]. Mode of access: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=371712. – Date of access: 02.06.2017.

224. Dole Food Company v. Patrickson [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.google.by/search?client=opera&q=Dole+Ford+Company+v.> – Date of access: 20.05.2017.

225. Foreign Investment and National Security Act 2007 [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.congress.gov/110/.../PLAW-110pub149.pdf> – Date of access: 20.05.2017.

226. Jacson v. Peoples Republic China [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.leagle.com/decision/19862284794F2d1490_12031.xml/JACKSON%20v.%20PEOPLE'S%20REPUBLIC%20OF%20CHINA. – Date of access: 08.06.2017.

227. Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece intervening) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.icj-cij.org>. – Date of access: 08.06.2017.

228. Justice Against Sponsors of Terrorism Act, JASTA [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/2040/text>. – Date of access: 10.06.2017.

229. Krabbe, H. Die modern Staats. Idee. Haag. / H. Krabbe. – M. Nijhoff, 1919. – 311 s.

230. Limmunite de juricdiction et dexecution forues des Etates etrangers [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.idi-ii.org/idiF/resolutionsF/1954_aix_02_fr.pdf. – Date of access: 26.05.2017.

231. Maistre, J. Etude sur la souverainete / J. de Mestre // Oeuvres completes. Yeneve, 1979-1980. – 489 p.

232. Sovereignty of Rights vs. «Global Constitutional» Law: The Italian Constitutional Court Decision №238/2014 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.google.by/search?client=opera&q=The+Constitutional+Court+of+the+Italian+Republic:+Decree+of+October+22>. – Date of access: 10.06.2017.

233. Summers, L. The International Law of Peace / L. Summers. – New-York. 1972. – 367 p.

234. The Foreign Sovereign Immunities Act of USA (1976) // Materials on Jurisdict. Immun. of States and Their Property. – New-York: UN, 1982. – P. 55–63.

235. The Foreign States Immunities Act of Australia 1985 // Internat. Legal Materials. – 1986. – Vol. 25. – P. 715–725.

236. The State Immunity Act of Canada 1982 // Internat. Legal Materials. – 1982. – Vol. 21. – P. 798–801.

237. The State Immunity Act of Great Britain 1978 // Materials on Jurisdict. Immun. of States and Their Property. – New-York: UN, 1982. – P. 41–51.

238. The State Immunity Act of Singapore 1979 // Materials on Jurisdict. Immun. of States and Their Property. – New-York: UN, 1982. – P. 28–34.

239. The State Immunity Act of South Africa 1981 // Materials on Jurisdict. Immun. of States and Their Property. – New-York: UN, 1982. – P. 20–27.

Научное издание

БАРЫШЕВ Владимир Алексеевич

**УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ
ОТНОШЕНИЯХ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ**

Монография

Технический редактор *Г.В. Разбоева*
Компьютерный дизайн *Т.Е. Сафранкова*

Подписано в печать 2017. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,47. Уч.-изд. л. 10,94. Тираж 100 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.